

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1914.

№ 4.

ФЕВРАЛЬ — книжка вторая.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

Жизнь Иисуса Христа, какъ образецъ и примѣръ нравственной жизни. Проф.-Прот. Н. Стеллецкаго	381—408
Тайна жизни. (Прод.). Свящ. І. Дмитревскаго	409—424
Церковныя древности Харьковскаго края. (Прод.). Прот. П. Вомина	425—454
Мораль, основанная на демографіи. Архимандрита Никанора	455—470
Наши миссіонеры въ борьбѣ съ сектантствомъ. (Оконч.). К. И-на	471—492

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

I. Письмо Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Московскаго Макарія на имя Высокопреосвященнаго Арсеція, Архіепископа Харьковскаго. — Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи. — Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта. — Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1912—1913-й уч. годъ. (Прод.). Епархіальныя извѣщенія. — II. О священныхъ изображеніяхъ. (Миссіонерская беседа). *Мис.-святц. О. Сулимы*. — Иноепархіальный отдѣлъ. — Разныя извѣстія и замѣтки. — Объявленія. — (Стр. 493—520).

ХАРЬКОВЪ.

Епархіальная Типографія, Каплуновская улица, д. № 2.

1914.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи.

Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ даетъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ помѣщаются изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подь названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за границу 12 р. съ пересылкою.

Разрочки въ уплату не допускаются.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ **Харьковѣ:** въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной семинаріи, въ Харьковскихъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова; въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ **Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія за 1913 г. за **8 руб.** съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть пріобрѣтаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

ВЪ РЕДАКЦІИ ПРОДАЕТСЯ:

СОБРАНІЕ СЛОВЪ и РЪЧЕЙ Высокопреосвященнаго Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за 8 книгъ **8 рублей** съ пересылкой. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспоможенія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи.

Πίστις νοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 28 Февраля 1914 года.

Цензоръ Протоіерей Петръ Толкинъ.

Жизнь Иисуса Христа, какъ образецъ и примѣръ нравственной жизни.

Высочайшая нравственная свобода и высочайшая любовь въ лицѣ Спасителя.—Гармоничность нравственного характера Иисуса Христа.—Подражаніе Христу.—Смысль этого требованія.—Различные богословскіе взгляды на то, какъ и въ чемъ можетъ выразаться наше подражаніе Христу.

Для нравственной жизни недостаточно одного знанія нравственного закона, *истолковывающаго* намъ, что есть добро и зло; потому что это знаніе, какъ бы ни было обширно, не можетъ объять собою всего разнообразія человѣческой жизни, въ которой должны осуществляться требованія закона, и, какъ отвлеченное, не можетъ обладать достаточною силою противостоятъ страстнымъ движеніямъ сердца. Конечно, христіанская любовь, въ которой заключается духовная сущность откровеннаго нравственного закона (Мѡ. 22, 36—40; 5, 38; Рим. 8, 9), не только можетъ замѣнить знаніе закона, но можетъ служить и сильнѣйшимъ мотивомъ исполненія его (Рим. 13, 10; Гал. 5, 14). Но и она требуетъ, чтобы лучи ея для своей живительной силы были собраны въ одномъ фокусѣ, въ одномъ конкретномъ образѣ. Надобно еще, чтобы эта любовь отразилась въ конкретномъ идеалѣ—ясномъ для нашего ума и плѣнительномъ для нашего сердца. И вотъ причина, почему еще древніе говорили: *praeserta aut verba docent, exempla trahunt*. По словамъ *Сенеки*, сознававшего всю необходимость примѣровъ въ нравственной жизни, нужно избирать себѣ какого-либо хорошаго мужа и представлять его всегда въ своемъ умѣ, чтобы жить такъ, какъ онъ жилъ, и всегда дѣлать какъ бы въ присутствіи его (Epist. 11). „Ничто такъ не ободряетъ духа“,—говоритъ *Маркъ Аврелій*,— „какъ предносящіеся ему образы добродѣтелей, вошедшихъ

въ нравы тѣхъ людей, съ которыми мы живемъ“¹⁾). Примѣръ есть одно изъ вѣрныхъ средствъ для дѣйствія на волю человѣка. Никакое слово наученія и убѣжденія не можетъ сравниться съ примѣромъ по силѣ вліянія на человѣка. Мы невольно устанавливаемъ живую связь между извѣстною личностію и его моральнымъ ученіемъ. Кто говоритъ одно, а дѣлаетъ другое, тотъ не можетъ произвести рѣшительнаго дѣйствія. Разногласіе между словомъ и дѣломъ, свидѣтельствующее о неискренности говорящаго, смущаетъ совѣсть человѣка, парализуетъ рѣшимость его воли слѣдовать ученію проповѣдника. Когда мы видимъ, какъ какой-либо общественный дѣятель громко возвѣщаетъ, напр., о всеобщемъ равенствѣ, братствѣ и свободѣ, а самъ явно эксплуатируетъ нищету, то невольно начинаемъ думать, что его идеи не имѣютъ реальной силы, такъ какъ въ противномъ случаѣ проповѣдники ихъ сами первые стали бы прилагать ихъ къ жизни. Попытки нѣкоторыхъ современныхъ намъ моралистовъ замѣнить нравственные образцы туманными представленіями свободы эмансипаціи и прогресса, какъ ни кажутся эти представленія или принципы всеобщими и универсальными, теряются въ противорѣчій, произволѣ и субъективизмѣ и, въ концѣ концовъ, идутъ въ разрѣзъ съ требованіями нравственнаго долга. Задача нравственной жизни состоитъ не въ освобожденіи только отъ грѣха и его послѣдствій, другими словами, не въ достиженіи только формальной нравственной свободы и эмансипаціи, но и въ созданіи въ себѣ новаго человѣка, „созданнаго по Богу въ правдѣ и въ преподобіи истины“ (Ефес. 4, 24); туманные же и отвлеченные принципы свободы, эмансипаціи и прогресса ничего не говорятъ намъ объ этомъ новомъ человѣкѣ. Для нравственной жизни недостаточно быть свободнымъ, но и надобно умѣть наполнить свою свободу разумнымъ содержаніемъ; недостаточно эмансипироваться, но и надобно умѣть не уклоняться ни направо, ни налево. И вотъ причина, почему у всѣхъ болѣе или менѣе образованныхъ народовъ предъ умственнымъ взоромъ всегда стоялъ болѣе или менѣе конкретный идеаль нравственной жизни, къ которому они хотѣли приблизиться сами и приблизить другихъ, хотя, конечно, этотъ идеаль

¹⁾ „Meditationes“. Изд. Didot-a. 1840, VI, 48.

былъ разнообразенъ и ограниченъ мѣстными условіями времени, національности и разнообразными задачами жизни. Одно только христіанство указало намъ въ лицѣ Спасителя безграничный и безпредѣльный идеалъ нравственной жизни, объемлющій собою всѣ времена и всѣхъ людей во всѣхъ отношеніяхъ, идеалъ вѣчный. І. Христосъ не только возвѣстилъ людямъ возвышенное нравственное ученіе, но и воплотилъ его въ Своей жизни. „Онъ былъ силенъ словомъ и дѣломъ предъ Богомъ и всѣми людьми“ (Лук. 8, 49; 24, 19). Поэтому нравственное христіанское ученіе,—справедливо говоритъ *Геттингеръ*,—не пустое мечтательное произведеніе фантазіи, рассыпающееся въ прахъ при внимательномъ изслѣдованіи, не простая идеологія или абстрактная мораль,—но живое изображеніе І. Христа, этого божественнаго образа и живого нравственнаго идеала, Который явился въ исторіи и сталъ человѣкомъ, Который жилъ чисто человѣческою жизнію, „будучи во всемъ намъ подобенъ, кромѣ грѣха“,—и всякое нравственное величіе состоитъ только въ приближеніи къ этому конкретному, чисто человѣческому первообразу человѣческой жизни, который, при всей своей недоступной для насъ высотѣ, въ тоже время и вполне близокъ намъ¹⁾.

Есть на Западѣ, встрѣчаются и въ нашей литературѣ попытки изобразить этотъ идеалъ, охарактеризовать земную жизнь Спасителя вполне точно; какъ на одну изъ особенно замѣчательныхъ подобныхъ попытокъ оригинальныхъ можно указать на „Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа, изображенные по сказанію всѣхъ четырехъ Евангелистовъ“ преосвящ. *Иннокентія* (Борисова), архіеп. Херсонскаго и Таврическаго, и переводныхъ—на „Жизнь Иисуса Христа“ англійскаго богослова-экзегета *Ф. В. Фаррара* (перев. проф. А. П. Лопухина). Но всѣ эти попытки изобразить личность І. Христа, по замѣчанію о. *І. Л. Янышева*, напоминаютъ древнее сказаніе о живописцѣ, котораго Авгарь, Едесскій правитель, при жизни Спасителя послалъ въ Палестину для снятія съ Него изображенія: все, что не успѣвалъ живописецъ изобразить на полотнѣ, оказывалось далеко не похожимъ на ликъ Спасителя,—пока Онъ Самъ, по снисхожденію къ усердію Авгаря, не отпечатлѣлъ Своего неруко-

¹⁾ „Апологія христіанства“. Спб. 1872, стр. 277—278.

твореннаго образа на полотнѣ, отерши имъ лице Свое ¹⁾. Но какъ живописецъ Авгаря не могъ изобразить физическій образъ Спасителя, такъ мы не можемъ изобразить Его духовно-нравственный обликъ вполне точно. Человѣкъ обыкновенно судить о другихъ по себѣ. Впечатлѣніе, получаемое отъ нравственнаго образа Спасителя, измѣняется въ зависимости отъ того, что всесовершенная личность Его воспринимается различными темпераментами. Христосъ называетъ Себя „свѣтомъ міра“ (Іоан. 8, 12; 9, 5). Но свѣтъ преломляется, когда онъ падаетъ черезъ призму и каждая отдѣльная краска его спектра многимъ кажется господствующею ²⁾. Та или другая черта изъ нравственнаго облика Спасителя, конечно, можетъ быть болѣе или менѣе удачно изображена тѣмъ или другимъ писателемъ, или отпечатлѣна въ тѣхъ или другихъ духовныхъ качествахъ вѣрующихъ,—но полный образъ Его и во всей неизреченной славѣ его, едва ли можетъ быть изображенъ и едва ли вмѣстимъ не только въ умъ и сердце отдѣльныхъ вѣрующихъ, хотя бы и при самомъ высокомъ нравственномъ состояніи ихъ, но и во всей земной церкви Христовой (1 Кор. 2, 11; Мѣ. 11, 27). „Ни одинъ біографъ, моралистъ или художникъ“,—говоритъ *Фил. Шафферъ*,—„не можетъ попытаться удовлетворительнымъ образомъ изобразить красоту и святость, воплотившіяся въ лицѣ Іисуса Христа изъ Назарета. Мы чувствуемъ, что Онъ даетъ безконечно больше, чѣмъ могутъ изобразить всѣ образы и представленія, будутъ ли они произведеніемъ пера, или кисти человѣка, или языка ангела“ ³⁾. Нравственный образъ Спасителя неисчерпаемъ въ человѣческомъ изображеніи. Но это обстоятельство, само собою разумѣется, вовсе не исключаетъ благоговѣйныхъ попытокъ къ такимъ изображеніямъ. Вотъ почему мы, благоговѣйно преклоняясь предъ Божественною личностію Спасителя, не беремъ на себя непосильной задачи представить

¹⁾ „Сущность христіанства съ нравств. точки зрѣнія“. „Христ. Чтеніе“ 1877 г. II, стр. 342.

²⁾ *С. Савинскій*. „Нравственный обликъ Христа“ (Переводъ брошюры проф. *Ф. Г. Пибоди*: „Der Charakter Iesu Christi“). „Христіанинъ“ 1909 г. декабрь, стр. 740—41.

³⁾ „Іисусъ Христосъ — чудо исторіи“. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1896 г., стр. 63.—„Попытка начертать *полный* образъ Христа“,—пишетъ *Н. Егоровъ*,—„скорѣе можетъ быть свойственна фантазіи рационализма, старающагося видѣть во Христѣ лишь выдающагося человѣка, чѣмъ строгому уму безпристрастнаго богослова-мыслителя“ (см. Правос. Собес. 1900 г. февр. 55).

цѣлостный нравственный образъ Его... Для нашей цѣли совершенно достаточно отмѣтить только нѣкоторыя существенныя черты въ личности І. Христа... Это—высочайшая нравственная *свобода* и высочайшая *любовь* въ лицѣ Спасителя, да еще *гармоничность* нравственнаго характера Его.

Подобно первому Адаму въ его невинномъ состояніи, и второй Адамъ не могъ не обладать формальною *свободою*, способною одинаково какъ къ добру, такъ и къ злу, хотя эта свобода въ лицѣ Спасителя и была, вслѣдствіе упостаснаго единенія въ Немъ Божества и человѣчества, соединена съ идеальною Божественною свободою. И если первый Адамъ не устоялъ противъ искушенія отъ діавола, осуществивъ свою свободу въ реально-зломъ смыслѣ, то второй Адамъ, среди всѣхъ испытанныхъ, не разъ пережитыхъ Имъ искушеній (Евр. 4, 15. Ср. 3, 17—18), осуществилъ Свою свободу въ реально-добромъ смыслѣ. Слѣдя за переходомъ Его формальной свободы въ идеально-добрую, т. е. за всею Его землею жизнію, наше вниманіе, прежде всего, поражается тою особенностію, что отношеніе Іисуса Христа къ нравственному закону совершенно другое, чѣмъ у всѣхъ другихъ людей. Въ нравственной жизни всѣхъ другихъ людей замѣчается и непремѣнно существуетъ борьба, противорѣчіе между требованіями и предписаніями нравственнаго закона, и влеченіями и стремленіями ихъ грѣховной природы. Опытъ показываетъ всеобщее господство грѣха въ человѣческомъ родѣ. Чѣмъ долѣе мы живемъ, чѣмъ болѣе являемся внимательными къ дѣлу своей нравственной жизни; чѣмъ яснѣе сознаемъ велѣнія нравственнаго долга, тѣмъ сильнѣе мы ощущаемъ указанный неизбѣжный разладъ между святою волею Божіею и грѣховной волею человѣческой, тѣмъ болѣе повторяется тотъ опытъ, что люди прежде бывшіе болѣе или менѣе совершенными, на которыхъ въ первомъ своемъ одушевленіи мы смотрѣли, какъ на высокіе образцы, которые насъ очаровывали своимъ видимымъ нравственнымъ совершенствомъ,—что эти-то люди, одинъ за другимъ, теряютъ свой блескъ и нисходятъ на степень относительнаго величія. Совершенно въ другихъ чертахъ—единственною и вѣчною является идеальная нравственная свобода Спасителя. Сказавши однажды ученикамъ, что „Его пища есть творить волю Пославшаго Его и совершать дѣла Божіи“ (Іоан. 4, 34), Онъ ни малѣйшимъ поступкомъ, ни однимъ мимолетнымъ движеніемъ

емъ Своего сердца не уклонялся отъ Своей задачи. Онъ и по человѣческой Своей природѣ никогда и ни въ чемъ не раскаивается и не чувствуетъ тягостнаго сознанія безсилія къ воплощенію въ жизни того, что требуетъ Самъ Богъ. Онъ представляется нерѣдко страдающимъ до невыразимой степени, но эти страданія душевныя вызываются Его святою скорбію о виновности человѣчества предъ Богомъ и не имѣютъ ничего общаго съ угрызеніями нашей грѣховной совѣсти. Онъ не знаетъ по собственному опыту воздыханій подъ игомъ и проклятіемъ закона, вслѣдствіе раздѣленія между требованіями совѣсти и даннаго моральнаго состоянія. Онъ не знаетъ по собственному опыту и того, что значитъ быть человѣкомъ примиреннымъ съ Богомъ, получать прощеніе грѣховъ и быть принятымъ въ усыновленіе Богу. Наставляя учениковъ молиться о прощеніи грѣховъ, Онъ Самъ никогда не просилъ прощенія; Онъ молился за грѣхи міра, а не за Свои. „Онъ не сдѣлалъ никакого грѣха, и не было лести въ устахъ Его“,—засвидѣтельствовалъ о Немъ ап. Петръ (1 Петр. 2, 22). „Согрѣшилъ я, предавъ кровь невинную“ (Мѡ. 27, 4),—сознался и предатель Спасителя. Пилать сказалъ объ І. Христѣ: „Я не нахожу никакой вины въ этомъ человѣкѣ“ (Лук. 23, 4). Сознвая Свою безгрѣшность, Христосъ обращается къ фарисеямъ съ требованіемъ, чтобы они, если могутъ, обличили Его въ грѣхъ: „кто отъ васъ обличитъ мя о грѣсѣхъ?“ (Іоан. 8, 46; ср. 14, 30),—спрашиваетъ Онъ ихъ. Прошло девятнадцать слишкомъ вѣковъ съ тѣхъ поръ, какъ заданъ былъ этотъ вопросъ, и однако, какъ во время земной жизни Спасителя, такъ и до послѣдняго времени никто не отважился найти въ жизни Его что-нибудь погрѣшительное и непослѣдовательное, какъ въ словахъ, такъ и въ дѣйствіяхъ Его, не смотря на то, что враги христіанства никогда не переставали нападать на Божественное лице Искупителя. Поэтому-то тѣ противники Христа, которые такъ привыкли къ нечистой атмосферѣ міра сего, что уже не вѣрятъ въ возможность безгрѣшной жизни, и хотятъ считать Его нравственный образъ за мифическое или поэтическое изображеніе. Однако никто изъ нихъ не могъ объяснить намъ самого чуда такой изобрѣтательности; не могъ указать ни изобрѣтателей, ни изъяснить этой столь безгрѣшной и святой фантазіи въ грѣшномъ до растлѣнія мірѣ. Но это нравственное чудо---чудо святой воли въ лицѣ

Спасителя—является еще въ большемъ блескѣ, когда мы приѣмемъ во вниманіе Его постоянный навыкъ въ добрѣ, постепенность перехода формальной свободы въ идеально-добрую. Совершенно согласно съ ходомъ нормальнаго развитія нравственныхъ силъ человѣческой природы, Онъ, какъ человѣкъ, по свидѣтельству слова Божія, только постепенно переходилъ отъ менѣе совершеннаго нравственнаго состоянія къ болѣе совершенному (Лук. 2, 40, 51—52). Подобно тѣмъ „совершеннымъ людямъ, у которыхъ чувства *навыкомъ* приучены къ различію добра и зла“ (Евр. 5, 14), и Онъ только постепенно навыкъ въ добрѣ или добродѣтели, напр., „страданіями *навыкъ* послушанію, хотя Онъ и Сынъ Божій“ (Евр. 5, 8). „Онъ“,—говоритъ объ Иисусѣ Христѣ *св. Григорій Нисскій*,—„сперва былъ носимъ на рукахъ Матерію, потомъ былъ въ отроческомъ, далѣе въ юношескомъ возрастѣ, и, такимъ образомъ, *мало-по-малу*, достигая совершенства, пришелъ, наконецъ, въ мѣру полнаго возраста человѣческаго“¹⁾. Поскольку Господь нашъ Иисусъ Христосъ былъ человѣкомъ, Онъ владѣлъ душевно-тѣлесной природой *во всемъ* подобной нашей, *кромѣ грѣха* (Евр. 4, 15), и потому, со стороны человѣческой природы Своей, Онъ не отличался отъ насъ какими-либо данными Ему готовыми отъ природы совершенствами; напротивъ, „духъ Его только постепенно развивался, проходилъ истинно-человѣческій путь развитія и этотъ путь совершалъ не безъ борьбы съ естественно-чувственными (но не грѣховными) влеченіями Своей физической природы и, такимъ образомъ, все нравственное совершенство имѣлъ Своимъ *личнымъ* достояніемъ, результатомъ Своего собственнаго, *свободнаго подвига*“²⁾. Какъ человѣкъ, Иисусъ Христосъ въ силу Своей формальной человѣческой свободы могъ уклониться отъ исполненія воли Божіей, могъ грѣшиться, но эта возможность грѣха была отстранена Его-же идеально-доброю свободою, направленною на исполненіе воли Божіей. Отрицать эту возможность значило бы отрицать нравственный

1) *Св. Григорій Нисскій*: „Опроверженіе мнѣнія Аполлинарія“, ч. VII, стр. 147.

2) С. І. П. (П. І. Д. *Петропавловскій*). „Безгрѣшность Господа нашего Иисуса Христа, какъ доказательство Его Богочеловѣческой природы“. „Душеполез. Чтеніе“ 1878 г. т. II, № 7, стр. 273. Ср. *Ею же* „Вынужденное самооправданіе“, стр. 126—129.

характеръ жизни Иисуса Христа, какъ человѣка, разрушать понятіе о немъ, какъ новомъ Адамѣ, и дѣлать необъяснимыми не только чрезвычайныя искушенія І. Христа отъ діавола и отъ немощей Его человѣческой природы на крестѣ, но и Его значеніе для насъ, какъ высочайшаго нравственнаго идеала ¹⁾).

Это совершенно свободное, неуклонное и полное согласіе воли Иисуса Христа, какъ человѣка, съ волею Божіею, исключяющее всякую возможность противорѣчія съ нею, есть величайшее нравственное чудо. Гдѣ же источникъ этого чуда? Часто говорятъ, что ничего великаго въ мірѣ не совершается безъ *страсти*; поэтому и въ дѣятельности Спасителя думаютъ видѣть страстность, и Ему нечестиво хотятъ приписать страсть, какъ всеильный мотивъ нравственной свободы. Но гдѣ есть страсть, тамъ уже нѣтъ свободы. Кто внимательно читалъ Евангеліе, тотъ могъ замѣтить у Спасителя только одно святое одушевленіе Своимъ дѣломъ, и ни малѣйшихъ слѣдовъ страстнаго состоянія духа. Богохульно приписывать Спасителю міра какія-либо страсти, но, съ другой стороны, нечестиво находить въ характерѣ Его свойства *стоическаго* мудреца: равнодушіе, холодность и безчувственность ²⁾. Христосъ жилъ самою глубокою жизнію чувства и сердца. Онъ пламенѣлъ скорѣйшимъ желаніемъ осуществить конечную цѣль Своей земной жизни, состоящую въ спасеніи человѣчества (Іоан. 12, 27): „Огонь пришелъ Я низвестъ на землю: и *какъ желалъ бы*, чтобы онъ уже возгорѣлся!“ (Лук. 12, 49). Но ни въ одномъ частномъ движеніи сердца—было ли оно любовію или негодованіемъ, радостію или скорбію—Онъ не терялъ самообладанія и полнѣйшей

¹⁾ „Едва ли можно“,—говоритъ прот. Т. И. Бушкевичъ,—„Иисусу Христу отказать во всякомъ пунктѣ соприкосновенія со зломъ, потому что въ этомъ случаѣ мы впали бы въ докетизмъ, и человѣчество Иисуса нужно было бы считать только призрачнымъ“, (См. М. Барсовъ. „Сборникъ статей по истолкован. чтенію четвероевангелія“, т. 1, стр. 267—81, 1890 г.) „Если бы Христосъ съ самаго начала былъ одаренъ *абсолютною* неспособностію грѣшить“,—пишетъ и западный богословъ Шафферъ,—„то не могъ бы быть образцомъ для нашего подражанія. Его святость не была бы собственною, личною заслугой, а случайнымъ внѣшнимъ даромъ и Его искушенія были бы обманчивымъ призракомъ“ (М. Барсовъ, тамъ же, стр. 266).

²⁾ И. Невзоровъ. „Мораль стоицизма и христіанское нравоученіе“. Казань, 1892 г., стр. 164—165.

гармоніи нравственнаго Своего существа. Моралисты даже замѣчаютъ, что каждое сильное чувство у Него непосредственно умѣрялось и уравновѣшивалось другимъ, столь-же сильнымъ и святымъ. Въ саду геосиманскомъ, напр., Онъ молитъ Отца Своего: „Аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія“, и въ то-же время находитъ умиротвореніе въ глубокой преданности въ волю Отца Небеснаго: „обаче не якоже Азь хочу, но якоже Ты“. (Мѡ. 26, 39). Симпатическая и автопатическая стороны въ Его нравственномъ существѣ находились въ совершеннѣйшей гармоніи между собою, никогда—ни среди друзей, ни среди враговъ, ни при восторженныхъ привѣтствіяхъ отъ народа: „осанна!“, ни при неистовыхъ вопляхъ толпы: „распи Его!“, ни при насмѣшкахъ, ни въ глубочайшемъ униженіи, ни даже на самомъ крестѣ,—Онъ не забываетъ царственнаго Своего достоинства и величія: всегда Онъ вѣренъ Себѣ Самому ¹⁾. Одушевленный величіемъ Своего дѣла, возбуждаемый къ Своей дѣятельности примѣромъ Небеснаго Отца, Который „доселѣ дѣлаетъ“ (Іоан. 5, 17), Онъ является изумительно дѣятельнымъ, изумительно неутомимымъ. „Вотъ иду: Я желаю исполнить волю Твою, Боже мой“ (Пс. 39, 8—9. Ср. Евр. 10, 7): это пророческое слово указываетъ на Спасителя, горѣвшаго желаніемъ учредить царство Божіе въ мірѣ. Это желаніе проникаетъ и побуждаетъ Его къ непрерывной, неустанной работѣ: „Мнѣ должно дѣлать дѣла пославшаго Меня, доколѣ есть день; приходитъ ночь, когда никто не можетъ дѣлать“ (Іоан. 9, 4). Онъ знаетъ, что у Него имѣется только короткое время, что свѣтъ будетъ сіять передъ людьми лишь малое время (Іоан. 12, 35). Поэтому Онъ долженъ воспользоваться имѣющимся въ Его распоряженіи временемъ. Говорятъ, геніальность состоитъ въ умѣннмъ распоряжаться временемъ; но что значитъ человѣческая геніальность передъ изумительно-громаднымъ трудомъ Богочеловѣка, передъ величіемъ Его дѣлъ, обнимавшихъ собою какъ небо такъ и землю, какъ настоящее и прошедшее, такъ и будущее,—и исполненныхъ Имъ въ какіе-нибудь два—три года! Какая масса труда совершалась Имъ въ теченіе даже одного дня! Когда евангелисты, напр., повѣствуютъ (Марк. 1, 32; Мѡ. 8, 16), что

¹⁾ *Мартенсенъ*, т. I, стр. 268—70.

вечеромъ одного дня, уже при захожденіи солнца, къ Нему со всѣхъ сторонъ приносили бѣсноватыхъ, и Онъ изгонялъ духовъ словомъ Своимъ и исцѣлялъ всякіе недуги; то это былъ вечеръ того дня, который Онъ провелъ въ непрерывной дѣятельности, въ благовѣстническомъ путешествіи, въ исцѣленіяхъ и во всевозможномъ благотвореніи. А на слѣдующее утро, когда еще было темно, Онъ уже ушелъ въ пустынное мѣсто, и тамъ молился. И вотъ ученики Его, вмѣстѣ съ Симономъ, находятъ Его и говорятъ Ему: „всѣ ищутъ Тебя“.—„Пойдемъ“,—отвѣчалъ имъ Спаситель,—„въ ближайшія селенія и города, чтобы Мнѣ и тамъ проповѣдывать; ибо Я для того пришелъ“ (Марк. 1, 35—38). И, не смотря на этотъ колоссальный трудъ, превосходящій всѣ обыденныя понятія, въ Евангеліи мы не находимъ ни малѣйшей жалобы Спасителя на утомленіе; Его тѣло вполнѣ покорно Его святой волѣ, и Онъ неизмѣнно воодушевленъ Своимъ дѣломъ до послѣдней минуты жизни ¹⁾. Здѣсь невольно припоминается намъ пророчество о Немъ Исаи: „Не ослабѣетъ и не изнеможетъ, доколѣ на землѣ не утвердитъ суда“ (Ис. 42, 4).

Та же нравственная свобода, которою одушевленъ былъ Спаситель въ Себѣ Самомъ, проявляется осязательнымъ образомъ и во всѣхъ Его отношеніяхъ къ внѣшнему міру и человѣческому обществу. Владыка неба и земли, Онъ повелѣвалъ бурѣ и водѣ, исцѣлялъ болѣзни и воскрешалъ мертвыхъ, Самъ воскресъ изъ мертвыхъ и вознесся съ тѣломъ на небо, и, такимъ образомъ, явилъ въ Себѣ силу духа, для которой всѣ силы и законы природы были только покорнымъ орудіемъ; но въ то же время въ природѣ Онъ прозрѣвалъ символы или образы благодатнаго царства Своего и въ полевой лиліи созерцалъ красоту и великолѣпіе, какими не обладалъ Соломонъ въ дни полной славы своей (Мѡ. 6, 29; Лук. 12, 27). По условіямъ Своего служенія, отказывая Себѣ въ опредѣленномъ мѣстопребываніи и опредѣленномъ жилищѣ (Мѡ. 8, 20), Онъ отнюдь не отказывался отъ пребыванія и среди богатыхъ семействъ, живущихъ въ изобиліи (Лук. 14, 1—14). Въ отношеніи къ удовлетворенію потребности питанія Онъ является образцомъ самаго строгаго воздержанія въ пищѣ

¹⁾ Тамъ-же, стр. 285—86.

и перенесенія продолжительнаго голода, и въ то же время знакомъ съ земными радостями и соглашается раздѣлить богатую трапезу съ Своими соплеменниками, не смущаясь даже тѣмъ, что фарисеи называли Его ядцей и винопійцей (Мѡ. 11, 19). Тотъ же самый І. Христось, Который спокойно говоритъ о Себѣ, что Онъ „не имѣеть, гдѣ приклонить голову“ (Мѡ. 8, 20), не отказывается носить цѣнный хитонъ, не сшитый, но, подобно верхней первосвященнической одеждѣ (Исх. 25, 39), сотканный, который распинатели пожалѣли раздирать, а бросили о немъ жребій подѣ крестомъ Его, кому достанется (Іоан. 19, 23—24). Даже въ концѣ земнаго поприща, полнаго скорбей, въ Немъ все еще витаетъ слѣдъ Его возвышенной радости. „Вы теперь имѣете печаль“,—утѣшаетъ Онъ Своихъ смущенныхъ учениковъ,—„но Я увижу васъ опять и возрадуется сердце ваше и радости вашей никто не отниметъ у васъ“ (Іоан. 16, 22). Онъ ничѣмъ не оскорбляетъ обычаевъ Своего народа и его законовъ, соблюдаемыхъ Имъ (Мѡ. 17, 23—27), но, при всемъ томъ, является и по отношенію къ нимъ независимымъ, гдѣ это нужно (Лук. 13, 10—17). Онъ былъ выше всякаго человѣческаго авторитета и нравственной зависимости отъ кого бы то ни было, но въ то же время признаетъ права гражданскихъ и церковныхъ властей. Такъ, искавшихъ у Него суда изъ-за наслѣдства Онъ приглашаетъ обратиться къ тѣмъ лицамъ, которыя закономъ поставлены судьями или начальниками въ этомъ дѣлѣ (Лук. 12, 13—14); исцѣленныхъ Имъ прокаженныхъ отсылаетъ къ священникамъ, которые закономъ, обязаны были освидѣтельствовать тѣхъ, кто, послѣ заразительной болѣзни, могъ возвратиться въ общество (Лук. 17, 14). Вообще Онъ заповѣдуетъ „отдавать Кесарево Кесарю“ (Мѡ. 22, 21); но въ то же время порицаетъ безчестный поступокъ Ирода съ Іоанномъ Крестителемъ, выражаетъ святое негодованіе къ проискамъ того же Ирода, искавшаго и Его смерти, и на судѣ у него, среди первосвященниковъ и воиновъ, не удостоиваетъ его отвѣта на всѣ его многочисленные вопросы. Христось является независимымъ не только отъ всякой отдѣльной личности, но и отъ всего народа. Несмотря на то, что народъ былъ совершенно иныхъ представ-

лений о Мессіи, Онъ никогда не пытается ослабить предъ народомъ принятый Имъ образъ униженнаго и страждущаго Мессіи; напротивъ, старается уничтожить господствовавшее въ массѣ представленіе о Немъ (Лук. 14, 25—27). Съ такою же независимостью относится Онъ и къ Своимъ ученикамъ. Онъ не привлекаетъ ихъ къ Себѣ какими-либо заманчивыми обѣщаніями; напротивъ, раскрываетъ передъ ними картину ожидавшихъ ихъ лишеній, и когда ученики оставляютъ Его въ самую трудную минуту, Онъ, съ непоколебимой твердостью, идетъ на встрѣчу Своимъ врагамъ. Когда часы земной жизни Спасителя были уже сочтены, и Онъ былъ обреченъ на смерть, съ какимъ достоинствомъ и спокойствіемъ Онъ является среди Своихъ судей! Среди допросовъ и страданій у первосвященниковъ и Пилата говоритъ или молчитъ, смотря по тому, что признаетъ сообразнымъ съ волею Божіею. Спокойно протестуя противъ оскорбленія, нанесеннаго Ему дерзкою рукою слуги первосвященника, Самъ отнюдь не выступаетъ изъ самообладанія и внутренней свободы; ни въ какомъ случаѣ не позволяетъ вынудить у Себя ни одного слова, которое не отвѣчало бы Его убѣжденію и которое нужно было бы извинить тяжелыми и необычайными обстоятельствами Его жизни ¹⁾. И во всей этой независимости и самообладаніи Спасителя какая въ то же время простота и какое смиреніе! Кто можетъ представить возможность большей свободы, чѣмъ какою обладалъ Христосъ, съ любовью омывавшей ноги Своимъ ученикамъ?

Но эта безусловная внутренняя независимость Спасителя отъ грѣха, отъ Своей тѣлесной природы и отъ людей, соединялась въ Немъ съ полной властью надъ міромъ. Замѣчательно, какъ часто въ Евангеліи употребляются слова: „власть“ и „сила“ о вліяніи Іисуса Христа. Ев. Матѳеѣй рассказываетъ, какъ народъ, видѣвъ исцѣленіе разслабленнаго, „удивился и прославилъ Бога, даваго такую власть челоувѣкамъ“ (Мѳ. 9, 8). „Нѣкоторые изъ стоящихъ здѣсь... увидятъ царствіе Божіе, пришедшее въ силу“,—замѣчаетъ ев. Маркъ (9, 1). Будучи кроткимъ и смиреннымъ, Спаситель въ то же время былъ совершенно чуждъ той душевной слабости, которою нерѣдко отличаются кроткіе люди. Наоборотъ, всѣ Его дѣй-

¹⁾ О. І. Л. Янышевъ, стр. 318—319.

ствія были запечатлѣны характеромъ твердости и рѣшительности, которая отражалась и на Его внѣшности. Ев. Матеей повѣствуетъ, что Христосъ училъ, „какъ *власть* имѣющій, а не какъ книжники и фарисеи“ (7, 29). „Слово Его было со *властію*“,—замѣчаетъ ев. Лука (4, 32). Значитъ, особая печать Божественной силы лежала на всѣхъ Его дѣйствіяхъ и даже на самомъ Его словѣ. Властное слово Спасителя заставляетъ фарисеевъ оставить мысль о взятіи Его (Іоан. 7, 46). Одинъ видъ І. Христа, исполненный святого негодованія, изгоняетъ торгующихъ изъ храма. Христосъ требуетъ полного подчиненія Себѣ людей и хочетъ властвовать надъ ихъ душою, надъ ихъ сердцемъ (Іоан. 17, 2).

Кромѣ специально этического, моральнаго обнаруженія *силы* въ характерѣ Іисуса Христа, мы должны отмѣтить и интеллектуальную сторону этой Его *силы*,—Его необыкновенный умъ, проницательность и величайшую мудрость, которая еще болѣе возвышала Его авторитетъ въ глазахъ народа. Высокое умственное и вообще духовное развитіе Спасителя тѣмъ болѣе поразительно, что оно соединялось у Него съ необычайною *цѣлостностью* Его человѣческой природы, чуждою какихъ-бы то ни было противорѣчій и несовершенствъ. Опытъ и исторія показываютъ, что эти свойства обычно находятся между собой въ противорѣчій. Чѣмъ менѣе развитъ человѣкъ, чѣмъ бѣднѣе содержаніемъ его натура, тѣмъ менѣе въ немъ внутреннихъ противорѣчій и, слѣдовательно, болѣе примитивной *цѣлостности*. А между тѣмъ эти въ высшей степени цѣнные свойства, съ идеальной точки зрѣнія, должны бы совмѣщаться въ одной и той же личности. Въ лицѣ же Іисуса Христа непримѣрная *цѣлостность* Его природы и соединяется въ полной мѣрѣ съ высотой Его интеллекта ¹⁾. Иногда думали, что Іисусъ былъ необразованнымъ поселяниномъ, вдохновеннымъ труженикомъ, руководившимся единственно симпатіями Своего сердца. И, безъ сомнѣнія, Его умственные дарованія не въ школахъ раввиновъ получили свое развитіе. „Какъ Онъ знаетъ Писанія, не *учившись*?—съ удивленіемъ спрашивали іудеи (Іоан. 7, 15). Однако Онъ пользовался высокимъ авторитетомъ Учителя: „вы слышали, что сказано древнимъ..., а *Я говорю*

¹⁾ *Нивель Левитовъ*. „Всесовершенный характеръ Богочеловѣка“. „Вѣра и Разумъ“ 1910 г., стр. 558—59.

вамъ“ и пр. (Мѡ. 5, 21—22); но то, что производило на всѣхъ глубочайшее впечатлѣніе, не было Его книжническою мудростью. Мудрость Христа, такимъ образомъ, имѣла на себѣ черту главнаго Его свойства—проникновенной силы и власти¹⁾.

Другая основная конкретная черта характера жизни Спасителя, столько же поразительная и необычайная, какъ Его нравственная свобода,—это Его безпредѣльная и безконечная, крѣпкая какъ смерть, *любовь* къ Богу и къ людямъ. Существенныя свойства любви—это: желаніе быть въ общеніи съ любимымъ нами лицомъ, желаніе благоугожденія ему и готовность жертвовать всѣмъ для него.

Этими именно характеристическими особенностями отличалась любовь Спасителя, прежде всего, къ Богу, какъ Виновнику всякаго бытія и всѣхъ его законовъ. Святѣйшая душа Спасителя находилась въ тѣснѣйшемъ общеніи съ Его Отцемъ Небеснымъ не по нравственному только единенію, какъ это было у пророковъ или у другихъ святыхъ Божіихъ (*inhabitatio*), но по сверхъестественному воплощенію (*incarnatio*), простирающемуся до общенія богочеловѣческихъ свойствъ. Тѣмъ не менѣе Спаситель постоянно ищетъ общенія, по Своей человѣческой природѣ, съ Отцемъ Небеснымъ силою Своей молитвы къ Нему. Молитва, служившая однимъ изъ наиболѣе естественныхъ и безпрепятственныхъ выражений общенія Его съ Отцемъ, была наилучшимъ утѣшеніемъ во всѣ дни Его земной жизни. Евангелисты замѣчаютъ, что иногда Спаситель цѣлыя ночи проводилъ въ молитвѣ къ Богу (Лук. 6, 12). Могущество молитвы Спасителя было такъ велико, что ею Онъ отверзалъ небо и какъ бы уничтожалъ границы между міромъ горнимъ и дольнымъ. На Іорданѣ, когда Онъ выходилъ изъ воды и молился (Лук. 3, 21), небо отверзлось и слышанъ былъ голосъ съ небесъ: „Ты, Сынъ Мой возлюбленный; въ Тебѣ Мое благоволеніе“; на Фаворѣ, когда Онъ молился (Лук. 9, 29), совершилось чудное преображеніе Его, лице Его просіяло, какъ солнце, и одежда Его сдѣлалась бѣлою, какъ снѣгъ; въ саду Геосиманскомъ, когда Онъ тосковалъ и молился при мысли о страданіяхъ и смерти, ангелы окружили Его и служили Ему (Мѡ. 21, 37—38; Лук. 22, 48). Онъ любилъ удаляться отъ шума окружающей

¹⁾ С. Савинскій. „Нравств. обликъ Христа“. „Христіанинъ“ декабрь, 1910 г., стр. 646—47.

жизни и бесѣдовать съ Богомъ. Внимая въ безмолвномъ уединеніи Своему Отцу, Онъ говорилъ: „что Я слышалъ отъ Него, то и говорю міру“ (Іоан. 8, 26). Въ этомъ глубочайшемъ безмолвіи Своей души Онъ вступалъ въ молитвенное общеніе съ Отцемъ Небеснымъ и въ этомъ общеніи находилъ укрѣпленіе и восполненіе Своихъ силъ, которыя, такъ сказать, расходо­вались въ переносимыхъ Имъ неимовѣрныхъ трудахъ и огорченіяхъ земной жизни. Столько же сильно было у Спасителя желаніе *благоугождать* Отцу Небесному. Самъ Спаситель сравниваетъ это желаніе съ алчною: „Моя пища,—говоритъ Онъ,—„естъ творить волю Пославшаго Меня и совершить дѣло Его“ (Іоан. 4, 34). И въ Своей душѣ Онъ носилъ глубокое сознаніе Своей богоугодности. „Я прославилъ Тебя на землѣ“,—говорилъ Онъ Отцу Своему,—„потому, что совершилъ дѣло, которое Ты поручилъ Мнѣ исполнить,, (Іоан. 17, 4). Наконецъ, общеніе или любовь къ Отцу Небесному,—выражающіяся въ благоугожденіи Ему, сказались и въ величій *жертвы* Спасителя. Вся жизнь Его на землѣ была безконечною жертвою, удовлетворявшею безконечной правдѣ Божіей. Въ самыя тяжкія минуты Своихъ страданій на крестѣ, когда внѣшняя тьма, тѣлесныя муки и внутреннія страданія какъ бы соединились, чтобы поколебать сердце Спасителя въ Его преданности Отцу Небесному,—когда Его, умирающаго смертію грѣшника и за всѣхъ грѣшниковъ, казалось, Самъ Отецъ оставилъ, и все обрушилось на Его главу,—и въ эти минуты мысль Спасителя обращена къ Отцу; Онъ вопіетъ къ Нему, какъ *Своему* Богу, и, умирая, спокойно передаетъ въ Его руки Свою душу ¹⁾).

Съ подобными же характеристическими чертами проявилась любовь Спасителя и въ отношеніи къ *людямъ*. Въ этомъ отношеніи Іисусъ Христосъ представляетъ Собою неслыханный и невиданный ни до Него, ни послѣ Него образецъ любви. Что такое любовь къ людямъ и что она можетъ сдѣлать для нихъ, объ этомъ мы знаемъ, по свидѣтельству ап. Іоанна, только въ лицѣ Спасителя (1 Іоан. 3, 1, 7, 16, 28). Любовь І. Христа была, прежде всего, *общительна*. Она собираетъ около Него учениковъ, съ терпѣніемъ переноситъ ихъ невѣдѣніе и слабости, обращается сначала къ страж-

¹⁾ О. І. Л. Ялышевъ, стр. 320.

душимъ и обремененнымъ, къ грѣшникамъ, мытарямъ и прелюбодѣямъ и ко всѣмъ, кто находится въ презрѣнїи и уничиженїи; но не пренебрегаетъ и фарисеями, готова бесѣдовать и съ ними и даже раздѣлять ихъ трапезу въ надеждѣ, не поймутъ ли и они часть спасенїя своего. Грозныя рѣчи Спасителя противъ фарисеевъ проистекаютъ не изъ ненависти, а изъ любви къ нимъ и бичуютъ не фарисеевъ, а фарисейство. I. Христосъ питаетъ любовь къ человѣку, который готовился предать Его, и не прерываетъ съ нимъ общенїя и тогда, когда онъ явился для предательскаго цѣлованїя (Лук. 22, 21—23, 47). Отъ начала міра и доселѣ не было человѣка, который бы переносилъ отъ людей столько огорченїй и страданїй, какъ нашъ Спаситель, и однакожъ Онъ не только не проклиняетъ Своихъ враговъ, но молится за нихъ на крестѣ: „Отче! прости имъ; ибо не знаютъ, что дѣлаютъ“ (Лук. 23, 34).

Какъ положительное выраженїе любви Богочеловѣка къ людямъ, мы видимъ въ Немъ глубокое, безпредѣльное чувство *благоугожденїя* имъ. Любовь Его въ высшей степени благожелательна. Онъ плачетъ съ плачущими, радуется съ радующимися, состраждетъ съ страждущими, слѣпымъ даетъ прозрѣнїе, глухимъ слухъ, очищаетъ прокаженныхъ отъ проказы, изгоняетъ бѣсовъ, воскрешаетъ мертвыхъ, чтобы возвратить ихъ пораженнымъ скорбію ихъ роднымъ и близкимъ и проч. Чужое горе, чужїя скорби и несчастїя всякаго рода Онъ дѣлаетъ Своими. Бѣдствїя жизни глубоко трогаютъ Его любящую душу. Спаситель съ полнымъ правомъ могъ назвать Себя добрымъ пастыремъ, который, при потерѣ и одной овцы изъ стада, готовъ оставить все и искать ее (Лк. 15, 5). Въ силу этой любви Онъ не можетъ равнодушно смотрѣть на окружающую Его толпу и тотчасъ отзывается на всякій зовъ о помощи. Онъ не внушаетъ страждущимъ подавлять въ себѣ страданїя и находить утѣшенїе въ свободѣ и въ тупой и гордой независимости ихъ отъ скорбей и печалей, какъ поступилъ бы на Его мѣстѣ стоическій мудрецъ¹⁾; но Самъ возмущается духомъ и плачетъ при видѣ людскаго горя (Іоан. 11, 33, 35), не оставляя въ то же время случая

¹⁾ И. Невзоровъ. „Мораль стоицизма и христ. правоученїе“. Казань, 1892 г., стр. 160—161.

подать дѣятельную помощь скорбящимъ. Жизнь І. Христа была непрерывнымъ благотвореніемъ. „Онъ ходилъ, благотворя и исцѣляя всѣхъ, обладаемыхъ діаволомъ“,—свидѣтельствуеть о Немъ ап. Петръ (Дѣян. 10, 38). Но эта любовь, выражающаяся во всѣхъ возможныхъ видахъ благожелательности, не расточается въ изліяніи чувствованій, въ ласковыхъ рѣчахъ, не изобрѣтаетъ искусственныхъ способовъ своего проявленія; и при всемъ томъ, какая глубина чувства и вмѣстѣ сколько неподражаемой задушевности и даже нѣжности въ Его поступкахъ и словахъ, напр., въ прощальной бесѣдѣ Его съ учениками, въ Его попеченіи о матери на крестѣ, въ обращеніи Его съ измѣнившимъ Ему Петромъ и пр.

Наконецъ, любовь Спасителя къ людямъ всеобъемлюща по величію принесенной Имъ *жертвы*. Предметомъ любви для Него являются—и каждый человѣкъ въ отдѣльности, и все человѣчество, весь міръ (Іоан. 3, 16). І. Христосъ пришелъ положить душу Свою за весь родъ человѣческій (Іоан. 10, 17—18; 15, 13), а потому Онъ не дѣлаетъ никакого различія между нравственною природою іудея и язычника, обрѣзаннаго и необрѣзаннаго, раба и свободнаго (Гал. 3, 38). Не смотря на то, что родной народъ не приемлетъ Спасителя своего, что Божественный Учитель, какъ нѣкогда и Его святые пророки, „не славенъ въ отечествѣ Своемъ“, Онъ, не какъ космополитъ, не бѣжитъ изъ него съ прещеніемъ, но съ терпѣніемъ переноситъ предразсудки и ожесточеніе Своего народа, проповѣдуетъ Царствіе Божіе, прежде всего, только „погибшимъ овцамъ дома Израилева“ (Мѡ. 15, 24), и для распространенія этого Царствія въ остальномъ мірѣ предпочитаетъ медленный, но естественный и согласный съ законами исторической правды путь постепеннаго перехода проповѣди отъ одного народа къ другому. И въ самомъ Израилѣ не всѣ пользуются одинаковою долею Его довѣрія. Онъ осуждаетъ всѣхъ богатыхъ, пересыщенныхъ и смѣющихся (Лк. 6, 24—25), ибо они, отдавшись всецѣло чувственной жизни, не думали объ исправленіи. Отъ толпы, то притекающей къ Нему, то отдѣляющейся отъ Него, Онъ отдѣляетъ тѣхъ, кто рѣшается соединить свою судьбу съ Его судьбою, или сдѣлаться истиннымъ Его ученикомъ (70 и 12 учениковъ). Но и среди самыхъ учениковъ одни поль-

зуются большею, другіе меньшею Его близостию; изъ 12-ти учениковъ ближе другихъ были къ Нему Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, а изъ этихъ послѣднихъ ближе всѣхъ—Іоаннъ. Такимъ образомъ любовь Спасителя, не смотря на свою всеобъемлемость, не отдѣлима въ Немъ отъ сознанія индивидуальныхъ особенностей каждаго изъ любимыхъ лицъ: каждому свое.

Что касается *общаго* впечатлѣнія, которое производитъ человѣческая природа Богочеловѣка, то она состоитъ въ томъ *гармоническомъ* единствѣ разнообразныхъ силъ и настроеній, въ томъ удивительномъ внутреннемъ *равновѣсіи*, которыя отличаютъ Его *нравственный характеръ* и которыя такъ поражаютъ благоговѣйнаго наблюдателя. Тѣлесная природа во Христѣ находилась въ полной гармоніи съ духовной и служила ея совершеннымъ яркимъ выраженіемъ. Духовныя качества Его были въ полномъ равновѣсіи и строгой соразмѣрности. Съ теплою глубокою любовью въ Немъ соединялись совершенный умъ, совершенная воля, совершенная дѣятельность. Такихъ гармонически развитыхъ характеровъ едва ли можно встрѣтить въ нашей жизни. Въ этомъ отношеніи образъ Христа является исключительнымъ, безпримѣрнымъ. Никто изъ людей съ Нимъ не можетъ быть сравняемъ. „Самый беззастѣнчивый человѣкъ“,—говоритъ проф. Н. Т. Рождественскій,—„неволью покраснѣлъ бы и почувствовалъ бы себя не на своемъ мѣстѣ, если бы кто-нибудь вздумалъ сравнивать его со Христомъ, приложить къ нему тѣ эпитеты, которые въ отношеніи къ Іисусу только лишь въ слабой степени выражаютъ Его истинное величіе“¹⁾.
I. Христа нельзя сравнивать съ такъ называемыми великими людьми. Великіе люди всегда односторонни. Въ односторонности ихъ величіе и вмѣстѣ слабость. Они дѣлаются великими вслѣдствіе своей односторонности, вслѣдствіе перевѣса въ нихъ одной какой-либо стороны духа надъ всѣми другими. Обыкновенно они бываютъ развиты въ какомъ-нибудь одномъ или рѣдко въ двухъ отношеніяхъ и поразительно неразвиты во всѣхъ остальныхъ. Кому неизвѣстно, какъ часто встрѣчаются ученые, отличающіеся глубокимъ и

¹⁾ „Христ. Апологетика“, т. II. Спб. 1884 г., стр. 408.

сильнымъ умомъ, обширной эрудиціей, богатой фантазіей, острымъ анализомъ, и въ то же время черствые душою. Обладая огромною силою интеллекта, они нерѣдко бываютъ холодными и безсердечными эгоистами, равнодушными къ человѣческому горю, неспособными къ широкому сочувствію. Кому, затѣмъ, не приходилось встрѣчать людей, и умныхъ, и добрыхъ, но слабыхъ волей, неспособныхъ къ твердой, рѣшительной дѣятельности. Встрѣчаются, наконецъ, люди, одновременно добрые и энергичные, но недостаточно разсудительные. Энергія воли часто соединяется съ сильнымъ умомъ, но очень рѣдко съ горячимъ, любящимъ сердцемъ. Спаситель *гармонически* объединяетъ въ Себѣ все достоинства нравственной природы человѣка. Гармоничность нравственнаго характера Его и полнота добродѣтелей имѣютъ то значеніе, что Онъ являетъ Собою примѣръ совершенства для всѣхъ странъ, временъ и народовъ, для людей самыхъ разнообразныхъ взглядовъ и настроеній, званій и состояній, характеровъ и индивидуальныхъ особенностей¹⁾. Съ этой стороны І. Христосъ также есть явленіе безпримѣрное, и необычайное, не имѣющее для себя подобія въ нашей жизни. Герои, создаваемые народнымъ геніемъ, обыкновенно отражаютъ въ себѣ достоинства и недостатки данной исторической эпохи. Въ лицѣ Спасителя, какъ въ фокусѣ, сходятся все лучи человѣческаго совершенства; въ Немъ соединено все, что есть самого лучшаго, чистаго и прекраснаго въ человѣческой природѣ. Вотъ почему І. Христосъ долженъ быть признанъ общечеловѣческимъ и, такъ сказать, сверхвременнымъ, сверхнаціональнымъ нравственнымъ образомъ. Но, будучи универсальнымъ, образъ Христа отличается въ то же время величайшею полнотою и опредѣленностію очертаній. Это тѣмъ болѣе поразительно, что, по извѣстному логическому закону о соотношеніи между объемомъ и содержаніемъ понятій, общечеловѣческой нравственный характеръ Христа долженъ бы представляться намъ расплывчатымъ и схематичнымъ, лишеннымъ плоти и крови. А между тѣмъ образъ Христа, совмѣщая въ Себѣ все идеальныя общечеловѣческія свойства, въ то же время предстоить предъ нами, какъ живой, съ ярко выраженными чертами²⁾.

1) *Вн. Іустинъ*. „Православно-христіанское вѣроученіе, или Догматическое Богословіе“. Херсонъ. 1886 г., ч. II, стр. 186.

2) *Павель Левитовъ*, цитир. соч. стр. 564.

Таковъ въ существенныхъ чертахъ живой нравственный идеаль, представляемый личностію Спасителя. Христось, по человѣческой природѣ Своей, есть совершеннѣйшій, вполне отвѣчающій своей идеѣ, человѣкъ. Поэтому-то личность Спасителя вождѣленна всѣмъ, кто не совсѣмъ еще утратилъ истинно-человѣческія черты, которыя вмѣстѣ суть и черты образа Божія. Поэтому-то никакія усилія критики, лишенной нравственнаго чувства, не въ состояніи подавить невольное удивленіе, какое образъ Христа возбуждаетъ къ Себѣ среди представителей самыхъ противоположныхъ направленій мысли ¹⁾.

Этому-то высочайшему примѣру и образцу нравственной жизни мы призваны *подражать*, тѣмъ болѣе, что это „такой образецъ, который выполнилъ нравственныя требованія и осуществилъ нравственный идеаль среди такихъ же условій, въ какія поставлены мы“ ²⁾. Наша добродѣтель должна быть только отраженіемъ этого конкретнаго идеала богоугодности. Самъ Спаситель сказалъ: „Я далъ вамъ примѣръ (*ὑπόδειγμα*), чтобъ и вы дѣлали то же, что Я сдѣлалъ вамъ“ (Іоан. 13, 15). „Христось пострадалъ за насъ, оставивъ намъ примѣръ, дабы мы шли по слѣдамъ Его“ (1 Петр. 2, 21). „Кто говоритъ, что пребываетъ въ Немъ (Иисусѣ Христѣ); тотъ долженъ поступать такъ, какъ Онъ поступалъ“ (1 Іоан. 2, 6). И возможно ли, чтобы святая жизнь Спасителя, проведенная въ дѣятельномъ и всецѣломъ послушаніи волѣ Божіей и служеніи человѣчеству, не производила сильнаго впечатлѣнія на всѣхъ тѣхъ, кто близко относится къ ней, и не вызвала въ нихъ желанія подражать ей? Какой дѣятельный ученикъ, болѣе или менѣе сознательно, не подражалъ своему любимому и уважаемому учителю? ³⁾.

¹⁾ Прекрасными почобіями при выясненіи настоящаго вопроса еще могутъ служить слѣдующія сочиненія: свящ. А. Свѣтлакова, „Нравственный образъ Иисуса Христа и Его благотворное вліяніе на нравственную жизнь человѣка“. (Ниже. Новгородъ 1880 г.) и „Основаніе нравственной жизни—религія и высочайшій образецъ нравственно-общественной жизни—Богочеловѣкъ Христось Иисусъ“ (Н. Новгородъ 1882); *Ludwig Lemme*, „Christliche Ethik“. Band. I, 1905, s. 354—372. и др.

²⁾ Проф. М. А. Оленицкаго, „Изъ системы христ. нравоуч.“, с. 203.

³⁾ *Robert Kabel*, „Christliche Ethik“. Theil. I. München. 1896, s. 142—145.

Живой примѣръ увлекаетъ не умъ только, но и сердце человѣка. „Нравственный образецъ“,—говоритъ *Пальмеръ*,— „потому имѣетъ всеобщее значеніе, что, въ противоположность абстрактному правилу, мертвому закону, служитъ объектомъ возрѣнія; но что дѣйствуетъ на возрѣніе, и чрезъ него, то прекрасно, и о нравственномъ образѣ должно быть сказано, что онъ представляетъ намъ не нравственно необходимое, но нравственно прекрасное; или онъ оказываетъ нравственное дѣйствіе не тѣмъ, что возбуждаетъ сознаніе объ обязанностяхъ, но тѣмъ, что возбуждаетъ пріятное чувство удовольствія отъ прекраснаго“¹⁾. Таково именно и есть, между прочимъ, значеніе христіанскаго идеала нравственности. „Христіанство“,—говоритъ одинъ современный намъ невѣрующій писатель (*Милль*),—„поставляетъ идеаль совершенства и образецъ для подражанія въ Божественной личности и чрезъ то оказываетъ могущественное вліяніе на образованіе нравственнаго характера людей. Идеаль этотъ никогда не станетъ позади своего времени, никогда не потеряетъ своего значенія для человѣчества. Христосъ никогда не перестанетъ служить для насъ образцомъ совершенства. И какъ ни много новѣйшею критикою выбрасывается изъ евангельскаго изображенія Его въ качествѣ не историческаго элемента, проникшаго будто-бы въ Его исторію, Самъ Христосъ все-же остается единственною Личностію во всемірной исторіи, въ одинаковой степени несравнимою какъ со всѣми Своими послѣдователями, такъ и со всѣми Своими предшественниками. Что евангельскій Христосъ есть историческая личность—это выше всякаго сомнѣнія. Пусть чудеса Его созданы преданіями, традиціями Его учениковъ. Но кто же изъ нихъ былъ способенъ сочинить нравственныя рѣчи І. Христа или создать Его несравнимый характеръ? Такъ какъ въ Его лицѣ удивительно гармоническимъ образомъ соединяются свойства необычайнаго генія (*sic!*) съ свойствами необычайнаго нравственнаго реформатора (*sic!*), праведника и мученика, то слѣдуетъ сказать, что религія, провозгласившая Его нравственнымъ вождемъ человѣчества на всѣ времена, не могла сдѣлать никакого лучшаго выбора. Какъ для вѣрующихъ, такъ и для невѣрующихъ, ни-

1) *Chr. Palmer*, „Die Moral des Christentums“ Stuttgart, 1864, s. 138.

чего не можетъ быть достойнѣе, какъ жить и поступать во всемъ такъ, чтобы Христосъ могъ одобрить нашу жизнь“ 1).

Но этого мало. Жизнь Іисуса Христа на землѣ не есть только образецъ добра, *примѣръ* истинно-человѣческой жизни; она есть еще вѣчно живое *первоначало* и неизсякаемый *первоисточникъ* истинно-человѣческой жизни на землѣ. Мало сказать, что Спаситель предназначалъ Собою совершеннѣйшую нравственную жизнь, что Своимъ примѣромъ даровалъ Своимъ послѣдователямъ ту высокую силу, которая всегда принадлежитъ примѣру сравнительно съ одними нравственными словами и предписаніями. Спаситель не есть только человѣческій геній, который расчистилъ и проложилъ новый путь нравственной жизни, не есть только нравственный реформаторъ, впервые осуществившій нравственный идеалъ, но Онъ есть еще Богочеловѣкъ, *примиритель* насъ съ Богомъ, вѣчный ходатай Бога и человѣковъ, Который будучи искушенъ во всемъ, и искушаемымъ можетъ помочь (Евр. 2, 18). Какъ образецъ нравственности, І. Христосъ никогда не можетъ быть отображенъ человѣкомъ вполне и всецѣло. Человѣческое совершенство опредѣляется только степенью приближенія къ совершенству Христа. Но какъ бы человѣкъ ни былъ совершенъ, всегда остается большая пропасть между нимъ и І. Христомъ, и даже чѣмъ человѣкъ дѣлается совершеннѣе, тѣмъ онъ дальше чувствуетъ себя отъ своего идеала. Зачѣмъ же данъ христіанину такой идеалъ, котораго никогда нельзя достигнуть? Не служить ли онъ только къ строгому обличенію нашего несовершенства и не поселяетъ ли въ насъ только отчаянія? Нѣтъ, христіанство не оставляетъ человѣка на произволъ судьбы. Оно учитъ, что Христосъ есть не только *примѣръ* добродѣтельной жизни, но и *Искупитель* людей.

Когда раціоналистическіе моралисты думаютъ, что теперь, по образцу Спасителя, легко уже осуществить нравственный идеалъ, независимо отъ сладчайшаго имени Іисуса и Его жизни,— когда строятъ свою моральную систему изъ отрывковъ христіанскихъ моральныхъ идей, когда, напр., вопреки *стоицизму*, говорятъ и объ общей промыслительной благодати, и о смиреніи, и о любви, и о нравственной сво-

1) См. „Правос. Обозрѣніе“ 1877 г., июнь--іюль, стр. 341.

бодѣ и пр., полагая, что теперь уже легко черпать людямъ, по примѣру Спасителя, изъ общаго источника жизни нравственную жизнь, являемую въ Спасителѣ,— то въ этомъ нѣтъ и не можетъ быть подражанія Иисусу Христу. Это чисто *не-лагіанское* подражаніе Спасителю, самое большее нуждающееся только во внѣшнемъ примѣрѣ, который бы могъ пробуждать дремлющія въ человѣкѣ нравственныя силы,—является слишкомъ отвлеченнымъ, и христіанскіе элементы въ немъ являются только отраженіями и тѣнями, оторванными листьями и цвѣтами, безъ жизненной силы, безъ органической связи съ живительнымъ корнемъ ¹⁾; ибо „если корень святъ, то и вѣтви“ (Рим. 11, 16). Раціоналисты, признающіе превосходство христіанскаго ученія предъ всеми другими, но отрицающіе божественное достоинство Провозвѣстника его,— по словамъ одного западнаго моралиста-богослова,— хотятъ имѣть воду безъ источника, плодъ безъ дерева, дерево безъ корня, лучъ безъ свѣта ²⁾. Для истиннаго подражанія, человеку, въ настоящемъ его нравственно-поврежденномъ состояніи, необходимо еще прощеніе грѣховъ, дарованное Спасителемъ, необходимо *примиреніе* съ Богомъ заслугами *Искупителя* ³⁾; для истиннаго подражанія необходима органическая связь между нами и Законоположителемъ новой жизни, необходимо тѣснѣйшее общеніе съ Нимъ вѣрующихъ, сообщаемое имъ въ христіанскихъ таинствахъ и въ особенности въ таинствѣ Евхаристіи. Между Иисусомъ Христомъ и вѣрующими въ Него, по словамъ Юго Самого, должно быть такое же единеніе, какое находится между *лозою* и ея *вѣтвями*: „Я есмь лоза“,— говоритъ Спаситель,— „а вы вѣтви; кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода; ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего“ (Іоан. 15, 5). Но такое общеніе вѣрующихъ съ Иисусомъ Христомъ достигается при посредствѣ благодатной силы, даруемой Духомъ Святымъ во Христѣ и черезъ Христа: „никто не можетъ назвать Иисуса Господомъ, какъ только Духомъ Святымъ“ (1 Кор. 12, 3). „Что мы пребываемъ въ Немъ (І. Христѣ) и Онъ въ насъ, знаемъ изъ того, что Онъ далъ намъ Духа Своего“ (1 Іоан. 4,

¹⁾ *Martensen*, т. I, стр. 314.

²⁾ *Oettingen*, „Die christliche Sittenlehre“, s. 166.

³⁾ *Kübel*, „Christliche Ethik“. Theil I, s. 145—147.

13)¹⁾. И такъ, Господь Иисусъ Христосъ есть для насъ не только высочайшій образецъ, но и источникъ нравственной жизни.

Но какъ и въ чемъ можетъ выражаться наше подражаніе Иисусу Христу? Моралисты расходятся въ рѣшеніи этого вопроса. По взгляду однихъ, преимущественно *римско-католическихъ* моралистовъ, жизнь Спасителя представляет собою сумму всѣхъ возможныхъ обнаруженій добродѣтели (*Christus catalogus virtutum*) и жизнь христіанина должна быть, поэтому, возможно точнымъ отображеніемъ жизни Христа (*imitatio Christi*) во всѣхъ отдѣльныхъ чертахъ ея, во всѣхъ подробностяхъ ея проявленій, не исключая и внѣшняго быта земной жизни Искупителя. Но всѣ внѣшнія дѣйствія имѣютъ значеніе нравственно-добрыхъ дѣйствій лишь настолько, насколько они служатъ выраженіемъ внутреннихъ расположеній души. Такъ и въ жизни Спасителя нравственное добро составляютъ не Его внѣшнія черты жизни, не Его видимое положеніе въ мірѣ, не Его отдѣльные поступки, а то внутреннее настроеніе, которое выражалось во всей этой внѣшности. Поэтому, говоря о Спасителѣ, какъ объ образцѣ нравственной жизни, мы должны понимать слово: *образецъ* не какъ сумму Его внѣшнихъ дѣйствій, съ которыми бы можно было сообразовать наши поступки, а какъ совокупность *духовныхъ* *качествъ* человѣческой природы Богочеловѣка, поскольку эти качества выразились въ Его поведеніи и вызываютъ въ насъ, при помощи благодати Божіей, глубочайшее сочувствіе къ Себѣ. Равнымъ образомъ и подъ подражаніемъ Спасителю слѣдуетъ разумѣть не рабское копированіе, такъ сказать, всѣхъ Его поступковъ, насколько это въ силахъ человѣческихъ,— а самодѣтельное, съ помощью Божіею, созданіе въ себѣ „тѣхъ же чувствованій“ (т. е. того же внутреннего настроенія, поскольку оно зависитъ отъ нашей свободы), „какія“, въ недосыгаемомъ для насъ совершенствѣ, были „и во Христѣ Иисусѣ“ (Филип. 2, 5)²⁾.

Другой противоположный взглядъ, преимущественно *протестантскій*, основываясь на томъ, что жизнь Богочеловѣка, какъ Искупителя, заключаетъ въ себѣ стороны совершенно недоступныя для обыкновеннаго человѣка, что она

¹⁾ Специальная рѣчь объ этомъ будетъ въ слѣдующихъ главахъ.

²⁾ О. І. Л. *Янышевъ*, стр. 301.

не обнимаетъ собою нѣкоторыхъ сторонъ обычной человѣческой жизни (семейной, напр. и пр.),— думаютъ ограничиться однимъ только подражаніемъ духовнымъ свойствамъ истинно-человѣческой природы Богочеловѣка, отвергая всякое значеніе подражанія Его *внѣшнему поведенію*. „Нѣтъ надобности“,— замѣчаетъ самъ Лютеръ,— „всѣмъ дѣлать и переносить все то, что дѣлалъ и переносилъ Христосъ; иначе мы также должны бы были ходить по морю и совершать чудеса, какія совершалъ Онъ, также должны бы были всѣ удаляться отъ брака, отречься отъ мірскаго образа жизни, оставлять поле и плугъ и вообще все то, что оставилъ Онъ“¹⁾.

Очевидно и тотъ и другой взглядъ—крайность: подражаніе духовнымъ качествамъ Спасителя, духу жизни Христовой, не исключаетъ подражанія самымъ внѣшнимъ обнаруженіямъ Его жизни, для кого это возможно, и тамъ, гдѣ это возможно, и столько, сколько это возможно, хотя конечно, *ultra posse nemo obligatur*.

Спаситель міра, какъ идеальный образецъ нашей нравственной жизни, былъ Богочеловѣкомъ: Его человѣчество было въпостасно соединено съ Божествомъ для спасенія человѣческаго рода. Какъ такой, Онъ совершалъ, съ одной стороны, дѣла, свойственныя только Богу, а съ другой—человѣку. Какъ Богъ, Онъ совершалъ чудеса на благо страждущему человѣчеству. Исполняя съ точностью религіозныя предписанія Моисеева закона, Онъ судить, однакожъ, о нихъ полновластно, какъ живой источникъ всякаго законодательства, и замѣняетъ ихъ собственными религіозными же учрежденіями. Само собою разумѣется, что о нашемъ подражаніи Ему, въ этихъ Его божественныхъ дѣйствіяхъ, не можетъ быть и рѣчи.

Но Спаситель міра являетъ въ Своей жизни не только божественныя, но и индивидуально-человѣческія свойства. Извѣстно, что нѣтъ въ мірѣ и двухъ человѣкъ, совершенно тождественныхъ между собою, что, поэтому, каждый отдѣльный человѣкъ не можетъ служить выразителемъ и примѣромъ всѣхъ возможныхъ нравственныхъ обнаруженій для всѣхъ другихъ отдѣльныхъ личностей, такъ какъ человѣческая личность потому, между прочимъ, и есть лицо, духов-

¹⁾ Werke Walch, XX, 253.

ная индивидуальность, что она, какъ такая, отмѣчена специфическими, ей только присущими, нравственными качествами, такъ называемыми индивидуальными. Иисусъ Христосъ, какъ человѣкъ, несомнѣнно обладалъ этими индивидуальными особенностями, которыя обусловливаются не только тѣмъ, что Онъ, по человѣческой природѣ Своей, принадлежалъ извѣстной странѣ, народу и времени, но и болѣе всего въпостаснымъ соединеніемъ Его человѣчества съ Божествомъ. Какъ историческая человѣческая личность, Спаситель по призванію среди другихъ евреевъ былъ раввиномъ, хотя и не обучался въ раввинскихъ школахъ, и отъ другихъ раввиновъ отличался Ему только свойственными приемами въ ученіи и въ обращеніи съ слушателями. „Если Иисусъ Христосъ“,— говоритъ *Пальмеръ*.—„сначала строго поступаетъ съ хананеянкою, потому что она язычница, и простираетъ ей руку помощи только вслѣдствіе ея трогательнаго смиренія и вѣры; если Онъ на бракѣ въ Канѣ Своей матери, которая громко сообщаетъ Ему свою заботу о недостаткѣ вина, отвѣчаетъ такими словами, которыя, какъ бы ихъ ни толковать, носятъ на себѣ отпечатокъ нѣкоторой суровости; если Онъ проклинаетъ смоковницу; если Онъ въ Своихъ рѣчахъ не удостоиваетъ объяснить Своихъ словъ, которыя возбуждаютъ соблазнъ и удаляютъ отъ Него слушателей, тогда какъ, по нашему мнѣнію, было бы, кажется, не трудно скорѣе привлечь, чѣмъ оттолкнуть ихъ (напр. у еван. Іоанна, 6 гл. о хлѣбѣ небесномъ); если Онъ въ отдѣльныхъ рѣчахъ и въ притчахъ иногда выставляетъ только одну сторону божественной истины и притомъ въ очень сильныхъ выраженіяхъ, предоставляя Своимъ слушателямъ понять остальное изъ всей совокупности Его ученія (напр., когда Онъ говоритъ, что удобнѣе верблюду пройти сквозь иглиныя уши, чѣмъ богатому войти въ царствіе Божіе; что тому, кто ударитъ въ правую щеку, нужно подставить и лѣвую; что нужно возненавидѣть отца и мать и т. п.); если Онъ изгоняетъ торгующихъ изъ храма, опрокидываетъ столы и скамьи и т. п.,— то все это развѣ не составляетъ индивидуальных особенностей Спасителя міра, какъ учителя среди другихъ современныхъ Ему учителей еврейскаго народа“?...¹⁾ Ясное дѣло,

¹⁾ *Chr. Palmer*, „Die Moral des Christentums“, s. 130.

что и это поведеніе Спасителя, бывшее слѣдствіемъ индивидуальныхъ свойствъ Его, какъ человѣка, не можетъ быть предметомъ подражанія для людей. И въ этомъ случаѣ—говорить о подражаніи Христу не приходится: насколько этотъ образъ дѣйствія былъ свойственъ только личности Спасителя, какъ именно индивидуальной, подражаніе Ему могло бы сопровождаться полнѣйшею неудачей и такою же безцѣльностью.

Очевидно, предметомъ для нашего подражанія въ жизнедѣятельности Богочеловѣка можетъ и должно быть только то, что не отмѣчено ни божественнымъ отпечаткомъ (насколько этотъ отпечатокъ въ личности Его отдѣлимъ мысленно отъ человѣческаго), ни отпечаткомъ индивидуализма и, слѣдовательно,—то, что такъ или иначе *обще* у Него со всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ. „Для желающихъ легко подражать тому, что *однородно* (съ ними)“,—говоритъ *св. Григорій Нисскій* о подражаніи Христу,—„а подражаніе превышающему насъ—недоступно“¹⁾.

И въ этомъ случаѣ мы можемъ и должны подражать не столько отдѣльнымъ Его поступкамъ, сколько тому общему характеру, общему направленію Его жизнедѣятельности, которое проявлялось въ тѣхъ или другихъ Его отдѣльныхъ дѣйствіяхъ. При этомъ слово Божіе особенно оттѣняетъ нѣкоторыя, наиболѣе выдающіяся обнаруженія нравственнаго поведенія Спасителя, какъ предмета нашего подражанія. Такъ, христіане приглашаются „жить въ *любви*, какъ и Христосъ возлюбилъ насъ и предалъ Себя за насъ“ (Ефес. 5, 2. Ср. 1 Іоан. 3, 16; Іоан. 15, 12). При существованіи между людьми искренней любви, естественно ожидаютъ отъ нихъ „*угожденія*“ другъ другу, „во благо, въ назиданіе“, такъ какъ „и Христосъ не Себѣ угождалъ“ (Рим. 15, 23). Разъ взаимныя отношенія людей проникнуты услужливою любовью, естественно, они носятъ на себѣ печать *кротости и смиренія*. Здѣсь опять образцомъ нашего подражанія является Господь, приглашающій „научиться отъ Него: ибо Онъ кротокъ и смиренъ сердцемъ“ (Мѣ. 11, 29. Ср. Филип. 2, 5—8). Ап. Павелъ увѣщаетъ своего ученика Тимоѳея къ *мужественному* исповѣданію вѣры примѣромъ страждущаго Спасителя

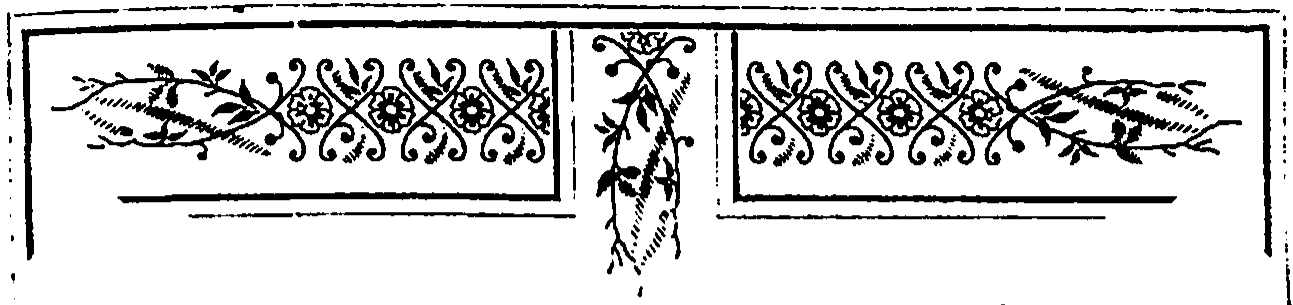
1) „Опроверженіе ученія Аноллинарія“, ч. VII, стр. 123.

„засвидѣтельствовавшаго предъ Понтіемъ Пилатомъ доброе исповѣданіе“ (1 Тим. 6, 12—14). Если въ мужественной борьбѣ съ врагами истины, кто бы они ни были, христіанину придется страдать, то онъ долженъ проявить *долготерпѣніе* во время страданій, какъ частный видъ мужества, слѣдуя примѣру Самого Спасителя, Который „пострадалъ за насъ, оставивъ намъ примѣръ (долготерпѣнія), дабы мы шли по слѣдамъ Его“ (1 Петр. 2, 20—21). Во всѣхъ этихъ мѣстахъ Свящ. Писанія идетъ рѣчь о подражаніи Христу не столько въ какихъ либо отдѣльныхъ Его поступкахъ, сколько въ общемъ духѣ, общемъ направленіи христіанскаго поведенія ¹⁾).

Проф.-Прот. Н. Стеллецкій.

¹⁾ О подражаніи І. Христу, какъ образцу и примѣру нравственной жизни, см. еще проф. А. Д. Буляева, „Любовь Божественная“. Москва. 1884 г., стр. 284—286.

ТАЙНА ЖИЗНИ.

(Библейски-научное—оккультное изслѣдованіе вопроса).

(Продолженіе *).

Гл. третья. Научныя справки по вопросу объ одѣ.

Въ какомъ же отношеніи данныя предшествовавшей главы находятся къ наукѣ?

Наведемъ справки.

Академикъ профессоръ Данилевскій, не находя возможнымъ объяснить явленія жизни въ живомъ организмѣ дѣйствіемъ однихъ физико—химическихъ силъ и процессовъ, вынуждается признать существованіе особаго, какъ онъ его называетъ „біогеннаго“ эфира, и кромѣ того утверждаетъ, что въ организмѣ матеріальномъ долженъ скрываться еще организмъ эфирный, который и есть настоящій носитель жизни¹⁾; т. е. самымъ точнымъ образомъ формулируетъ ученіе оккультизма объ астральномъ или эфирномъ тѣлѣ.

Проф. Рейнеке тоже приходитъ къ убѣжденію о необходимости признать нѣчто подобное динамическимъ эфирнымъ организмамъ, которые, по его терминологіи, носятъ названіе жизненныхъ доминантъ.²⁾ Къ этому-же взгляду примыкаютъ: Бунге, Бородинъ, Огневъ,—все фізіологи.

Нашъ Харьковскій проф. Бѣлоусовъ на публичномъ докладѣ въ актовомъ залѣ университета, въ октябрѣ настоя-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 4 за 1914 г.

1) Данилевскій: „Живое вещество“. Вѣстн. Европы. 1895 г. к. 6.

2) Рейнеке въ сборникѣ: „Сущность жизни“ (изд. Брокгауза и Эфрона 1905 г.)

щаго года говорилъ, что медицина констатируетъ наличность особыхъ *токовъ въ организмъ и особенно въ сердце*, и при томъ *индивидуальнаго характера*.

Извѣстно, что этому *новому теченію* въ наукѣ далъ толчекъ величайшій изъ *физиковъ міра* Вильямъ Круксъ, сдѣлавшій открытіе *четвертаго* (послѣ газообразнаго), такъ называемаго, *лучистаго состоянія матеріи* и въ послѣднее время особенно способствовало открытіе лучей Рентгеновскихъ (1895 г.), Беккерелевскихъ¹⁾ (1896 г.) и главнымъ образомъ *радiа*, сначала въ видѣ соединенія съ смоляной урановой рудой (1898 г.), а потомъ (1910 г.) и въ видѣ металлическомъ.

Оказалось, что радiй обладаетъ слѣдующими неожиданными особенностями: онъ непрерывно излучаетъ изъ себя *лучи и эманации*, невидимые для простого глаза, но проявляющіе себя въ слѣдующихъ дѣйствіяхъ: 1) Они производятъ въ окружающихъ тѣлахъ нагрѣваніе и повышеніе температуры до 1—2°.

2) Производятъ вокругъ себя химическую работу; многія тѣла, помѣщенные рядомъ, разлагаются; даже стекло бурѣетъ, трескается и въ концѣ концовъ дѣлается ломкимъ и хрупкимъ.

3) У помѣщенныхъ рядомъ тѣлъ, заряженныхъ электричествомъ, зарядъ этотъ отнимается.

4) Встрѣчаясь съ тѣлами, способными къ флюоресценціи, заставляеть ихъ въ темнотѣ ярко свѣтиться.

5) Встрѣчаясь съ фотографической пластинкой, эти истеченія оставляютъ на ней свой слѣдъ на подобіе X-лучей.

6) Пронизываютъ многія тѣла, и благодаря этому въ темнотѣ можно получить снимокъ съ металлическаго предмета, запертаго въ деревянномъ ящикѣ, или же съ монетъ, лежащихъ въ запертomъ кошелькѣ.

7) Многія тѣла, помѣщенные рядомъ съ радiемъ, черезъ нѣсколько времени пріобрѣтаютъ всѣ или часть перечисленныхъ выше свойствъ.

¹⁾ Отличіе лучей Рентгеновскихъ отъ Беккерелевскихъ заключается въ томъ, что первые не испытываютъ на себѣ никакого дѣйствія магнита, послѣдніе же подъ вліяніемъ магнита измѣняютъ свое направленіе.

8) Наконецъ, если невидимые лучи радія въ темной комнатѣ упадаютъ прямо на глазъ, то глазъ испытываетъ свѣтовое ощущеніе, подобное ощущенію отъ лучей обыкновеннаго свѣта. ¹⁾

Такимъ образомъ оказалось, что *все то*, что оккультизмъ говоритъ объ эманации тѣла человѣческаго и другихъ тѣлъ, именно: фактъ эманации, насыщеніе ею сосѣднихъ тѣлъ и передача имъ свойствъ эманировавшаго тѣла,—все это оказалось научно констатированнымъ относительно радія и тѣлъ радиоактивныхъ. Болѣе того, въ наше время все это является научнымъ фактомъ относительно организма человѣческаго.

Оставляя въ сторонѣ имена и авторитеты, мы сошлемся на болѣе объективныхъ свидѣтелей: *на приборы, фотографію и опытъ доступный всякому*, имѣющему входъ въ физическій кабинетъ.

Существуетъ нѣсколько приборовъ, констатирующихъ фактъ излученія особой энергіи изъ человѣческаго тѣла, —это: *энергофоръ, фотосфенофоръ*, построенные докторомъ Погорѣльскимъ ²⁾, *Биометръ* доктора Барадюка и *стенометръ* доктора Жюара. Послѣдній (стенометръ) въ первый разъ демонстрировался въ 1904 г. въ парижской академіи наукъ и въ психо-физиологическомъ институтѣ въ Парижѣ. Подробное описаніе стенометра дано въ „трудахъ перваго все-россійскаго съѣзда спиритуалистовъ“ (Москва. 1907 г.), мы же укажемъ только то, что даетъ этотъ аппаратъ. Онъ показываетъ:

1) Что изъ человѣческаго организма исходитъ нѣкоторая сила, способная дѣйствовать на разстояніи.

2) Что эта сила можетъ накапливаться въ нѣкоторыхъ тѣлахъ.

3) До сихъ поръ оказались неспособными накапливать эту силу: олово, желѣзо, хлопчатая бумага.

4) Въ различной степени способны накапливать эту силу: дерево, вода въ склянкѣ, полотно, картонъ.

5) Тѣла накапливаютъ эту силу въ соотвѣтствіи съ напряженностію силы, которая ее производитъ, т. е. у тѣхъ

¹⁾ Чистяковъ: „радій и ясновидѣніе“. См. „труды I го все-росс. съѣзда спиритуалистовъ“ Москва. 1907 г.

²⁾ Погорѣльскій: „Электрофотосфены и энергографія“ СПб. 1899 с. 89—98.

лицъ, у которыхъ эта сила выдѣляется въ небольшомъ количествѣ, она въ маломъ количествѣ сообщается и проводнику.

6) Лѣвая рука даетъ этой силы менѣе, чѣмъ правая (первая отклоняетъ стрѣлку на 17° , а послѣдняя—на 20°).

7) При заболѣваніи субъекта количество этой силы уменьшается, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ неврастеніи замѣчается усиленіе ея съ одной стороны тѣла и ослабленіе съ другой.

Если въ приборѣ эта сила показываетъ себя только, какъ сила, то на фотографической пластинкѣ она *видна* уже въ опредѣленной формѣ. Снимковъ этой силы въ настоящее время имѣется множество. Они дѣлаются во всевозможныхъ варіаціяхъ, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, при помощи фотографическаго аппарата и безъ него на чувствительной сторонѣ пластинки. Здѣсь эта сила объективно и наглядно показываетъ себя. Интересующіеся найдутъ много такихъ снимковъ, а равно и описаніе способовъ снимки, въ цитированной уже нами книгѣ: „труды перваго всероссійскаго съѣзда спиритуалистовъ“, а также въ книгѣ К. Кудрявцева: „Животный магнетизмъ, какъ лечебное средство“. 1913 г.

Теперь укажемъ на простой опытъ, доступный каждому, у кого окажется подъ руками обыкновенный *электроскопъ*. При обычныхъ условіяхъ, т. е. если вы коснетесь рукой стержня прибора или стекляннаго шара, электроскопъ ничего не покажетъ и это только потому, что онъ не настолько чувствителенъ, чтобы замѣтить тѣ тончайшія радіаціи, которыя выходятъ изъ организма. Но чувствительность прибора можно значительно повысить, натирая ладонью стеклянный шаръ. Теперь приближайте и удаляйте руку къ прибору и листочекъ электроскопа будетъ подниматься или опускаться, т. е. притягиваться или отталкиваться, ясно показывая, что *изъ васъ идетъ токъ*. Если между ладонью и шаромъ вы помѣстите, напр. листъ бумаги, то дѣйствіе тока ослабится или совсѣмъ прекратится. Вы можете къ натертому ладонью шару прикасаться не рукою только, но локтемъ, носомъ, чѣмъ угодно и приборъ покажетъ наличность излученій изъ вашего организма. Повидимому, по своей природѣ эти лучи

ближе всего подходят къ α -лучамъ ¹⁾, такъ какъ способны проходить черезъ стекло и воздухъ на незначительномъ разстояніи (3—7 сант.) и задерживаются бумагой.

Когда наличность излученій изъ организма установлена, тогда возникаетъ долгъ ихъ изученія и открывается возможность пользованія ими. Въ деталяхъ, это, конечно, грандіозная проблема будущаго, но кое-что изъ этого извѣстно и въ настоящее время. Мы пользуемся нѣкоторыми данными по этому вопросу изъ доклада г. Кудрявцева на всероссійскомъ съѣздѣ спиритуалистовъ.

Какъ всякое физическое тѣло, говоритъ Кудрявцевъ, излучаетъ изъ себя комплексъ лучей своей природы, такъ выдѣляетъ излученіе и эфирное или астральное тѣло человека. Если физическое тѣло находится въ полной гармоніи съ астральнымъ, то излученія происходятъ нормально, безъ задержки, если-же гармонія нарушена, то происходитъ задержка. Здѣсь причина здоровья и нездоровья организма. Болѣзнь это—неразуміе организма, отсутствіе полного магнетическаго соотношенія разума (сознательнаго и подсознательнаго) съ каждымъ органомъ тѣла. Такимъ образомъ, задача врачеванія состоитъ въ томъ, чтобы возстановить нарушенное равновѣсіе между астраломъ и тѣломъ физическимъ, т. е. если мало въ организмѣ магнетизма, чтобы въ достаточной степени зарядить нервную систему, его надо добавить изъ другого источника; если что-нибудь препятствуетъ его правильному распредѣленію, то надо удалить, или преодолѣть эти препятствія.

Опытъ и древняго и современнаго человечества доказалъ пользу „*возложенія рукъ*“, посредствомъ котораго жизненный магнетизмъ врача передается пациенту, чтобы усилить его собственную истощенную или растраченную жизненность.

Мы все прибѣгаемъ къ этому средству, когда прикла-

¹⁾ α -лучи это одинъ изъ трехъ типовъ лучей радіоактивныхъ тѣлъ; по своей природѣ это потоки матеріальныхъ частичекъ, несущихъ съ собою электричество. Другіе два типа, это β -лучи и γ -лучи. Первые нематеріальны и суть атомы—электричества, или *электроны*; послѣдніе (γ -лучи) вполне напоминаютъ лучи Рентгена. (См. Боргмана: „возникновеніе электронной теории вещества“. Новыя идеи въ физикѣ. Вып. I. С. 90—91.)

дываемъ руку къ больному мѣсту, т. е. подсознательно, инстинктивно, мы это давно знаемъ, не знаемъ только сознательно.

Но передать можно только то, что имѣешь и передать съ пользою только тогда, когда этого отъ души желаешь, ибо наши чувства, мысли и желанія, каждое своимъ специфическимъ ароматомъ,—ядомъ духовнымъ или жизненнымъ элексиромъ,—пропитываютъ наши излученія.

Отсюда слѣдуетъ, что больной врачъ—плохой врачъ, но еще болѣе плохъ тотъ, къ которому вы чувствуете антипатію, и которому не довѣряете.

Въ конечномъ выводѣ, магнетически врачевать можно только любя и только при посредствѣ любви. Не поэтому-ли святые, т. е. болѣе другихъ возлюбившіе человечество, врачуютъ разныя болѣзни, не потому-ли Іисусъ Христосъ, безконечно возлюбившій родъ людской исцѣлялъ всякую болѣзнь, врачевалъ даже отъ смерти (воскрешалъ)?

Отсюда, чѣмъ болѣе каждый изъ насъ прогрессируетъ въ любви, тѣмъ болѣе жизненные токи, не духовные только, но и физическіе, онъ распространяетъ около себя.

Чѣмъ выше духовное развитіе, тѣмъ тоньше эманации, а чѣмъ онѣ тоньше, тѣмъ безпрепятственнѣе проникаютъ все. Здѣсь полная параллель лучамъ ультра-фіолетовымъ, лучамъ α , β , γ , X—лучамъ и т. д.

Въ первой своей стадіи излученія изъ организма, назовемъ ихъ флюидическими, свободно проникаютъ покровы кожи, мышцы и ткани, но они не могутъ пройти черезъ кость и потому болѣзни кости и злокачественныя опухоли имъ устранены быть не могутъ, могутъ только облегчаться.

Во второй стадіи — лучи „одическіе“ — пронизываютъ кости и опухоли и могутъ ввести измѣненія въ происходящихъ въ нихъ процессахъ.

Третьей стадіей наибольшаго извѣстнаго намъ разрѣженія считается „астральный“ лучъ, обладающій способностію проявлять скрытыя въ человѣкѣ способности и увеличивать его жизненную силу.

Можно съ увѣренностію сказать, что нѣтъ такой болѣзни, которая не могла-бы быть устранена путемъ наложенія рукъ, въ особенности если она не развилась уже до послѣдней степени. Даже саркома, ракъ, чахотка и др. бо-

лѣзни могутъ быть устранены такимъ путемъ, если онѣ захвачены во-время. Весь вопросъ только въ томъ, чтобы подобрать къ каждому человѣку такія руки, которыя несутъ съ собой нужный ему токъ и которыя наиболѣе подходятъ къ данному субъекту. Въ этомъ отношеніи зарождающееся „воздѣйствіе или наложеніе рукъ“ не даетъ еще пока точныхъ указаній ¹⁾.

Оставляя на отвѣтственности автора сказанное, опускаемъ дальнѣйшія подробности.

Подъ именемъ „магнитотерапіи“ одическое лѣчение практикуется во многихъ большихъ центрахъ Европы, у насъ-же въ Россіи въ общемъ оно еще „не принято“ ²⁾. У насъ болѣе знакомы съ „гипнотизмомъ“, чѣмъ съ „магнетизмомъ“, хотя гипнотизмъ, какъ воздѣйствіе *психическое по преимуществу*, можетъ быть вполне полезенъ вмѣстѣ съ магнетизмомъ, какъ воздѣйствіемъ *болѣе физическимъ*.

Намъ остается добавить, что оккультный принципъ возможности жизненнаго общенія съ царствомъ растительнымъ и минеральнымъ лежитъ въ основѣ нашей медицины, которая извлекаетъ всѣ свои „жизненные элексиры“, т. е. тинктуры, порошки и разныя спеціи, главнымъ образомъ изъ растительнаго и минеральнаго міра; а ученіе о такомъ-же общеніи съ металлами принято наукой подъ именемъ „металлотерапіи“ ³⁾.

Мы всѣ исповѣдуемъ послѣдній принципъ, когда къ ушибленному мѣсту спѣшимъ приложить мѣдную монету.

Думаемъ, что мало найдется пожилыхъ людей, которые-бы изъ *личнаго опыта* не были знакомы съ *несомнѣнными фактами* таинственнаго вліянія заговоровъ, наговоровъ, средствъ симпатическихъ и т. п. *удивительныхъ нелѣпостей*, т. е. оккультизма въ жизни.

Смѣяться надъ тѣмъ, что непонятно, просто, но осмыслить трудно!

¹⁾ К. Кудрявцевъ: „излученія челов. тѣла и примѣненіе ихъ къ лѣченію болѣзней“. См. „Труды I всеросс. съѣзда спиритуалистовъ“, с. 207—218.

²⁾ Въ 1912 г. въ Петербургѣ открыта лечебница животнымъ магнетизмомъ.

³⁾ См. объ этомъ подробнѣе у Рише: „сомнамбулизмъ, демонизмъ и яды интеллекта“. Пер. съ франц. Спб. 1885 г. с. 174—176.

Глава четвертая. Жизнь въ невѣдомыхъ-психическихъ формахъ.

Жизнь во всемъ ея цѣломъ, говоритъ оккультизмъ, огромная величина, уходящая своимъ прошлымъ и своимъ будущимъ въ безпредѣльность; ея *видимыя* физическія проявленія лишь символы великой *невидимой* ткани жизни. Эту невидимую ткань чувствуютъ художники и поэты, ее опытно *знаютъ* люди религіознаго сознанія, ее никогда не отрицали идеалисты. Да и отрицать ее нельзя, не погасивъ самаго смысла земной жизни.

Мы говорили о взаимообмѣнѣ жизни при посредствѣ одическихъ излученій; теперь изложимъ оккультное ученіе о жизненномъ взаимообщеніи при посредствѣ эмоцій, страстей и мыслей.

Здѣсь человекъ возвышается надъ окружающей природой и входитъ въ общеніе съ себѣ подобными особымъ, ему одному свойственнымъ способомъ. Природа имѣетъ только минимумъ этого и только лишь въ высшемъ своемъ, животномъ царствѣ.

Область мыслей, чувствъ и желаній не есть что-то отвлеченное, это такой-же реальный міръ, какъ и міръ физической, въ которомъ дѣйствуютъ свои незыблемые законы. Съ матеріей физической мы соприкасаемся ощутительно, но мы со всѣхъ сторонъ окружены матеріей иного рода, сверхфизической, которая служитъ естественнымъ продолженіемъ физической и которая, все болѣе и болѣе утончаясь, становится пригодной для выраженія явленій сверхфизическихъ. Таковыми и представляются мысли, чувства и желанія.

Есть жизнь тѣлесная, матеріальная, значитъ, есть тѣло и міръ матеріальный; есть жизнь душевная, значитъ *есть и міръ душевный*, настоящій, дѣйствительный, столь-же реальный, какъ реальны самыя душевныя састоянія.

Въ физическомъ мірѣ душа живетъ своимъ тѣломъ, грубымъ, матеріальнымъ, а въ этомъ мірѣ—своимъ тѣломъ сверхфизическимъ—*астральнымъ* (чувства, желанія), и *ментальнымъ* (мысли).

Такимъ образомъ, мысли, чувства и желанія это тѣ-же *аманации*, но только не физическаго тѣла, а астральнаго и

ментальнаго, тѣ-же одическія излученія, только болѣе тонкой природы.

Извѣстно, что звукъ, свѣтъ, теплота,—все это разнообразныя движенія воздуха и эфира; въ подобныхъ-же движеніяхъ астральной и ментальной матеріи проявляютъ себя и всѣ душевныя переживанія.

Насыпьте на стеклянную пластинку тонкій слой песка, затѣмъ съ помощію смычка отъ скрипки извлекайте изъ пластинки разные звуки. На пластинкѣ получатся *картины звуковъ*,—звѣздочки, разные фантастическія фигурки. При чемъ одинаковые звуки, по тону ихъ и силѣ, образуютъ одни и тѣ-же рисунки.

Совершенно то же, говоритъ оккультизмъ, происходитъ и въ мірахъ астральномъ и ментальномъ. Мысли и чувства, это токи, которые всегда производятъ соответствующія вибраціи. При чемъ законы усиленія или поглощенія звуковъ, законы резонанса, интерференціи, являются законами не въ воздушномъ только мірѣ, но и въ мірахъ астральномъ и ментальномъ. Жизнь течетъ и здѣсь, повинуюсь опредѣленнымъ законамъ. Мысли, чувства, говорятъ ясновидяще, это *формы*, опредѣленныя конкретныя реальности, калейдоскопически—подвижныя и безконечно разнообразныя; мы окружены тучами ихъ, потоками; какъ облака мошканы, онѣ неотвязно вьются около насъ, облѣпляютъ насъ, ища уязвимаго мѣста. Когда мы останавливаемъ вниманіе на какой-либо мысли, мы тѣмъ притягиваемъ къ себѣ однородныя ей мысли; когда не обращаемъ вниманія на *приходящія* къ намъ въ голову мысли, мы тѣмъ отгоняемъ ихъ отъ себя. Значитъ и здѣсь далеко не все безразлично, значитъ и здѣсь человѣкъ—творецъ собственнаго міра. Чѣмъ вы интересуетесь, тѣмъ и дѣлаетесь.

Чувства даютъ окраску мыслямъ и жизненную силу, а воля указываетъ направленіе. Но не всякая мысль и чувство наше доходятъ по адресу.—Если въ вашей аурѣ есть нѣчто, способное вибрировать однородно съ посылаемой вамъ мыслию, вы ее воспринимаете, если нѣтъ, она не находитъ въ васъ точки приложенія и по закону обратнаго дѣйствія возвращается къ пославшему ее. Здѣсь причина того, что праведный человѣкъ остается чистымъ даже среди цѣлыхъ потоковъ грязныхъ чувствъ и мыслей, а зложелательный

только язвить себя, расточая всюду свои злыя чувства и пожеланія.

Мысль—сила, поэтому она можетъ причинить вредъ, или оказать помощь. Въ обычаѣ поздравить человѣка, высказать ему добрыя пожеланія гораздо болѣе смысла, чѣмъ это кажется. Мысли любви, витая около насъ, даютъ намъ миръ и покой, невидимо создаютъ хорошее настроеніе; мысли же злобы, какъ темные духи, навѣваютъ на насъ тоску, безпокойство, неудовлетворенность.

Пиеагорейцы имѣли привычку, идя въ толпу, произносить то или другое стихотвореніе, а христіанскіе отшельники оставили правило непрестанно творить молитву Іисусову; и тѣ и другіе обнаружили глубокое знаніе оккультныхъ законовъ. Читая въ толпѣ хорошее стихотвореніе или повторяя молитву Іисусову, вы не только застраховываете себя отъ тучъ грязныхъ мыслей, носящихся надъ толпой, но и привлекаете возвышенныя, устремляя свое вниманіе къ тому, о чемъ говорится въ стихотвореніи и особенно, если сосредоточите его на созерцаніи свѣтлѣйшаго лика Іисусова. Отъ послѣдняго не только просвѣтляется ваша астральная и ментальная личность, но и ваше физическое лицо получаетъ печать какой-то особенной духовной красоты.

Господствующая психологія утверждаетъ, что мысль рождается отъ духа; матеріалисты увѣрены, что мысль есть продуктъ ощущенія;—оккультизмъ говоритъ, что для мысли необходимо и то и другое: и субъектъ, мыслитель, и ощущеніе, вызывающее мысль. Безъ ощущеній, вызываемыхъ объектами внѣшняго міра, Мыслитель или безсмертное „Я“ человѣка осталось бы бездѣятельнымъ; оно нуждается въ ощущеніяхъ, какъ въ стимулахъ для своей внутренней работы, но самая способность строить мысли, способность создавать связующія звенья между представленіями, принадлежитъ Мыслителю. Безъ него ощущенія не могли бы вызвать мысли. Мысль есть токъ, который создаетъ себѣ въ соотвѣтствующей средѣ соотвѣтствующую форму; при чемъ каждая мысле-форма, по общему закону, несетъ на себѣ печать субъекта, давшего ей бытіе, т. е. окраску индивидуальности. Мы все творимъ по образу своему,—наша индивидуальность отражается на всемъ рѣшительно: на голосѣ, на манерѣ говорить, на походкѣ, на почеркѣ и т. д., по своему же образу

мы творимъ и въ мірѣ ментальномъ и астральномъ. Мы покрываемъ земную поверхность предметами нашего творчества, и въ то же время засѣваемъ невидимыя поля міровъ сверхъфизическихъ посѣвомъ, жатву съ котораго собираемъ мы же сами. Въ этихъ посѣвахъ причина, такъ называемаго *духа времени*, изъ нихъ слагаются *господствующія теченія* въ области мысли, *умственный повѣтрія, эпидеміи, моды*; здѣсь же причина того, что то или другое открытіе обыкновенно готовится одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ и лишь въ условномъ смыслѣ можетъ быть названо открытіемъ того или другого человѣка. Взаимообщеніе жизни гораздо тѣснѣе, чѣмъ это кажется. Ничто не пропадаетъ, но все влагается въ общую сокровищницу жизни. Вотъ почему зло земное, деморализація, родитъ зло небесное; вотъ почему, когда люди забываютъ Бога, ихъ постигаютъ всевозможныя бѣдствія физическія! Между физическимъ міромъ и міромъ невидимымъ происходитъ постоянный круговоротъ. На почвѣ нечистоты физической возникаютъ заразныя болѣзни, на почвѣ нечистоты внутренней—душевная неустойчивость, расшатанность нервной системы, тоска, сумасшествіе, отвращеніе къ жизни, эпидемія самоубійствъ.

Культура подневольная, безъ любви къ дѣлу (фабричная, заводская, городская), культура подъ аккомпаниментъ проклятій, злобы, ожесточенія не повышаетъ жизнь, а понижаетъ ее; давая видимую, блестящую мишуру, она убиваетъ душу, плодя неврастениковъ, она роетъ могилу, чтобы зарыть въ ней и ихъ и себя!

Но какъ же выйти изъ этого заколдованнаго круга? Отвѣтъ одинъ: нужно ввести сознательную культуру въ невидимый міръ нашихъ мыслей и эмоцій; нужно работать *тамъ, гдѣ корни*, въ глубинѣ духа, а не тамъ только, гдѣ поверхность—видимость, дѣла. Нужно каждому тщательно очищать самого себя, въ себѣ уничтожать зло и воспитывать любовь, тогда будетъ больше добра и въ общей сокровищницѣ жизни. Внутренняя культура каждой души очищаетъ духовную атмосферу, какъ озонъ очищаетъ атмосферу физическую.

Справки изъ жизни и опыта по тому же вопросу.

Оккультное ученіе о невидимой ткани жизни, ученіе о мысляхъ—формахъ и чувствахъ—образахъ въ наше время

можно считать уже взятымъ подъ знамя науки, именно: экспериментальной психологіи. Вотъ что по этому поводу говорятъ передовые психологи.

Выдающіеся фізіологи (Дондерсъ, Гельмгольцъ, Вундтъ), говоритъ проф. Сикорскій, принялись за экспериментальное изслѣдованіе душевныхъ явленій по методамъ фізіологіи и дали начало *психометриі*, т. е. количественному измѣренію психическихъ функцій¹⁾. Такіе авторитеты, какъ Г. Спенсеръ, Гефдингъ, Оствальдъ, Н. Гротъ рѣшительно заявляютъ, „что психическіе процессы представляютъ лишь высшую форму фізіологическихъ“²⁾, т. е. это тѣ же фізіологическіе процессы только въ матеріи *sui generis*. „Для человѣка, говоритъ Сикорскій, образы субъективны, но для психометрическаго инструмента вполнѣ объективны и существуютъ на самомъ дѣлѣ, какъ фізіологическія реальности, которыя могутъ быть такъ же открыты и учтены, какъ открывається и фиксируется невидимая звѣзда на чувствительной фотографической пластинкѣ при многочасовой экспозиціи. Слѣдовательно, психическіе образы существуютъ не только субъективно—для озерцающаго сознанія, но и объективно—для бездушнаго инструмента, который ихъ открываетъ и учитываетъ“³⁾.

Помимо опытовъ спеціально фізіологическихъ, въ этомъ отношеніи большой интересъ имѣютъ работы Барадюка по фотографіи мыслей, русскаго доктора Котика, а также фотографированіе мыслей майора Дорже, сдѣлавшаго недавно докладъ въ Парижѣ относительно своихъ опытовъ фиксаціи мыслеобразовъ на фотогр. пластинкахъ. Онъ попробовалъ *мысленно* отпечатать на пластинкѣ, опущенной въ проявитель, опредѣленный предметъ, о которомъ упорно думалъ, смотря на пластинку; спустя четверть часа предметъ оказался сфотографированнымъ. Не менѣе интересны опыты доктора Кильнера съ человѣческой аурой. Кильнеръ изобрѣлъ аппаратъ, состоящій изъ двойного стекляннаго экрана, раздѣленнаго внутри на плоскія отдѣленія, въ которыхъ заключены растворы диціанина и карминныхъ красокъ.

¹⁾ И. А. Сикорскій: „Всеобщая психологія съ фізіологіей“. Кіевъ 1912 г., стр. 181.

²⁾ Тамъ же с. 184.

³⁾ Тамъ же с. 200.

Посмотрѣвъ черезъ этотъ экранъ на сильный свѣтъ — при опредѣленныхъ условіяхъ — въ теченіе одной минуты, онъ послѣ этого былъ въ состояніи видѣть человѣческую ауру; то, что онъ видѣлъ, вполне совпадало съ опредѣленіями ясновидящихъ ¹⁾).

Что мысль есть матеріальное прикосновеніе къ предмету, о которомъ мы думаемъ, это извѣстно всякому. Посмотрите пристально на стоящаго или сидящаго впереди васъ человѣка въ затылокъ и если онъ особенно чѣмъ-либо незанятъ, то непремѣнно оглянется. Когда вы обращаете почему-либо вниманіе на встрѣчнаго человѣка и оглядываетесь на него, когда онъ прошелъ уже мимо васъ, обыкновенно и онъ въ этотъ моментъ оглядывается на васъ.

Но особенно очевидно это изъ фактовъ гипнотическаго внушенія.—Человѣкъ спитъ гипнотическимъ сномъ, сознание отсутствуетъ, онъ автоматъ. Вы говорите ему: когда проснетесь, сдѣлайте то-то и то-то и онъ, тѣло котораго настолько анестезировано, что возможно надъ нимъ произвести операцію, восприметъ то, что вы ему приказали и, проснувшись, точно выполнитъ вашу волю. Но вы можете и не говорить то, что желаете, а только настойчиво объ этомъ подумать и спящій восприметъ ваше *мысленное внушеніе*. Какимъ путемъ?—спрашивается. Очевидно, ваша мысль оставила матеріальный слѣдъ на мозговой оболочкѣ спящаго и какъ только къ нему вернулось сознание, онъ, какъ свою собственную мысль, прочиталъ въ мозгу ваше приказаніе и выполнилъ его, совершенно не подозрѣвая, что это вы ему такъ приказами ²⁾).

Всѣмъ извѣстны опыты, когда человѣку завязываютъ глаза, держатъ его двое за пульсъ, настойчиво думая объ одномъ и томъ-же; въ результатѣ человѣкъ съ завязанными глазами дѣлаетъ то, о чемъ вы думаете, чтобы онъ сдѣлалъ.

Здѣсь вы имѣете примѣръ того, что мысль можетъ передаваться безъ словъ и колебаній воздуха, а чрезъ нервный токъ.

¹⁾ Подробности въ книгѣ д-ра Кильнера: *The human Atmosphere or the Aura made visible by the aid of chemical Screens*. Изд. Ребмана въ Лондонѣ, ц. 15 шил. и ящикъ съ стеклами экранами 15 шиллинг.

²⁾ Много фактовъ этого рода можно найти въ книгѣ Рише: *„сомнамбулизмъ, демонизмъ и яды интеллекта“*. С. 115—145.

Но это держаніе за руку субъекта, чтобы передать ему свою мысль, нужно только для усиленія процесса; въ болѣе-же тонкомъ видѣ тотъ-же процессъ постоянно происходитъ безъ всякаго внѣшняго прикосновенія и почти на всякомъ разстояніи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ безчисленные факты телепатіи, научно засвидѣтельствованные и для многихъ лично извѣстные.

Мы говоримъ вотъ о чемъ.—

Осенью прошлаго года пріѣхала изъ деревни въ Харьковъ и остановилась въ гостинницѣ Моннэ помѣщица. Вдругъ она видитъ, что въ ея номерѣ является ей знакомая дама, съ которой она уже нѣсколько лѣтъ не видалась. Явилась реально, ясно и исчезла. Помѣщица идетъ за покупками въ городъ, возвращается и, къ удивленію своему, находитъ на столѣ записку именно отъ этой самой, ранѣе таинственно явившейся ей старой знакомой. Спрошенный швейцаръ заявляетъ, что въ отсутствіе помѣщицы дѣйствительно приходила какая-то дама и оставила ей записку.

Въ чемъ здѣсь дѣло?

Очевидно, та, которая потомъ приходила въ номеръ помѣщицы физически и оставила записку, *ранѣе была здѣсь психически*, т. е. узнавши, что старая знакомая у Моннэ, думала объ ней съ сильнымъ желаніемъ повидаться съ ней. Мысль, насыщенная сильнымъ чувствомъ, оказалась настолько рельефной, что, симпатически настроенная къ знакомой, помѣщица увидала ее въ образѣ самой въ этотъ моментъ думавшей.

При меньшемъ насыщеніи чувствомъ мысль передается съ меньшей рельефностію, какъ говорятъ, просто ни съ того ни съ сего „приходить въ голову“ безъ образа пославшаго ее.

Оставляя въ сторонѣ факты и примѣры, которые въ обиліи можно найти въ любой книгѣ по вопросу о телепатіи, мы постараемся выяснитъ только *самый процессъ*, какимъ приходятъ къ намъ и уходятъ отъ насъ мысли.

Установлено, что явленія телепатіи имѣютъ мѣсто тамъ, гдѣ есть на лицо сродство душъ.—Мать за сотни верстъ чувствуетъ несчастіе, случившееся съ сыномъ, влюбленные съ полъ-слова или даже совсѣмъ безъ словъ понимаютъ другъ

друга ¹⁾. Гдѣ на лицо до извѣстной степени духовное тожество, гармонія, духовный консонансъ, тамъ одна душа читаетъ въ другой и чѣмъ *выше подобныя* души, тѣмъ безпрепятственнѣе онѣ сообщаются другъ съ другомъ. Теоретически отсюда тотъ выводъ, что чѣмъ болѣе люди будутъ объединяться въ любви, тѣмъ интимнѣе будутъ между ними отношенія, тѣмъ болѣе они будутъ знать другъ друга и тѣмъ болѣе будутъ входить въ общеніе другъ съ другомъ, безъ желѣзныхъ дорогъ, безъ телеграфовъ, телефоновъ и т. п., а такъ силою природнаго сродства. Не потому-ли и Богъ знаетъ въ совершенствѣ всѣхъ и все, находится въ общеніи со всѣмъ и вездѣ, что Онъ — всесовершенная любовь?

Практически на это указываетъ то, что *святые* люди дѣлаются *прозорливѣе*, читаютъ мысли другихъ, видятъ на разстояніи.

Такимъ образомъ, то, что на низшей степени совершенства (обыкн. случаи телепатіи) воспринимается только при условіи извѣстнаго духовнаго подобія, на высшей сознается и при отсутствіи этого условія (святые видятъ грѣшныя мысли другихъ).

Все дѣйствуетъ на всѣхъ, только воспринимается, такъ сказать, духовно ощущается каждымъ разное, въ своей степени, у однихъ кругъ этотъ шире, у другихъ уже.

Но самый процессъ духовнаго взаимодействія схематически, очевидно, всегда одинъ и тотъ-же.

Съ тѣхъ поръ какъ открытъ секретъ беспроволочнаго телеграфированія, въ аппаратѣ этомъ мы получили *физическій приборъ* телепатіи и наглядный показатель того, *какъ* „переходятъ“ мысли отъ одного къ другому.

Сущность беспроволочнаго телеграфа сводится къ слѣдующему.—При передачѣ депеши по этому способу на станціи отправленія пропускаютъ черезъ аппаратъ электрической токъ съ періодическимъ его прерываніемъ сообразно съ телеграфной азбукой. Главная часть этого отправляющаго аппарата—(осцилляторъ, радіаторъ или радіо-кондукторъ)—трансформируетъ этотъ прерывистый токъ электрической энергіи въ колебанія, передающіяся окружающему ээиру. Далѣе происходитъ то, что бываетъ, когда вы бросите камень въ воду, т. е. колебанія эти въ формѣ сферическихъ волнъ распространяются на *неопредѣленное разстояніе* (сила

ихъ падаетъ пропорціонально квадрату разстоянія отъ исходнаго пункта). Если эти волны на пути своего движенія встрѣчаютъ приѣмную станцію, то дѣйствуя на приѣмникъ депеши (когереръ), онѣ трансформируются въ періодическіе электрическіе токи, которые, вполнѣ соотвѣтствуя токамъ, пропущеннымъ на станціи отправленія, даютъ возможность прочесть депешу.

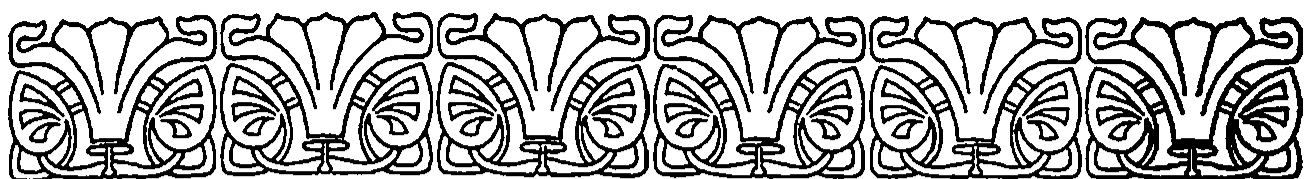
Совершенно такъ-же, какъ депеши на беспроволочномъ телеграфѣ, передаются и наши мысли и чувства. Приѣмникъ и отправитель здѣсь—мозгъ; мысль и чувство—токъ; астральная и ментальная матерія—среда передающая токъ. Разница только въ томъ, что мы сами—плохіе телеграфисты, не видимъ ничего и вся масса ежеминутно осаждающихъ насъ депешъ, оставляя свои слѣды на нашемъ астралѣ и менталѣ, за рѣдкими исключеніями, обыкновенно не *достигаютъ до нашего* сознанія,—остается въ подсознательной области.

Наука въ лицѣ представителей экспериментальной психологіи и психометрическаго метода изслѣдованія психическихъ явленій, въ лицѣ знаменитаго Вильяма Джемса съ его школой, только однимъ глазомъ заглянула въ эту таинственную область, но и этого уже достаточно, чтобы видѣть, какой это новый, богатый міръ жизни. Оказалось, что жизнь не оканчивается на концѣ нашихъ чувствъ, а бесконечно продолжается, все болѣе утончаясь въ формахъ, и осложняясь въ содержаніи. Здѣсь нужна новая физика, новая фізіологія новая химія; здѣсь нужны свои Дарвины, Ньютоны, Менделѣевы. Ихъ нѣтъ пока, но безспорная заслуга естественно-научнаго оккультизма въ томъ, что онѣ ихъ вызываетъ, открывая перспективы *новаго естествознанія*.

Святи. Іоаннъ Дмитревскій

(Продолженіе будетъ).

ЦЕРКОВНЫЯ ДРЕВНОСТИ ХАРЬКОВСКАГО КРАЯ.

(Историко-археологическій очеркъ).

(Продолженіе *).

VII.

Древнѣйшій типъ деревянныхъ „черкасскихъ“ храмовъ.

Черкасы, заселяя Харьковскій край, сначала строили исключительно деревянные храмы. Каменные же появляются у нихъ только съ восьмидесятыхъ годовъ XVII в. Первые храмы совершенно воспроизводили архитектурный типъ украинскихъ храмовъ правобережнаго Заднѣпровья въ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ. Какъ наши, такъ и тѣ—это одна группа памятниковъ южно-русскаго церковнаго зодчества.

Они представляютъ собою чрезвычайно своеобразное явленіе, въ цѣломъ и деталяхъ совершенно отличное отъ типа древнѣйшихъ сѣверно-русскихъ храмовъ. Индивидуальныя особенности южно-русскаго церковнаго зодчества замѣтны съ перваго взгляда. Только недостатокъ вниманія и скудость изслѣдованнаго матеріала въ этой области были причиною того, что это зодчество долго не представлялось особымъ архитектурнымъ типомъ, достойнымъ тщательнаго изученія и охраненія. Къ счастью, археологическая ученая пытливость въ послѣднее время обращается и въ эту сторону и путемъ постепеннаго изученія и обслѣдованія памятниковъ правобережнаго Заднѣпровья приходитъ, наконецъ, къ совершенному установленію его научной цѣнности и глубокаго интереса.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 23 за 1913 г.

Значительный вкладъ въ уясненіе этого староукраинскаго зодчества, несомнѣнно, должны внести и древнѣйшіе черкасскіе храмы Харьковскаго края.

Для правильнаго пониманія древнѣйшаго типа нашихъ храмовъ необходимо хотя вкратцѣ коснуться уже опредѣлившихся теперь результатовъ научно-археологическаго изслѣдованія украинскихъ храмовъ правобережнаго Заднѣпровья—Кіевской, Волынской и Подольской губерній.

Уже путешественникъ по этой области въ половинѣ XVII в., сирійскій діаконъ Павелъ Алеппскій (1654 г.), съ глубокимъ изумленіемъ отмѣчалъ своеобразіе и прелесть украинскихъ храмовъ: ихъ изящное, трехкупольное и пятикупольное многоглавіе, стройность, граціозное устремленіе къ небу, живую иконопись съ западно-европейскимъ вліяніемъ, роскошные иконостасы съ поразительной рѣзбой и блестящей позолотой, красивыя звонницы и крытые навѣсы вокругъ храмовъ съ рѣшетками и точеными столбами. Впослѣдствіи же, какъ только появились первыя попытки обслѣдованія этихъ храмовъ, оригинальность ихъ типа стала выступать съ еще бѣльшею ясностію. Правда, только въ настоящее время положено начало научно-систематическаго изученія украинскихъ художественныхъ древностей. Плодомъ этого явились изслѣдованія, которыя выдвинули на сцену новую, до сихъ поръ мало извѣстную, украинскую церковную архитектуру¹⁾. Вопросъ объ этомъ зодествѣ начинаетъ обсуждаться въ ученыхъ докладахъ на періодическихъ Археологическихъ Съѣздахъ: по мѣрѣ накопленія обслѣдованнаго матеріала по этой части высказывается цѣлый рядъ ученыхъ выводовъ и заключеній объ особенностяхъ этого церковно-архитектурнаго типа и объ его отношеніи къ другимъ архитектурнымъ типамъ.

Такъ, на уже II Археологическомъ Съѣздѣ гр. А. С. Уваровъ указывалъ на богатство и оригинальность украинской церковной архитектуры и видѣлъ прототипъ ея въ храмахъ Галиційскихъ. Основываясь на докладѣ гр. А. С. Уварова,

¹⁾ Главнѣйшія работы по вопросу о южно-русскомъ церковномъ зодествѣ указаны въ брошюрѣ прот. Е. Сѣцинскаго „Южно-русское церковное зодчество“ Каменецъ-Под. 1907 г., а также въ изданіи Игоря Грабаря „Исторія русскаго искусства“, вып. VIII-й (деревянное церковное зодчество на Украинѣ), примѣч. 2.

В. В. Сусловъ въ своихъ „Очеркахъ по исторіи древнерусскаго зодчества“ (С.-Петербургъ, 1889 г.) усматривалъ въ образованіи этого архитектурнаго типа вліяніе Запада. Однако, при дальнѣйшихъ успѣхахъ въ изученіи церковныхъ древностей Украины явилась возможность установить уже полную индивидуальность и самобытность этого архитектурнаго типа. Главное значеніе въ этомъ отношеніи имѣютъ труды и изслѣдованія проф. Кіевскаго Университета Г. Г. Павлуцкаго. Въ своемъ сочиненіи, изданномъ въ 1905 году къ Екатеринославскому Археологическому Съѣзду, „Древности Украины“, онъ опредѣленно высказался въ пользу совершенной независимости южно-русскаго деревяннаго зодчества отъ стороннихъ вліяній.

Проф. Г. Г. Павлуцкій отмѣчаетъ слѣдующія основныя черты церковнаго зодчества правобережнаго Заднѣпровья. Тамъ храмы по формѣ бываютъ трехкупольные, пятикупольные, девятикупольные и менѣе сложные—однокупольные. Самая типичная и наиболѣе распространенная форма—трехкупольная церковь. Она состоитъ изъ трехъ прямоугольных срубовъ, расположенныхъ въ одну линію, по направленію отъ востока къ западу, при чемъ средній срубъ значительно преобладаетъ надъ двумя остальными шириной и вышиной. Весь храмъ дѣлится на три части: алтарь, мѣсто для молящихся и притворъ или „бабинецъ“. Эти три части символизируютъ св. Троицу, идея которой воспроизводится также въ трехъ куполахъ, такъ какъ каждая часть храма имѣетъ свой особый куполь, и они также расположены на прямой линіи отъ востока къ западу. Въ смежныхъ стѣнахъ срубовъ внутри храма вырѣзаны арки для свободнаго прохода изъ одной части храма въ другую; алтарная арка закрывается высокимъ иконостасомъ. На западной сторонѣ храма всегда находится паперть съ двускатной крышей или небольшое крыльцо, а къ алтарю пристроена—часто только впоследствии—ризица. Очень часто планъ трехкупольнаго храма видоизмѣняется тѣмъ, что наружныя, а иногда и внутренніе углы прямоугольных срубовъ какъ бы обрѣзываются или закругляются.

Въ однокупольной церкви планъ остается также трехсоставной, но куполь возводится только надъ среднимъ срубомъ; алтарь же и притворъ имѣютъ крышу на два

ската съ фронтонами: внутри ихъ устраивается плоскій или немного вогнутый потолокъ,—подобіе деревяннаго коробо-ваго свода.

Планъ пятикупольной церкви представляетъ равноко-нечный крестъ. Срубы бываютъ прямоугольные, но чаще центральный срубъ имѣетъ видъ восьмиугольника, а вѣтви креста оканчиваются абсидами и принимаютъ форму граней. Если три трехкупольныхъ церкви поставить рядомъ, то получится девятикупольный храмъ, имѣющій въ планѣ квадратъ, раздѣленный на девять частей. Девятикупольныя церкви очень рѣдки. Таковъ Троицкій соборъ въ г. Новомосковскѣ, Екатеринославской губерніи,—уже описанный нами въ пре-дыдущей главѣ.

Первоначально въ древнѣйшихъ украинскихъ церквахъ нижніе срубы прямо покрывались куполами, имѣющими форму низкаго шатра на четыре грани. Впослѣдствіи подъ вліяніемъ барокко преобразовывается форма плана и купола. Срубы дѣлаются многогранными или круглыми, купола превращаются въ высокія, уступчатыя изъ нѣсколькихъ, все суживающихся, срубовъ башни. Благодаря системѣ восьмериковъ, эти башни украинскихъ церквей не имѣютъ тяжелаго вида. Все нагромождено и вмѣстѣ съ тѣмъ величественно. Такъ какъ башни внутри открыты во всю высоту и освѣщены окнами не только въ нижнемъ срубѣ, но и въ восьмерикахъ, то впечатлѣніе внутренности храма выходитъ торжественнымъ и возвышающимъ. Такъ какъ купола башни бревенчатыя, то форма крышъ часто соотвѣтствуетъ внутреннему устройству этихъ башенъ. Верхній восьмерикъ нерѣдко и снаружи имѣетъ форму усѣченной пирамиды, четырехгранной или восьмигранной, являющейся какъ бы низкимъ шатромъ. Впослѣдствіи крыши видоизмѣнились во вкусѣ барокко. Одна форма—широкая, сдавленная, съ слабымъ перехватомъ у основанія, свойственныя низкимъ шатровымъ сводамъ. Другая форма—вытянутый и болѣе вычурный въ линіяхъ куполь, свойственный высокимъ шатровымъ сводамъ.

Характерную и весьма живописную особенность украинскихъ трехглавыхъ храмовъ представляютъ галлерей или „опасанія“, идущія вокругъ всей церкви, въ видѣ простого навѣса на столбикахъ.

Колокольни при украинскихъ церквахъ—явленіе позд-

нее. Архитектура въ общемъ та же, что и церковныхъ башенъ: два или три квадратныхъ,—а иногда и восьмиугольныхъ,—сруба, поставленныхъ одинъ надъ другимъ и уменьшающихся кверху. Стѣны верхняго сруба замѣняетъ аркатура; колокольня оканчивается четырехграннымъ шатромъ или куполомъ. Иногда крыша двухъ нижнихъ ярусовъ поддерживается столбиками или аркадами, окружающими срубы.

Сравнивая сѣверныя церковныя постройки съ южными церквами, проф. Г. Г. Павлуцкій усматриваетъ существенную разницу стилей. Въ отличие отъ сѣверно-русскихъ и западныхъ храмовъ, украинскій отличается простотой, онъ лишенъ какихъ бы то ни было наружныхъ украшеній и затѣйливыхъ подробностей. Но въ цѣломъ онъ отличается стройнымъ и изящнымъ видомъ. Въ немъ ярко выражена идея: люди создали здѣсь простой и задушевный памятникъ своему чувству, которое стремится къ небу; въ этомъ порывѣ, въ этомъ стремленіи къ небу вылилась вся малорусская архитектура; во всѣхъ линіяхъ и формахъ явно обозначилось направленіе въ высоту. По его словамъ „отъ южно-русскихъ деревянныхъ церквей вѣтъ такимъ упрямымъ, несокрушимымъ своеобразиемъ, что было бы большимъ заблужденіемъ говорить о заимствованіи и отрицать ихъ родство съ народомъ, ихъ создавшимъ. Свообразие формъ южно-русской архитектуры прямо говоритъ за то, что малорусскіе храмы выросли изъ родной земли вмѣстѣ съ тѣми тополями и липами, которые ихъ окружаютъ“. На основаніи тщательнаго изученія архитектурныхъ источниковъ этого зодчества, проф. Г. Г. Павлуцкій приходитъ къ убѣжденію, что формы украинскихъ деревянныхъ храмовъ являются наслѣдіемъ глубокой мѣстной старины—тѣхъ самыхъ уже не существующихъ теперь формъ, которыя на византійской основѣ выработались въ окрестностяхъ Кіева еще въ первые годы Русскаго великаго княжества. „Малорусское деревянное зодчество, говоритъ онъ, также, какъ и деревянная архитектура сѣверныхъ окраинъ Россіи, является искусствомъ, сохранившимъ свой національный характеръ благодаря тому, что оно самостоятельно перерабатывало и совершенно поглощало всѣ чужіе элементы, византійскіе и западные, которые къ нему притекали“¹⁾. Вотъ почему оно заключало въ себѣ

¹⁾ Древности Украины. Вып. 1, Кіевъ, 1905 г., стр. 31.

такъ много національной устойчивости, что удержалось до конца XVIII вѣка и стало оказывать вліяніе даже на каменную архитектуру уже во вторую половину XVII в., первымъ опытомъ чего является Троицкій храмъ Густынскаго монастыря, Полтавской губерніи, устроенный въ 1672 году.

Эти свои взгляды проф. Г. Г. Павлуцкій отстаивалъ и на недавнемъ XIV Археологическомъ Съѣздѣ въ Черниговѣ, широко аргументировавъ ихъ данными изъ Святославова Изборника и старинныхъ обрядныхъ пѣсенъ. Самобытность украинскаго церковнаго зодчества нашла себѣ и другого ученаго сторонника на этомъ же Съѣздѣ въ лицѣ А. П. Новицкаго. Въ своемъ докладѣ „Черты самобытности въ украинскомъ зодествѣ“ А. П. Новицкій подвергъ детальному обзору типъ трехглавыхъ и пятиглавыхъ храмовъ, отмѣчая въ нихъ мѣстныя индивидуальныя черты. Особенно подробно разсмотрѣлъ трехглавыя церкви, какъ самое характерное произведеніе украинскаго зодчества и притомъ относящееся ко временамъ глубокой древности. При этомъ онъ указалъ на разнообразіе ихъ композиціи, вслѣдствіе чего всѣ попытки его вывести общіе законы пропорцій такихъ храмовъ не увѣнчались успѣхомъ, хотя для каждаго храма въ отдѣльности ему легко удавалось вывести такіе законы. Въ подробностяхъ онъ прослѣдилъ проявленіе самобытности въ устройствѣ башенъ, крышъ, опасаній, шелевки, грушевидныхъ главъ, надглавныхъ крестовъ и иконостасовъ¹⁾.

При такомъ широкомъ обслѣдованіи и изученіи украинскихъ храмовъ западной Малороссіи церковно-архитектурный матеріалъ Харьковскаго края оставался въ тѣни и совсѣмъ не фигурировалъ въ вышеуказанныхъ ученыхъ работахъ. Въ вышедшихъ въ свѣтъ до сихъ поръ изданіяхъ совершенно отсутствуютъ воспроизведенія какихъ либо древнихъ деревянныхъ храмовъ Харьковскаго края, за исключеніемъ единственнаго снимка внутренняго вида купола—Николаевской церкви г. Лебедина, въ изд. И. Грабаря²⁾. Къ сожалѣнію, этотъ матеріалъ не подвергался специальному обслѣдованію и на бывшемъ въ г. Харьковѣ XII-мъ Археологическомъ Съѣздѣ.

¹⁾ Извѣстія XIV Археол. Съѣзда въ г. Черниговѣ. Черниговъ. 1908 г., стр. 137.

²⁾ Исторія русскаго искусства. Вып. VIII, стр. 347

Устроители Археологической выставки на этомъ Съѣздѣ повидимому главное свое вниманіе въ области церковной обратили на иконописный отдѣлъ. И, дѣйствительно, этотъ послѣдній былъ представленъ въ чрезвычайно богатомъ видѣ и притомъ преимущественно изъ иконъ старинныхъ харьковскихъ церквей. Наша старинная иконопись и сдѣлалась предметомъ рефератовъ и научныхъ заключеній этого Съѣзда¹⁾. Что же касается нашего старочеркаскаго зодчества, деревяннаго и каменнаго, то оно было представлено на выставкѣ въ очень скудномъ видѣ небольшой коллекціей фотографическихъ снимковъ и притомъ церквей малохарактерныхъ или и совсѣмъ нехарактерныхъ въ смыслѣ древности и стиля. Да и при этихъ снимкахъ не было ни моделей, ни плановъ, ни увеличенныхъ репродукцій церквей, а между тѣмъ снимковъ другихъ церковныхъ предметовъ было здѣсь очень много. Тѣмъ досаднѣе была такая бѣдность церковно-архитектурныхъ снимковъ мѣстныхъ памятниковъ, что на выставкѣ фигурировала богатая и разнообразная коллекція чертежей и снимковъ церквей Области Войска Донскаго изъ Донскаго музея въ количествѣ 102 экземпляровъ. Въ числѣ 660 фотографій съ памятниковъ церковныхъ древностей Харьковской и сосѣднихъ губерній — здѣсь имѣлось только 20 снимковъ съ 17-ти древнихъ деревянныхъ церквей нашего края, въ томъ числѣ двухъ видоизмѣненныхъ позднѣйшими передѣлками. Выставленные снимки церквей не давали представленія о господствовавшемъ и характернѣйшемъ типѣ нашего древняго церковнаго зодчества: здѣсь отсутствовали наиболѣе своеобразные и особенно распространенные у насъ архитектурные образцы, по которымъ были выстроены отчасти дошедшія до насъ цѣлыя группы церквей. Этимъ только можно объяснить неправильное мнѣніе о нашихъ древнихъ деревянныхъ храмахъ, высказанное проф. Казанской Духовной Академіи В. Нарбековымъ въ книгѣ: „Южно-русское религиозное искусство XVII—XVIII в.в.“²⁾. Сравнивая деревянные церкви Харьковскаго района, представленные на выставкѣ, съ таковыми же церквами Области Войска Донскаго, онъ приходитъ къ заключенію, что „какъ

¹⁾ См. Е. К. Рѣдинъ. Объ иконописномъ отдѣлѣ выставки и рефератахъ о немъ на XII Археол. Съѣздѣ въ г. Харьковѣ.

²⁾ Казань. 1903 г., стр. 104—105.

тѣ, такъ и другія можно причислить къ одной такъ называемой малорусской архитектурѣ, которая впрочемъ въ своихъ, по крайней мѣрѣ, существенныхъ чертахъ мало чѣмъ отличается отъ сѣверной деревянной архитектуры: и здѣсь мы видимъ и круглыя (или точнѣе—многоугольныя) церкви, и крестообразныя (хотя крестообразная форма, кажется, болѣе распространена была на югѣ), видимъ то же наслоеніе нѣсколькихъ осмиугольниковъ, иногда на нижнемъ квадратѣ, видимъ тѣ же шатровыя крыши, многогранные куполы и луковичныя главы. На малорусской деревянной архитектурѣ такимъ образомъ, надо полагать, въ значительной степени отразилось вліяніе сѣверной деревянной архитектуры“. Если бы проф. В. Нарбековъ располагалъ не скуднымъ выставочнымъ архитектурнымъ матеріаломъ, а болѣе обширнымъ и характернымъ, то онъ не сдѣлалъ бы этого послѣдняго своего заключенія. Если бы, напр. были у него подъ руками снимки и планообмѣры такихъ церквей, какъ церкви селъ: Черкаскаго Бишкня, Рубцовой, Груни, Гороховатки и Цареборисовой, онъ безъ затрудненія узналъ бы въ нихъ знакомый украинскій типъ въ благороднѣйшихъ его формахъ.

Въ настоящее время, располагая громаднымъ церковно-архитектурнымъ матеріаломъ нашей харьковской старины, имѣющимся въ Епархіальномъ Церковно-Археологическомъ Музеѣ, мы имѣемъ полную возможность опредѣлить древнѣйшій типъ нашихъ „черкасскихъ“ деревянныхъ храмовъ и уяснить себѣ его отношеніе къ установившемуся типу западной Малороссіи.

Правда, ни одинъ изъ первоначальныхъ сельскихъ храмовъ, устроенныхъ черкасами въ XVII в., не дошелъ до насъ. Не дошли до насъ ни планы, ни снимки ихъ.

Изъ городовъ Харьковскаго края сохранился древнѣйшій видъ только одного Харькова на планѣ Харьковскаго Намѣстничества 1787 года: здѣсь имѣются миниатюрныя рисунки существовавшихъ тогда въ Харьковѣ храмовъ. Но изъ нихъ въ это время сохранилась отъ XVII в. только одна Благовѣщенская церковь на торговомъ Подолѣ Харькова. Она была построена около 1655 года и стояла въ своемъ первоначальномъ видѣ до 1789 года, когда вмѣсто первоначальнаго была заложена новая каменная, освященная въ 1794 году. Благовѣщенская первая церковь была однопре-

стольная и деревянная: на картинѣ города Харькова она изображена трехглавою по продольной линіи съ востока на западъ: средній корпусъ церкви состоялъ изъ трехъ, кверху суживающихся, квадратныхъ срубовъ, увѣнчанныхъ шатровымъ съ перехватомъ у основанія куполомъ. Два сосѣднихъ купола были ниже и уже. Колокольная церковь была также деревянная, рубленая. вмѣсто ограды церковь была обнесена тыномъ ¹⁾.

Но преданія и довольно точныя описанія первоначальныхъ черкасскихъ храмовъ нашего края сохранились въ извѣстномъ трудѣ Архіеп. Филарета: „Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи“.

Самою первобытною деревянною церковью отмѣчена Архіеп. Филаретомъ въ сл. Котельвѣ, Ахт. у., нѣкогда бывшая здѣсь—Покровская. Она имѣла видъ молитвеннаго дома, находилась вблизи луга на Пескахъ, неподалеку отъ Ворскловаго потока, называемаго „Рубижне“, построена была большею частью изъ ольховаго дерева и покрыта камышемъ; надъ алтаремъ былъ небольшой шпиль съ малымъ крестомъ. Это была первая церковь съ начала населенія Котельвы. Слѣдовъ, гдѣ стоялъ этотъ деревянный храмъ, нынѣ уже нѣтъ.

Этотъ примитивный типъ храмовъ встрѣчался въ древности въ западной Малороссіи. Точно такой же храмъ сохранился до послѣдняго времени въ селѣ Старо-Шарково, Дисненскаго уѣзда, Виленской губерніи. Устроенъ онъ былъ въ 1639 году: характерную особенность въ немъ составляла маленькая фронтальная на столбахъ открытая звонница надъ закрытою папертью и внутри—хоры въ трапезной части въ видѣ открытаго балкона ²⁾.

Къ этому типу принадлежала также, по свидѣтельству Архіеп. Филарета, первоначальная Покровская церковь въ сл. Межиричѣ, Лебед. у.: она была лубяная и построена была прежде всѣхъ другихъ въ Межиричѣ.

Дальнѣйшую ступень въ развитіи этого типа составляли наши первоначальные деревянные храмы, соединявшіе въ себѣ планъ дома съ куполомъ. Они приспособлялись въ

¹⁾ Е. К. Рѣдинъ. Матеріалы къ изученію церковныхъ древностей Украины. Церкви города Харькова. Харьковъ. 1905 г., стр. 46—47.

²⁾ Извѣстія Импер. Археол. Комиссіи. Вып. 20. Спб. 1908 г., с. 3—5.

тревожное время татарскихъ нашествій къ боевымъ цѣлямъ. Такъ, первый деревянный храмъ въ сл. Савинцахъ, Изюмск. у., въ XVII в. во имя Успенія Богоматери стоялъ въ крѣпости и устроенъ былъ примѣнительно къ опасностямъ военнымъ. Онъ сдѣланъ былъ въ видѣ дома съ узкими окнами, съ потолкомъ жилого зданія, съ куполомъ надъ алтаремъ и съ гонтовою крышею. Ограда же около церкви была обширная, состояла изъ часто поставленныхъ остроконечныхъ деревьевъ весьма значительной вышины. По угламъ ограды сдѣланы были башни; со внѣшней стороны ограда окопана была рвомъ, а по насыпи рва стояли рогатки; внутри ограды устроенъ былъ погребъ для храненія пороха.

Все это называлось городкомъ, куда, во время тревоги, жители уходили для безопасности.

Крѣпостной характеръ имѣлъ первоначальный храмъ и въ сл. Верхней Дуванкѣ, Купянск. у., во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Храмъ былъ обнесенъ высокимъ валомъ въ видѣ крѣпости, и въ окопѣ находилась высокая башня. Эта послѣдняя служила и наблюдательнымъ и оборонительнымъ пунктомъ противъ татаръ, которые, производя грабежи по разнымъ мѣстамъ, обыкновенно по условленнымъ знакамъ въ видѣ поднятія на высокомъ мѣстѣ фонаря,—на курганѣ доселѣ называемомъ караульнымъ, сходились къ рѣкѣ Дуванкѣ для дѣлежа своихъ промысловъ, отъ чего и произошло татарское названіе рѣки (дуванить-дѣлить). Такой же характеръ имѣлъ и Предтеченскій храмъ въ с. Мѣловаткѣ, Куп. у. По мѣстной памяти онъ былъ деревянный, но уже съ тремя главами, вмѣсто ограды былъ обнесенъ высокими остроконечными надолбами, а по угламъ укрѣпленія были раскаты, на которыхъ стояли желѣзные пушки.

Наиболѣе интересныя архитектурныя свѣдѣнія Архіеп. Филаретъ сообщаетъ о первыхъ деревянныхъ храмахъ древнѣйшей въ краѣ сл. Котельвы, Ахтыр. уѣзда.

Такъ, первый здѣсь Троицкій храмъ, послѣ котораго нынѣ существующій есть уже четвертый, существовалъ не болѣе 12 лѣтъ, былъ построенъ въ видѣ небольшой храмины съ небольшимъ куполомъ объ одной главѣ, покрытъ былъ соломой и сгорѣлъ отъ происшедшаго вблизи его пожара. На мѣстѣ его въ 1632 году былъ устроенъ другой. Этотъ былъ

также деревянный, небольшой низенькій, съ однимъ престоломъ, но уже о трехъ главахъ, покрытъ гонтою. Онъ просуществовалъ до 1783 г. Первоначальный Преображенскій храмъ здѣсь — деревянный — былъ съ однимъ престоломъ, съ тремя главами, съ гонтовою крышею, небольшой и низенькій. Архитектурную особенность его составляли крытые переходы вокругъ храма — „опасаніе“. Храмъ этотъ стоялъ до 1780 г. и пришелъ въ такую ветхость, что когда нужно было разбирать его, то никто не рѣшался, изъ опасенія за жизнь, взлѣзть наверхъ, а потому среднюю главу или куполь, зацѣпивши канатомъ, свалили на землю. Также и первоначальный Николаевскій храмъ въ Котельвѣ и во второй постройкѣ Покровскій — были деревянные, небольшие, крытые гонтою и съ „опасаніемъ“ вокругъ. Это „опасаніе“ въ то время, очевидно, было обычною архитектурною принадлежностію нашихъ первоначальныхъ храмовъ. Не только оно было въ Котелевскихъ храмахъ. По свидѣтельству Архіеп. Филарета съ „опасаніемъ“ былъ устроенъ и первый храмъ во имя Рождества Богородицы въ сл. Михайловкѣ, Лебед. у.

Уже по этимъ краткимъ описаніямъ первыхъ нашихъ церквей, даннымъ Архіеп. Филаретомъ на основаніи устныхъ преданій, видно, что первобытный типъ ихъ былъ чисто украинскій. Мы узнаемъ въ нихъ всѣ характернѣйшія черты этого типа. Хотя храмы эти не дошли до насъ, но подобные имъ сохранились и уже изучены въ Западной Малороссіи. Кромѣ этого первообразы эти со всею точностію отразились въ позднѣйшихъ воспроизведеніяхъ: въ деревянныхъ храмахъ нашего края XVIII в., дошедшихъ до насъ. Какъ домовидные храмы воспроизводили подобные храмы Виленской губерніи, такъ и храмы однокупольные и трехкупольные съ „опасаніями“ вполне напоминаютъ намъ такіе же современные храмы Подоліи и Кіевщины. Такъ какъ первые Котелевскіе храмы — трехкупольные — были низенькіе, то, очевидно, они были односрубные — типа Георгіевской церкви въ Старыхъ Хуторахъ г. Винницы, Подольской губерніи, т. е. широкіе, приземистые о трехъ односрубныхъ и осмигранныхъ корпусахъ, съ болѣе высокимъ среднимъ, съ широкими осмигранными куполами и луковичными главами и съ „опасаніемъ“ вокругъ ¹⁾. Первоначальные же у насъ

¹⁾ Древности Украины. Кіевъ. 1905 г., таб. VI, рис. 2.

домовидные храмы съ куполами становятся вполне понятными по тѣмъ немногимъ храмамъ этого рода, которые отъ XVIII в. дошли до нашихъ дней.

Къ числу памятниковъ этого рода надобно отнести еще существующій Воскресенскій храмъ села Хорошева, Харьковскаго уѣзда. Зданіе этого храма устроено въ 1776 году стараніемъ прихожанъ. Первоначальный же храмъ здѣсь былъ уже въ 1696 году. Намъ неизвѣстно, воспроизводитъ ли нынѣшній храмъ видъ первоначальнаго, или же этотъ послѣдній былъ другого типа. Во всякомъ случаѣ оригинальное устройство настоящаго храма говоритъ за глубокую древность его архитектурнаго типа. Это продолговатое квадратное зданіе, имѣющее видъ дома съ двускатной крышей и съ двумя боковыми низенькими крытыми крыльцами. Снаружи посрединѣ на крышѣ сдѣланъ небольшой глухой четырехугольный фонарь съ четырехгранной приплюснутой крышей и поверхъ его на небольшой главкѣ четырехконечный крестъ. Надъ алтаремъ же на концѣ крыши — небольшой крестъ на главкѣ. Оригинальную особенность этого примитивнаго зданія составляетъ колокольня, пристроенная къ нему спереди. Она состоитъ изъ двухъ срубовъ: нижній четырехугольный въ вышину храма, но нѣсколько уже его, а на немъ верхній осьмигранный съ широкими квадратными отверстіями на четырехъ сторонахъ для колокольнаго звона. Эта колокольня покрыта красивымъ невысокимъ осьмиграннымъ куполомъ съ легкимъ перехватомъ у основанія, а поверхъ купола на осьмигранной шейкѣ луковичная глава съ крестомъ. Церковная палертъ предъ колокольней покрыта фронтальнымъ навѣсомъ на двухъ колоннахъ. Все зданіе храма ошелевано и крыто желѣзомъ.

Дальнѣйшее видоизмѣненіе этого типа составляли въ нашемъ краѣ продолговатые храмы съ куполомъ посрединѣ. Древнѣйшими памятниками этого рода являются дошедшій до насъ храмъ с. Борового, Зміевскаго уѣзда, и извѣстные намъ по снимкамъ храмы: Архангело-Михайловскій заштатнаго города Бѣлополя и Борисоглѣбскій села Водяного, Зміевск. уѣзда, — оба уже теперь не существующіе. Конструкція этихъ двухъ послѣднихъ примитивнѣе перваго.

Существовавшій до 1905 года и въ этомъ году разобранный въ с. Водяномъ Борисоглѣбскій храмъ былъ устроенъ

въ глубокой древности. Первый храмъ здѣсь значитъ съ 1700 года. Недавно разобранный представлялъ собою центральный квадратный срубъ въ 12 арш. ширины на каждой сторонѣ и въ 24 арш. высоты съ четырехграннымъ куполомъ въ 8 арш. высоты со слабымъ перехватомъ у основанія, поверхъ котораго утверждался осьмигранный глухой невысокій фонарь съ маленькой круглой главкой и крестомъ. Съ запада и востока къ нему примыкали пристройки для притвора и алтаря въ 12 арш. длины, въ 10 арш. ширины и въ 12 арш. высоты подъ двускатной крышей. Зданіе было рублено изъ прекраснаго дубоваго лѣса, снаружи покрыто шелевкой, а крыша и куполъ желѣзомъ. Боковыя крыльца были открытыя, а паперть съ западной стороны имѣла фронтальный навѣсъ. Внутри храмъ освѣщался двумя простыми окнами притвора, тремя алтаря и шестью невысокими, но широкими окнами средняго сруба. Западная и восточная стѣны этого послѣдняго для соединенія съ притворомъ и алтаремъ были прорублены арками въ видѣ квадрата съ усѣченными верхними углами. Внутри куполъ былъ сведенъ въ видѣ пирамиды съ верхнимъ усѣченіемъ подъ фонаремъ, потолки же въ притворѣ и алтарѣ были выведены коробовыми сводами. Внѣшнее устройство зданія въ общемъ соотвѣтствовало внутренней конструкціи.

Описанный нами храмъ чрезвычайно напоминаетъ типъ, нѣкогда распространенный въ Подоліи. Тамъ изъ числа подобныхъ храмовъ сохранилось три: одинъ въ с. Должкѣ, Ямпольскаго уѣзда ¹⁾, другой въ с. Залучѣ - Черченскомъ, Каменецкаго уѣзда, а третій въ с. Княжполь, того-же уѣзда, всѣ три съ „опасаніями“ кругомъ ²⁾.

Къ этому типу приближался и разобранный въ 1909 г. въ г. Бѣлопольѣ Архангело - Михайловскій храмъ. Судя по сохранившимся его снимкамъ, его первобытный видъ былъ въ послѣднее время измѣненъ удлиненіемъ притвора и надстройкой надъ нимъ колокольни, а также пристройкой съ западной, сѣверной и южной стороны четырехколонныхъ фронтоновъ. Однако, изъ этихъ позднѣйшихъ пристроекъ,

¹⁾ См. Прот. Е. Сѣцинскаго. Исчезающій типъ деревянныхъ церквей Подоліи. Каменецъ-Подольскъ. 1904 г., стр. 24.

²⁾ См. Г. Павлуцкаго. Древности Украины. Кіевъ, 1905 г., стр. 16 и 17.

со всею ясностію выступаетъ первоначальный видъ храма. Онъ былъ деревянный, построенъ въ 1779 году по благословенію Кирилла, епископа Сѣвскаго. Мѣсто, гдѣ стоялъ онъ, называется въ народѣ Старосельемъ, потому что преимущественно на этомъ мѣстѣ селились первые выходцы изъ-за Днѣпра. Храмъ, вѣроятно, воспроизводилъ видъ того, который былъ здѣсь устроенъ первыми поселенцами. Онъ представлялъ собою центральный высокій и симметричный срубъ, покрытый пирамидальною крышею, съ запада и востока къ нему имѣлись пристройки, на половину ниже и уже средняго, съ трехсторонними крышами. Особенность его составляли три главы, двѣ на пристройкахъ и одна на главномъ срубѣ. Онѣ одинаковаго устройства: каждая состояла изъ нижняго широкаго и круглаго фонаря съ перехватнымъ куполомъ и верхняго такого же фонаря, но болѣе узкаго, который переходилъ куполомъ своимъ въ маленькую главу съ крестомъ. Получились формы зданія совершенно простой конструкціи, но чрезвычайно гармоничной, легкой и изящной въ своихъ двухъярусныхъ высокихъ трехъ главкахъ.

Къ этой группѣ храмовъ надобно отнести сохранявшійся до 1905 года, а въ этомъ году разобранный, Христо-Рождественскій храмъ въ селѣ Боровомъ, Зміевскаго уѣзда. Онъ былъ устроенъ въ 1782 году стараніемъ прихожанъ изъ пластинъ дубоваго лѣса. Несмотря на то, что село Боровое изначала было заселено великороссійскими выходцами, тѣмъ не менѣе мѣстный украинскій духъ сказался здѣсь въ устройствѣ этого характернаго черкаскаго храма. Онъ по плану своему представлялъ узкое продолговатое зданіе съ двухъярусной четырехугольной башней съ западной стороны, съ двухсрубной уступчатою купольною башней посрединѣ и съ алтарною абсидой съ востока. Средняя храмовая башня имѣла видъ стройнаго осьмиугольнаго сруба въ 10 арш. по діаметру осьмиугольника и въ 12 арш. высоты. Срубъ переходилъ въ шатровый осьмиугольный сводъ, на которомъ былъ поставленъ второй срубъ въ 3 арш. высоты и также осьмиугольный; онъ завершался осмиграннымъ куполомъ въ видѣ пирамиды въ 3 арш. высоты, надъ которымъ устроенъ высокій глухой круглый фонарь съ крышкою, главой и крестомъ. Вся высота средней башни, кончая

крестомъ, равнялась 28 арш. Верхній срубъ внутри освѣщался четырьмя окнами, а нижній двумя двойными окнами съ сѣвера и юга. Крыльца боковыя и западныя—были безъ навѣсовъ. Двумя прорубленными арками этотъ срубъ соединялся съ алтаремъ и трапезной частью. Алтарь и трапеза сдѣланы были въ половину высоты нижняго сруба и значительно уже его. Весь храмъ снаружи ошелеванъ и покрытъ желѣзомъ. Длина всего зданія отъ алтарной стѣны до паперти входной башни была 34 арш. Не смотря на значительную свою удлиненность храмъ представлялся стройнымъ и красивымъ благодаря удачно взятымъ объему и высотѣ центральной башни. Если эту послѣднюю выдѣлить отъ трапезной части и алтаря, то получится самый типичскій и при томъ самый древній видъ украинскаго храма. Въ немъ нѣтъ еще легкаго взлета вверхъ, но за то онъ простъ, симметриченъ и ясенъ въ своей двухсрубной уступчатой конструкціи.

Такимъ образомъ, изъ первоначальнаго въ нашемъ краѣ типа домовидныхъ храмовъ очень рано выступаетъ и выдѣляется особый и чрезвычайно интересный архитектурный типъ храмовъ однокупольныхъ, къ обзору которыхъ мы и приступимъ.

Древнѣйшимъ храмомъ этого рода былъ въ нашемъ краѣ Іоанно-Богословскій храмъ села Гомольши, Зміевскаго уѣзда, разобранный въ 1902 году и извѣстный намъ по сохранившимся снимкамъ его. Этотъ храмъ былъ устроенъ въ 1729 году Зміевскимъ Николаевскимъ монастыремъ для монастырскихъ крестьянъ, населявшихъ слободу Гомольшу. Зданіе его, рубленное изъ прекрасныхъ дубовыхъ пластинъ, отличалось чрезвычайною прочностію, почему и продержалось почти 200 лѣтъ. Храмъ представлялъ собою три наложенныхъ одинъ на другой осьмигранныхъ сруба, кверху уменьшавшихся размѣрами. Нижній представлялъ собою собственно четверугольникъ, но съ отрѣзанными углами и имѣлъ по діаметру—12 аршинъ, а въ высоту 9 аршинъ, онъ заканчивался шатровыми двухъаршинными сводами, а на нихъ утверждался второй срубъ также съ отрѣзанными углами въ 3 арш. высоты и въ 10 арш. по діаметру. Второй срубъ переходилъ въ трехъаршинный сводъ, который снаружи покрытъ былъ покатою крышею съ перехватомъ у

основанія, а на немъ высился третій, совершенно осьмигранный срубъ въ 3 арш. высоты и въ 6 арш. въ діаметрѣ, заканчивавшійся шатровымъ осьмиграннымъ сводомъ, снаружи покрытымъ покатою крышей. Поверхъ этой послѣдней устроенъ былъ осьмиугольный глухой фонарь, покрытый вогнутой крышкой съ небольшою главою въ видѣ шара и равноконечнымъ крестомъ. Высота храма кончая крестомъ доходила до 22 аршинъ. Съ востока къ прорубленной аркѣ нижняго сруба придѣланъ былъ четырехугольный съ отрѣзанными углами алтарь въ 6 арш. высоты и длины и въ 8 аршинъ ширины съ пятигранной шатровой крышей, а съ западной такой же притворъ съ папертью, крытой сквознымъ фронтальнымъ навѣсомъ. Съ сѣверной же и южной сторонъ имѣлись закрытыя крыльца въ 4 арш. длины и въ 3 арш. высоты и ширины съ двускатными крышами. Длина всего зданія отъ востока къ западу равнялась 20 аршинамъ. При такой конструкціи въ храмѣ преобладала высота: срубы представлялись монументальными: они не столь высоки, сколько широки по объему своему, хотя не производили впечатлѣнія грузныхъ. Во всемъ зданіи чувствовалась красивая симметричность и спокойствіе линій. Сухость покатыхъ линій крышъ перваго и третьяго срубовъ оживлялась мягкой волнистою линіей крыши втораго сруба. Въ послѣднее время крыши храма были покрыты желѣзомъ, первоначально же были онѣ гонтовныя, а весь корпусъ зданія былъ обшелеванъ съ узкими вертикальными гранями. Наружному виду храма вполне соответствовало внутреннее устройство: вся красота его заключалась въ трехъярусныхъ осьмигранныхъ сводахъ, спокойно поднимавшихся съ осьмигранными срубами вверхъ. Въ этомъ храмѣ обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе пристроекъ съ сѣвера и юга, подобныхъ алтарной и трапезной, вслѣдствіе чего храмъ по плану своему не имѣетъ крестообразной формы. Другою характерною его особенностію является малая высота его срубовъ, но значительный объемъ ихъ, превосходящій высоту въ два и въ три раза. Типъ Гомольшанскаго храма довольно рѣдкій въ нашемъ краѣ: такъ строились здѣсь нѣкоторые храмы въ самое первое время черкасскихъ поселеній. Однако онъ не сдѣлался излюбленнымъ: его скоро потомъ оставляютъ, и только сохранившійся Гомольшанскій храмъ донесъ до нашихъ дней

образъ одного изъ первобытнѣйшихъ черкасскихъ храмовъ. Чаще всего тогда строили однокупольные храмы въ нѣсколько видоизмѣненномъ видѣ сравнительно съ Гомольшанскимъ.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи этотъ типъ проходитъ нѣсколько ступеней, эволюцію которыхъ интересно отмѣтить въ цѣломъ рядѣ извѣстныхъ намъ памятниковъ этого рода. Прежде всего Гомольшанскій типъ видоизмѣнился въ форму крестообразныхъ однокупольныхъ храмовъ. Къ этому разряду мы должны отнести храмы: Рождество-Богородичный села Ковяговъ, Валковскаго уѣзда, Георгіевскій г. Ахтырки, Успенскій сл. Дементѣевки, Харьк. уѣзда, существующіе и теперь, и разобранные въ недавнее время: Василювскій храмъ села Солдатскаго, Богодуховск. уѣзда, Варваринскій с. Варваровки, Волч. у., Успенскій с. Коробочки, Зміев. у. и нѣкоторые другіе. Въ однихъ изъ этихъ храмовъ сохранялся еще широкій объемъ низкихъ срубовъ, какъ въ Гомольшанскомъ, въ другихъ же мы усматриваемъ тенденцію сузить ихъ и болѣе вытянуть вверхъ. Типъ перваго рода дошелъ до нашихъ дней въ Георгіевскомъ Ахтырскомъ храмѣ. По плану своему этотъ храмъ представляетъ равноконечный крестъ съ срединнымъ высокимъ четырехугольнымъ срубомъ, къ которому со всѣхъ четырехъ сторонъ примыкаютъ такой же высоты, но немного уже четырехугольныя пристройки съ двухскатными крышами: внутри пристройки соединяются съ храмомъ посредствомъ прорубленныхъ въ среднемъ срубѣ арокъ. На среднемъ срубѣ храма утверждается осьмигранникъ съ діаметромъ вдвое большимъ, чѣмъ его высота, покрытый невысокимъ шатровымъ осьмиграннымъ куполомъ, который переходитъ въ новый осьмерикъ, вдвое меньшій чѣмъ нижній, но также вдвое шире противъ своей высоты. Этотъ второй осьмерикъ, покрытый низкимъ шатровымъ куполомъ, вновь переходитъ въ невысокій осьмигранный глухой фонарь, на которомъ возвышается глава съ четырехконечнымъ крестомъ. Въ этой конструкціи интересенъ переходъ четырехугольнаго основанія въ осьмерикъ. Это достигается посредствомъ трехъ угольниковъ, нижній конецъ которыхъ, представляющій острый уголъ, лежитъ между двумя стѣнами сруба, въ точкѣ на линіи ихъ соединенія; другіе два угла каждаго изъ трехъ угольниковъ оканчиваются тамъ, гдѣ лежитъ ниж-

няя часть осьмерика. Снаружи эти выступающіе подъ осьмерикомъ углы нижняго сруба покрыты ребровидною крышей. Въ устройствѣ этого храма явно выступаетъ объемистая массивность основнаго сруба съ четырьмя пристройками и перваго осьмерика, которая, однако, смягчается симметричнымъ соотношеніемъ къ нимъ втораго осьмерика и фонаря съ умѣренно вытянутой главой и крестомъ. И въ этой конструкціи чрезвычайно удачно взяты ширина срубовъ и ихъ высота въ той именно пропорціи, какая необходима для сообщенія всему зданію спокойной простоты и величія. Нѣчто новое и своеобразно-красивое мы усматриваемъ въ храмахъ другаго рода, прототипомъ которыхъ можно считать упомянутый храмъ села Ковяговъ.

Въ роскошной лѣсистой мѣстности на холмахъ, прорѣзанныхъ глубокими балками, привольно раскинулось село Ковяги: оно все утопаетъ въ богатыхъ садахъ. Здѣсь на одномъ изъ холмовъ среди густолиственныхъ липъ и стройныхъ ясеней высится изящное зданіе стариннаго храма, теперь уже упраздненнаго. Выстроенъ онъ во имя Рождества Богородицы въ 1732 году и является теперь самымъ древнѣйшимъ въ нашемъ краѣ. Онъ срубленъ изъ толстыхъ дубовыхъ пластинъ. По плану своему онъ представляетъ правильный равноконечный крестъ въ 23 аршина между концами перекрестій. Средину его составляетъ трехъярусная башня, кверху постепенно суживающаяся. Основной нижній срубъ, какъ и два верхніе,—квадратный съ отрѣзанными углами. Нижній срубъ имѣетъ въ діаметрѣ 9 аршинъ, а въ вышину 8 аршинъ. Прорубленными арками въ каждой своей сторонѣ онъ соединяется съ квадратными пристройками такой же высоты, снаружи крытыми двускатными крышами, а внутри съ плоскими потолками. Западная пристройка имѣетъ надъ папертью фронтальный навѣсъ на четырехъ колоннахъ. Нижній срубъ переходитъ въ шатровыя трехъярусные своды о восьми граняхъ, а на нихъ утверждены второй срубъ въ 4 аршина высоты и въ 6 аршинъ въ діаметрѣ. Шатровый куполъ его въ 4 арш. высоты старужи имѣетъ крышу съ мягкимъ перехватомъ у основанія. Поверхъ этого купола возвышается третій срубъ въ 3 арш. высоты и столько же въ діаметрѣ. Онъ покрытъ куполомъ въ 1½ арш. высоты съ перехватомъ, на которомъ насажена какъ бы остроконечная крыша съ шаромъ и высокимъ чет-

вероконечнымъ крестомъ. Вся высота зданія съ крестомъ равняется 25 аршинамъ. Къ западнымъ пристройкамъ придѣланы съ двускатными крышами продолговатыя крыльца въ 6 арш. длины и 4—вышины. Храмъ снаружи обшелеванъ и крытъ желѣзомъ: первоначально же былъ крытъ гонтой. Освѣщается онъ 9 окнами нижнихъ пристроекъ, четыремя второго сруба и четыремя третьяго. Внутри онъ свѣтелъ, суживающіеся высокіе своды легко и высоко поднимаютъ два верхнихъ сруба. Все зданіе этого храма при умѣренной высотѣ перваго этажа бросается въ глаза стройною вытянутостью верхнихъ своихъ частей. Выше и круче обыкновеннаго поднимаются своды надъ первымъ срубомъ, обозначается легкое преобладаніе высоты надъ объемомъ во второмъ срубѣ, выше и прямѣе поднимаются своды надъ этимъ срубомъ, и еще рельефнѣе вздымается въ высоту третій срубъ съ двумя своими куполами, увѣнчанный крестомъ въ 2¹/₂ аршина высоты. Это устремленіе вверхъ башни храма удивительно гармонируетъ съ нижними крестообразными пристройками, которыя своими размѣрами не только не ослабляютъ, а, наоборотъ, выдѣляютъ высоту ея. Низкія же удлиненныя крыльца съ сѣвера и юга придаютъ храму красивую фундаментную широту. Нельзя не поражаться удивительно мѣткому перспективному глазомѣру строителей этого простого и изящнаго зданія.

Стремленіе сузить и вытянуть вверхъ зданіе однокупольнаго украинскаго храма еще болѣе замѣтно въ рядѣ другихъ дошедшихъ до насъ памятниковъ этого рода. Весьма похожъ на Ковяговскій храмъ размѣрами, конструкціей и линіями крышъ деревянный Николаевскій храмъ подгороднаго села Замостья, Зміевскаго уѣзда. Онъ выстроенъ въ 1793 году и теперь предназначенъ къ упраздненію за построеніемъ здѣсь новаго каменнаго храма. Такъ же какъ и Ковяговскій, онъ крестообразенъ, башня его о трехъ насаженныхъ одинъ на другой квадратныхъ срубахъ съ отсѣченными углами съ первой шатровой крышей и съ двумя верхними перехватными. Такое же, какъ и въ Ковяговскомъ, и здѣсь двухъярусное покрытие самого верхняго сруба. Въ отличіе же отъ Ковяговскаго здѣсь крестообразныя пристройки сдѣланы не въ высоту нижняго сруба, а гораздо ниже. Черезъ это храмъ болѣе подымается вверхъ и представляется еще стройнѣе и тоньше, чѣмъ Ковяговскій.

Такой же архитектурной идеей проникнуть и храмъ во имя Св. Николая въ селѣ Грунь, Лебединскаго уѣзда. Онъ построенъ въ 1782 году иждивеніемъ бригадира Александра Коробовскаго, извѣстнаго попечителя Михайловской пустыни. Это—одинъ изъ изящнѣйшихъ старинныхъ храмовъ нашего края. При немъ сохранилась въ первоначальномъ своемъ видѣ и колокольня—типичный образецъ лучшихъ нашихъ древнихъ звонницъ. Храмъ представляетъ собою башню изъ трехъ наставленных одинъ на другой и все болѣе суженныхъ четырехугольныхъ срубовъ со срѣзанными углами, при чемъ самый верхній изъ нихъ по своимъ геометрическимъ пропорціямъ превращается въ высокій и правильный осьмигранникъ. Первый нижній срубъ храма характеренъ тѣмъ, что едва замѣтно суживается къверху, имѣя у основанія по діаметру 9 аршинъ, а вверху—8 арш., вся же высота его равняется 10 аршинамъ. Сравнительно съ предыдущими описанными храмами въ этомъ первый срубъ наиболѣе приподнять, что бросается въ глаза при перспективномъ обзорѣ его сравнительно съ общей высотой всего храма въ 26 аршинъ. Этотъ срубъ имѣетъ совершенно простую конструкцію, бока всѣхъ сторонъ его совершенно ровные и гладкіе: вверху переходитъ въ двухъярусные шатровые своды, снаружи покрытые плоскою крышею. Съ востока придѣланъ алтарь въ 7 аршинъ высоты съ двухъяруснымъ куполомъ, какъ на средней башнѣ. Съ западной стороны срубъ соединяется съ колокольней, а съ трехъ остальныхъ онъ имѣетъ небольшія пристройки въ 5 арш. высоты съ крышею и въ 4 длины: крыша на нихъ волнистая трехскатная, но съ выходной стороны съ обѣмъ верхняго угла; эта оригинальная форма покрытій пристроекъ оживляетъ скучныя ровныя линіи основного сруба. Надъ сводами его на высотѣ 12 аршинъ отъ основанія утверждается второй срубъ въ 3 аршина высоты и 5 аршинъ въ діаметрѣ. Шатровые своды его снаружи покрыты приплюснутой крышею съ перехватами. Но за то далѣе уже возвышается правильный осьмигранникъ третьяго сруба въ 2 аршина въ діаметрѣ и въ 2½ аршина высоты съ рѣзко вытянутымъ на 2 аршина куполомъ, снаружи покрытымъ луковицеобразной крышею съ перехватомъ у основанія и съ широкимъ карнизомъ наверху. Зданіе заканчивается высокимъ и узкимъ глухимъ

фонаремъ съ луковичной заостренной главой въ видѣ славянскаго шлема и съ высокимъ четвероконечнымъ крестомъ въ сіяніи. Внутренній видъ храма совершенно соотвѣтствуетъ наружной его конструкціи. Во всѣхъ его частяхъ высота преобладаетъ надъ шириной и объемомъ, не переходя однако въ сдавленность. Пропорціи объема и высоты и здѣсь взяты весьма удачно. Три боковыя его пристройки своими малыми размѣрами не ослабляютъ высоты главнаго сруба. Весь храмъ въ цѣломъ производитъ впечатлѣніе легкаго и граціознаго зданія.

Насколько удачно сказывалось чувство симметріи и легкости въ устройствѣ такихъ храмовъ при измѣненныхъ размѣрахъ,—это показываютъ прекрасные два храма, сохранившіеся до нашихъ дней въ селѣ Лиманѣ, Зміевскаго у. Лиманъ—былъ заселенъ черкасами уже въ половинѣ XVII в. и превращенъ въ укрѣпленный городокъ, съ успѣхомъ отбивавшійся отъ татарскихъ набѣговъ и, какъ таковой, извѣстный уже съ 1660 года. Изъ трехъ первоначальныхъ храмовъ теперь имѣются два: Арх.-Михайловскій, устроенный въ 1798 году, и Крестовоздвиженскій, устроенный въ 1806 г. въ видѣ точной копіи съ перваго. При нихъ сохранились и отдѣльныя колокольни. Это—образцовые памятники украинскаго зодчества, настолько они безподобны по стройности, легкости и красотѣ своей архитектуры.

Остановимъ свое вниманіе на Крестовоздвиженскомъ храмѣ. Онъ представляетъ собою однокупольную башню, граціозно подымающуюся вверхъ своими четыремя постепенно уменьшающимися срубами. Эти послѣдніе всѣ четырехъ-угольные съ обсѣченными углами: высота каждаго изъ нихъ едва замѣтно преобладаетъ надъ шириной. Своды перваго и третьяго крыты покатой крышей, втораго перехватной, самого верхняго глухого осьмигранника—приплюснутой съ луковичной главой и высокимъ четвероконечнымъ крестомъ съ изящными короткими перекрестьями на перекрестьяхъ. По своей конструкціи онъ представляетъ средину между Ковяговскимъ и Груньскимъ типами, какъ будто взявъ отъ нихъ все лучшее. Онъ уже, выше и стройнѣе Ковяговскаго, но зато въ раздѣлкѣ перваго своего сруба онъ богаче Груньскаго. Къ прорубленнымъ аркамъ этого сруба со всѣхъ четырехъ сторонъ придѣланы четырехугольныя и также съ обсѣченными углами пристройки почти во всю ширину боковъ сруба, но

въ $\frac{3}{4}$ высоты его, выступающія изъ сруба на умѣренную длину. Трехскатныя крыши этихъ пристроекъ имѣютъ обѣски верхнихъ своихъ угловъ и скаты на боковые обѣски. Съ трехъ сторонъ къ этимъ пристройкамъ придѣланы крыльца съ фронтальными навѣсами.

Такимъ образомъ, эти пристройки не столь высоки, какъ въ Ковяговскомъ, но и не столь низки и длины, какъ въ Груньскомъ. При такой пропорціи частей храмъ получаетъ трудно передаваемую словами красоту и игрушечную легкость цѣлаго. Архитектурное впечатлѣніе здѣсь усиливается высокими рѣшетчатыми окнами на широкихъ бокахъ осьмериковъ и пристроекъ. Все въ конструкціи этого храма просто, нѣтъ раздражающихъ деталей, одна красота линій и спокойное устремленіе вверхъ. Этотъ типъ храмовъ сдѣлался въ Донецкомъ районѣ нашего края господствующимъ и легъ здѣсь въ основу трехкупольныхъ и пятикупольныхъ храмовъ. Сравнивая Лиманскій типъ съ древнѣйшими однокупольными храмами нашего края, мы должны придти къ заключенію, что строители вырабатывали его типъ медленно, въ рядѣ опытовъ устраняя изъ первыхъ низкихъ, широкихъ и объемистыхъ храмовъ грузную приземистость и виртуозно разрабатывая систему уменьшающихся срубовъ съ простыми и перехватными крышами въ изящную легкость къ небу подымающейся башни. Къ этой группѣ храмовъ надобно отнести храмы: Троицкій села Михайловки, Зміев. у., въ которомъ своды всѣхъ четырехъ срубовъ покрыты покатыми крышами, такой же Николаевскій сл. Цареборисовой, Изюм. у. и Рождество-Богородичный той же слободы, въ которомъ верхніе три сруба представляютъ собою правильные осьмигранники съ вогнутыми крышами, придавая храму круглый видъ. Своеобразное явленіе въ числѣ подобныхъ храмовъ представляетъ Николаевскій храмъ города Лебедина, одинъ изъ древнѣйшихъ сохранившихся до нашихъ дней.

Первоначально онъ былъ построенъ въ концѣ XVII в. изъ колотаго, а не распиленнаго, лѣса, какъ это видно еще и теперь на стѣнахъ храма. Въ 1761 году онъ былъ перестроенъ съ сохраненіемъ его прежняго вида, но съ измѣненіемъ формы крышъ верхнихъ его частей.

По типу своему этотъ храмъ крестообразный. Въ центрѣ креста поставленъ очень высокій, равносторонній, четырехъ-

угольный срубъ въ 22 арш. высоты и въ 10 арш. на каждой сторонѣ, къ которому чрезъ прорубленныя арки примыкають со всѣхъ четырехъ сторонъ четырехугольныя пристройки съ широко обсѣченными углами въ 11, а съ крышей 15 аршинъ высоты, въ 8 аршинъ ширины и глубины. Срубъ переходитъ въ шатровые трехъаршинные своды, снаружи крытые покатыми крышами: на нихъ утверждается второй срубъ правильной осьмигранной формы въ 5 аршинъ высоты и 7 аршинъ въ діаметрѣ. Этотъ срубъ переходитъ опять въ шатровые своды въ 3 аршинъ высоты. Эти своды снаружи покрыты осьмигранной крышей съ перехватомъ у основанія, при чемъ корнизъ у основанія крыши съ четырехъ сторонъ сруба выведенъ правильными арками съ круглыми окнами въ нихъ. Надъ сводами второго сруба утверждается третій, также осьмигранный въ 3 арш. высоты и въ 4 аршина въ діаметрѣ, покрытый внутри шатровыми сводами, а снаружи осьмигранной крышей съ перехватомъ у основанія. Зданіе заканчивается высокимъ и узкимъ осьмиграннымъ глухимъ фонаремъ, на который надѣта глава также осьмигранная, напоминающая форму митры съ высокимъ четвероконечнымъ крестомъ. Вся высота зданія равняется 42 аршинамъ. Это одинъ изъ самыхъ высокихъ однокупольныхъ храмовъ края. Внутренность храма освѣщается четырьмя окнами верхняго сруба, шестью—средняго, восемью большими рѣшотчатыми главнаго и 11 такими же окнами пристроекъ. Съ трехъ сторонъ, кромѣ восточной, къ пристройкамъ придѣланы закрытыя невысокія крыльца. Какъ пристройки, такъ и крыльца крыты куполообразными крышами. Снаружи храмъ до высоты пристроекъ вертикально обшелеванъ съ узкими гранями, а выше обшитъ шелевкой горизонтально.

Въ устройствѣ этого храма мы видимъ рѣзкія особенности сравнительно съ разсмотрѣнными нами выше. Такъ, здѣсь крестообразныя пристройки покрыты купольными крышами, основной срубъ чрезвычайно высокъ и четвероуголенъ, а крыша второго сруба устроена съ арками, придающими ей общій видъ купола. При всемъ этомъ крайне своеобразна также и глава вверху храма въ видѣ надѣтой на фонарь круглой шапки. Во всѣхъ этихъ особенностяхъ храма чувствуется попытка соединить общую украинскую

конструкцію храма съ системой круглыхъ купольныхъ покрытій. Подобный опытъ мы видимъ въ конструкціи каменнаго Преображенскаго храма въ г. Прилукахъ, Полтавской губерніи, устр. въ 1716 году¹⁾. Можно догадываться, что первоначальный видъ крышъ пристроекъ, второго сруба и главы былъ иной, а именно: обычный въ Украинѣ шатровой съ перехватомъ у основанія, а главы—луковицеобразный.

Мы такъ подробно описали однокупольные деревянные храмы потому, что для дальнѣйшаго развитія нашего мѣстнаго церковнаго зодчества они дали основные и самые характерные архитектурные элементы. Въ нихъ была разработана и та основная идея, которая настойчиво проводилась въ дальнѣйшихъ болѣе сложныхъ церковно-архитектурныхъ композиціяхъ. Послѣ этихъ храмовъ слѣдующею архитектурною ступеню были трехкупольные храмы, довольно распространенные у насъ въ XVII и XVIII вв.

Древнѣйшій типъ этихъ послѣднихъ дошелъ до насъ въ видѣ существующаго еще, но упраздненнаго, Покровскаго храма с. Трехъизбянска, Старобѣльскаго уѣзда. Это село на лѣвомъ берегу р. Донца уже существовало въ 1680 году и, подобно Лимаѣну Зміевскому, было укрѣпленнымъ черкасскимъ городкомъ, защищавшимъ населеніе этого района отъ татарскихъ набѣговъ. Съ того же времени существовалъ здѣсь и храмъ. Зданіе настоящаго храма устроено въ 1772 году, когда онъ былъ освященъ по благословенію Свят. Тихона Воронежскаго. Въ 1820 году необычайное разлитіе р. Донца затопило болѣе половины слободы и храмъ. Поэтому былъ поднятъ каменный фундаментъ храма, возобновленъ былъ въ немъ иконостасъ и починены другія поврежденія. Ризница и утварь древняго храма были очень бѣдны—сосуды и кресты оловянные, ризница тяжинная. Какъ всѣ трехкупольные, такъ и этотъ храмъ представляетъ собою три сруба, поставленные въ подрядъ по продольной линіи отъ запада къ востоку. По наружному виду своему онъ соединяетъ въ себѣ конструкцію храмовъ Боровскаго и Водянскаго. Посрединѣ его поставленъ четырехугольный съ обсѣченными углами срубъ въ 12 аршинъ высоты и въ 8 арш. въ діаметрѣ съ двумя широкими

¹⁾ См. И. Грабаря. Исторія русскаго искусства, т. II, стр. 407.

окнами на сѣверъ и югъ, съ трехъаршинными шатровыми сводами, снаружи покрытыми осьмитранной крышей съ слабымъ перехватомъ надъ карнизомъ. Далѣе возвышается второй срубъ также съ обсѣченными углами въ 3 арш. высоты и 6 арш. въ діаметрѣ и съ четырьмя окнами, сведенный внутри осьмигранными шатровыми сводами, а снаружи покрытый низкимъ куполомъ съ легкимъ перехватомъ у основанія. На куполѣ имѣется низкій осьмигранный фонарь съ четырьмя небольшими окнами, съ приплюснутой остроконечной крышкой, главой въ видѣ шара и четырехконечнымъ крестомъ. Вся высота средней башни съ крестомъ равняется 28 аршинамъ. Къ прорубленнымъ аркамъ этого сруба присоединены западный и восточный четырехугольные срубы, такой же высоты какъ и средній, но въ 6 аршинъ ширины и 8 арш. глубины, каждый съ двумя рѣшотчатыми большими окнами внизу и съ четырьмя небольшими вверху. Эти пристройки покрыты четырехскатными куполами съ легкимъ перехватомъ надъ карнизомъ, съ такими же фонарями, главами и крестами, какъ и на главномъ куполѣ. Высота этихъ башенъ съ крестами равняется 23 аршинамъ. Снаружи храмъ ошелеванъ горизонтально и покрытъ желѣзомъ. Внутри же стѣны выступаютъ обтесанными дубовыми пластинами. Главный срубъ имѣетъ выходы на сѣверную и южную стороны въ видѣ невысокихъ закрытыхъ притворовъ съ двускатной крышей и съ фронтальными крыльцами. Въ позднѣйшее время съ западной стороны къ нему былъ придѣланъ длинный притворъ съ колокольной. Храмъ производитъ впечатлѣніе объемистаго и монументальнаго зданія: особенно характеренъ въ немъ широкій и тяжелый второй срубъ въ средней башнѣ съ присадистымъ куполомъ.

Эту особенность соединенія центральной двухсрубной башни съ двумя боковыми односрубными мы находимъ въ интереснѣйшемъ трехкупольномъ храмѣ села Бездрика, Сумского уѣзда. Это во многихъ отношеніяхъ замѣчательный храмъ. Мы уже упоминали, какой имѣется въ немъ рѣдкостный иконостасъ. Свообразныя черты усматриваются и въ архитектурѣ его. Однако, Архіед. Филаретъ въ своемъ „Историко-статистическомъ описаніи Харьковской епархіи“ упоминаетъ только, что Арх.-Михайловскій храмъ въ этомъ селѣ извѣстенъ съ 1697 г., свѣдѣній же, какъ о самомъ

селѣ, такъ и о времени устройства и строителяхъ существующаго нынѣ храма онъ не сообщаетъ никакихъ. По мѣстному преданію, храмъ построенъ во второй половинѣ XVIII в. владѣльцемъ Бездрика помѣщикомъ Алѣферовымъ, купившимъ для него дивный иконостасъ изъ старой Арх.-Михайловской церкви Сумскаго Успенскаго монастыря. Если въ этомъ храмѣ устранить позднѣйшіе низкіе притворы съ фронтонами на западной и южной сторонахъ, то предъ нами предстанетъ храмъ въ первобытномъ видѣ половины XVIII в. Посрединѣ храма возвышается двухсрубная башня, въ которой нижній срубъ правильной четверугольной формы въ 12 аршинъ высоты и въ 10 ширины и длины. Непосредственно на немъ утверждёнъ второй срубъ такого же объема, какъ и нижній, но въ 10 арш. высоты и со срѣзанными углами. Онъ соединяется съ нижнимъ выступающимъ наружу карнизомъ, крытымъ желѣзомъ, съ ребровидными углами обѣсковъ у своего основанія. Этотъ второй срубъ покрытъ осьмиграннымъ куполомъ, вытянутымъ вверхъ на 5 аршинъ съ едва замѣтнымъ отгибомъ надъ карнизомъ. Надъ куполомъ возвышается глухой осьмигранный широкій фонарь съ таковымъ же куполомъ, а поверхъ его другой меньшій фонарь съ приплюснутой крышкой, главой и равноконечнымъ крестомъ. Къ прорубленнымъ аркамъ нижняго сруба средней башни пристроены башни западная и восточная: обѣ состоятъ изъ срубовъ равныхъ по высотѣ среднему, но немного уже его, при чемъ восточный имѣетъ угловые обѣски, и съ совершенно такими же купольными фонарями, главами и крестами, какъ и на средней. Всѣ три сруба снаружи обведены посрединѣ узкимъ карнизомъ какъ поясомъ. Храмъ внутри подъ куполами имѣетъ осьмигранные шатровые своды и обильно освѣщенъ шестью узкими и высокими аркообразными окнами верхняго сруба и девятью такими же окнами средняго и западнаго срубовъ, изъ которыхъ трое—тройныхъ. Храмъ сдѣланъ изъ рубленнаго лѣса, снаружи ошелеванъ вертикально и покрытъ желѣзомъ. По общему своему виду онъ чрезвычайно простъ и монументаленъ. Объемистость срубовъ не дѣлаетъ его тяжелымъ и грузнымъ: средняя башня властно господствуетъ надъ сосѣдними, а эти не теряются предъ высотой средней благодаря своимъ величественнымъ, спокойно подымающимся

куполамъ. Узкія аркообразныя окна, особенно тройныя, въ которыхъ среднее выше боковыхъ, надъ западнымъ порталомъ и на сѣверной и южной сторонахъ вносятъ въ стиль храма черту своеобразную, повидимому взятую изъ западно-европейской готики. Конструкція этого храма воспроизводилась въ Трехсвятительскомъ храмѣ города Лебедина, устроенномъ въ 1792 году съ высокими четырехколонными фронтонами съ трехъ сторонъ.

Къ числу древнѣйшихъ трехкупольныхъ храмовъ нашего края принадлежитъ также Николаевскій храмъ въ с. Ольшаной, Харьковскаго уѣзда. Онъ устроенъ въ 1753 г. и освященъ лично Свят. Іоасафомъ Бѣлгородскимъ. Архитектура его очень понравилась мѣстному черкасскому населенію: по образцу его былъ построенъ цѣлый рядъ храмовъ въ окрестныхъ селахъ: Гавриловкѣ, Синолицовкѣ (сохранившіеся донинѣ), Удахъ (сгорѣвшій), Люботинѣ (уже несуществующій) и др. Ольшанскій храмъ состоитъ изъ трехъ двухсрубныхъ (двухъярусныхъ) башенъ почти одинаковой высоты, но съ болѣе объемистой средней. Башни расположены вдоль по линіи съ запада на востокъ. Только нижній срубъ средней башни четырехсторонній — квадратный, всѣ же остальные срубы башенъ квадратные съ обсѣченными углами. Своды надъ первымъ ярусомъ, шатровые и осьмигранные, снаружи крытые желѣзной крышей съ легкимъ отгибомъ надъ карнизомъ. Срубы же второго яруса, сведенные также осьмигранными шатровыми сводами, покрыты снаружи широкими овальными куполами съ отгибами надъ карнизами. На куполахъ глухіе маленькіе фонари съ остроконечными покрытіями, главами на нихъ и большими четвероконечными крестами. Особенностію этого храма являются хоры, устроенные въ западной башнѣ съ внутреннимъ входомъ на нихъ. Храмъ освѣщается небольшими окнами съ четырехъ сторонъ верхнихъ срубовъ, съ двухъ сторонъ нижняго средняго и съ трехъ сторонъ крайнихъ нижнихъ срубовъ. По мѣстнымъ преданіямъ храмъ былъ покрытъ гонтой. Сравнивая этотъ храмъ съ другими подобными, можемъ видѣть, что какъ въ этихъ послѣднихъ, такъ и въ Ольшанскомъ первоначальные купола были не овалы, а вытянутые осьмигранные или покатые или же съ замѣтнымъ перехватомъ у основанія.

Переходъ отъ этого типа объемистыхъ трехкупольныхъ храмовъ въ типъ болѣе изящный мы находимъ въ Преображенскомъ храмѣ сл. Алешни, Лебединскаго уѣзда и въ Георгіевскомъ — города Лебедина.

Нынѣ существующій Преображенскій храмъ с. Алешни построенъ въ 1780 году стараніемъ священника Іосифа Бобина и избранныхъ на то лицъ отъ прихода. Стараніемъ этого же священника, который по наслѣдству владѣлъ населенными землями, храмъ покрытъ желѣзомъ. По плану своему храмъ этотъ крестообразный трехкупольный. Въ центрѣ его стоитъ башня изъ трехъ осьмигранныхъ срубовъ, изъ которыхъ первый объемомъ своимъ равенъ высотѣ, а второй нѣсколько меньше нижняго объемомъ вдвое болѣе высоты своей, третій же срубъ маленькій и невысокій. Всѣ они утверждаются на шатровыхъ осьмигранныхъ сводахъ умеренной высоты, снаружи покрытыхъ покатыми крышами. На крышѣ верхняго сруба возвышается фонарь съ остроконечной крышей и луковицеобразной главой, на коей утвержденъ высокій нарядный крестъ въ сіяніи и съ перекрестьями на перекрестьяхъ. Второй срубъ имѣетъ два окна на сѣверѣ и югѣ, а третій четыре. Къ этой башнѣ примыкаютъ сѣверная и южная четырехъугольныя пристройки во всю ширину и высоту нижняго сруба, съ двускатными крышами. Съ запада же и востока къ прорубленнымъ его аркамъ примыкаютъ двѣ башни, состоящія каждая изъ нижняго сруба съ обсѣченными углами, равнаго высотѣ и объему нижняго сруба средней башни, и увѣнчаннаго высокимъ осьмиграннымъ шатровымъ куполомъ, доходящимъ до высоты второго сруба средней башни. На куполахъ этихъ боковыхъ башенъ возвышаются маленькіе срубы, подобные третьему срубу средней башни, съ такими же фонарями, главами и крестами. Западная и восточныя башни освѣщаются каждая тремя окнами нижняго сруба и четырьмя верхняго, сѣверная же и южная пристройки тремя окнами надъ выходами. Снаружи гладкія стѣны храмы ошелеваны красивой вертикальной обшивкой съ гранями, но безъ всякихъ декоративныхъ украшеній. По общему своему виду храмъ очень характеренъ. Вся красота его въ архитектурныхъ линіяхъ, а эти послѣднія проникнуты идеей поднятія вверхъ. Въ то время какъ купола восточной и западной

башенъ сразу же отъ нижняго сруба смѣло и рѣзко вздымаются вверхъ на значительную высоту, разбившись затѣмъ на мелкія детали верхнихъ частей, средняя башня спокойно и постепенно переходитъ уступами отъ нижняго сруба къ первымъ невысокимъ сводамъ, затѣмъ къ слѣдующему срубу, отъ этого сруба къ новымъ сводамъ и т. д.

Еще болѣе смягчается это постепенное нагроможденіе срубовъ и сводовъ въ маленькомъ, но интересномъ трехкупольномъ Георгіевскомъ храмѣ г. Лебедина.

Храмъ вмуч. Георгія въ первый разъ построенъ въ Лебединѣ, вѣроятно, около 1700 года. Въ 1765 г. построенъ нынѣ существующій изъ прочныхъ дубовыхъ пластинъ. Въ 1879 году къ нему были придѣланы трапезная часть и каменная колокольня. Храмъ типичный украинскій о трехъ башняхъ по продольной линіи съ востока на западъ.

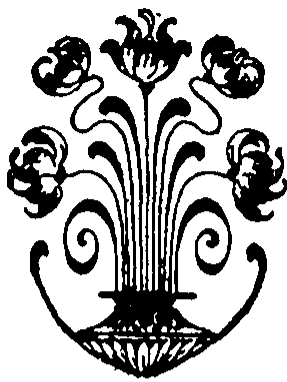
Срубы въ храмѣ осьмигранные. Нижніе срубы башенъ одинаковой высоты въ 12 арш., средній объемомъ въ 10 арш., на два аршина шире сосѣднихъ. Эти срубы переходятъ въ своды одинаковой высоты въ 3 арш. На сводахъ средняго положенъ второй срубъ въ 8 арш. въ діаметрѣ и въ 4 арш. высоты со сводами въ 5 арш. подъема, на нихъ третій срубъ въ 3 арш. высоты и такого же діаметра. На сводахъ же сосѣднихъ срубовъ устроены осьмерики въ 3 арш. высоты и діаметра. Нижніе своды покрыты снаружи покатыми крышами. На самыхъ же верхнихъ срубахъ надѣты широкіе шлемообразные купола съ перехватомъ посрединѣ, а еще выше фонари съ перехватными главами, шарами на нихъ и крестами. Внутренняя конструкція совершенно отвѣчаетъ наружной. Въ архитектурѣ храма нѣтъ рѣзкихъ переходовъ: нѣтъ здѣсь и объемистой полноты срубовъ, во всѣхъ частяхъ его симметрія и спокойное поднятіе вверхъ, только въ самыхъ верхнихъ надфонарныхъ частяхъ допущены живость и изящество изогнутыхъ линій.

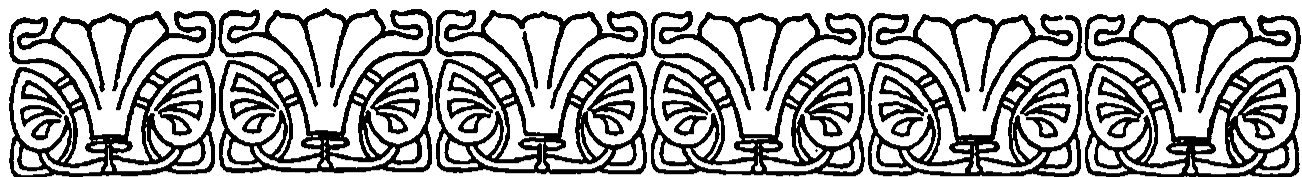
Верха своего изящества этотъ трехкупольный типъ достигъ въ нашемъ краѣ въ Св. Троицкомъ храмѣ с. Черкаскаго Бишкина, Зміевскаго уѣзда. Создатель архитектуры этого храма былъ истинный мастеръ своего дѣла, проникнутый высокимъ вдохновеніемъ съ несомнѣнными задатками творчества. Въ этомъ несравненномъ храмѣ не только под-

ведены итоги предыдущему архитектурному развитію этого типа, но и намѣчены богатые идеи дальнѣйшаго движенія украинскаго церковнаго зодчества. Вотъ почему разсмотрѣніе особенностей этого церковно-архитектурнаго памятника мы полагаемъ въ основу изученія самыхъ сложныхъ композицій, отразившихся на извѣстныхъ намъ пятикупольныхъ и девятикупольныхъ храмахъ нашего края.

Прот. П. Оминъ.

(Продолженіе будетъ).

МОРАЛЬ, ОСНОВАННАЯ НА ДЕМОГРАФИИ.

(Изложение и разборъ книги А. Дюмона. La morale basée sur la démographie).

Вопросы демографіи не просто интересуютъ, но положительно волнуютъ Францію. Рядъ литературныхъ произведеній недалекаго (сравнительно) прошлаго, трактовавшихъ о „плодородіи“ (fecundité) въ формѣ повѣстей и романовъ, смѣнила широкая научная разработка проблемы. Не говоря о специальныхъ трудахъ, *Revue scientifique*, напр. посвящаетъ ей массу статей. Правда, статистика почти всюду получила права гражданства. Съ ея успѣхами связывается не мало надеждъ у представителей діаметрально противоположныхъ отраслей человѣческаго вѣдѣнія, какъ и вообще у культурныхъ работниковъ. Наоборотъ, ея настоящее состояніе, далеко не достигшее должнаго положенія не гдѣ-нибудь еще, но въ странахъ съ вѣковой цивилизаціей, вызываетъ у тѣхъ же самыхъ лицъ не мало сожалѣній. И однако даже научное обсужденіе демографической проблемы во Франціи носитъ, если угодно, узко-національную окраску. Чувствуется, по крайней мѣрѣ, что эти вопросы не представляютъ для французовъ чисто теоретическаго интереса, но являются своего рода вопросами жизни.

Отсюда, само собою разумѣется, нѣтъ ничего страннаго и особеннаго въ попыткахъ использовать демографію для построенія системы морали, тѣмъ болѣе, что французы терминомъ „демографія“ обозначаютъ именно тотъ отдѣлъ статистики, который имѣетъ своимъ предметомъ нравственность населенія. Намѣчавшійся самъ по себѣ переходъ облегчался, благодаря наличности и разработанности на Западѣ системъ позитивной этики. Можно сказать больше. Удивительнѣе, если не ошибаемся, единичность подобнаго факта. Мы разу-

мѣемъ книгу А. Dumont'a ¹⁾ подъ заглавіемъ „La morale basée sur la démographie (Paris, 1901).

Впрочемъ, хотя названное сочиненіе Dumont'a и по содержанію и по изложенію—типичная французская книга ²⁾, а вопросы, затрогиваемые ею, имѣютъ для автора не только академическій интересъ,—однако Dumont старается дать объективное обоснованіе тѣмъ заключительнымъ положеніямъ, къ которымъ приводитъ его книга, и смотритъ на свою работу лишь какъ на методологическую, отнюдь не какъ на трактатъ по научной морали ³⁾.

Бросая бѣглый и общій взглядъ на нравственное состояніе (la moralité) современнаго человѣчества, Dumont называетъ это послѣднее періодомъ моральнаго кризиса ⁴⁾. Примѣръ родной страны позволяетъ ему констатировать постепенное паденіе авторитета традиціонныхъ моральныхъ нормъ и прозрѣвать въ недалекомъ будущемъ нравственную анархію ⁵⁾. Меньшинство французовъ, утверждаетъ Dumont, и теперь, по крайней мѣрѣ теоретически, находится „по ту сторону добра и зла“. Фактически-же въ мозгу современнаго образованнаго парижанина обычно уживаются рядомъ до 4 или 5 самыхъ разнообразныхъ нравственныхъ міровоззрѣній ⁶⁾. Сильнѣе и сильнѣе обнаруживается противорѣчіе между старой моралью и новой наукой. ⁷⁾ Прежняя мораль все болѣе и болѣе оказывается неспособной руководить новой жизнью ⁸⁾.

Вопросъ другой, въ какой мѣрѣ необходимо отмѣчаемое явленіе. ⁹⁾ Одно несомнѣнно, что эта неустойчивость въ пониманіи нашихъ нравственныхъ обязанностей служитъ источникомъ социальныхъ противорѣчій ¹⁰⁾. Равнымъ образомъ и торжество обскурантизма, согласно глубокому (поскольку настойчиво подчеркивается) убѣжденію нашего автора, стоитъ

¹⁾ Dumont—членъ Парижскихъ обществъ антропологии и статистики.

²⁾ Особенности этого рода книгъ довольно мѣтко очерчены въ одной анонимной рецензій (Вѣстникъ Европы 1908 г. кн. XII, стр. 756—Литературное обозрѣніе). „Книга Вормса („Мораль Спинозы“), пишетъ рецензентъ, типичная французская книга...: неглубокая, ясная, гуманная, и, прежде всего, успокоительная“.

³⁾ Р., 94.

⁷⁾ Р., 58.

⁴⁾ Р. р. 1—30.

⁸⁾ Р., 10.

⁵⁾ Р. 6, см. р. р. 62—63.

⁹⁾ Р. 7.

⁶⁾ Р. 8.

¹⁰⁾ Р. 6.

въ зависимости отъ того, что мораль „наиболѣе сложная и и деликатная (delicate) изъ всѣхъ частей человѣческаго вѣдѣнія“, еще совершенно не возвысилась на степень позитивной науки ¹⁾. Недаромъ, самую, выражаясь языкомъ Dumont'a, имморальность нашихъ дней онъ склоненъ считать слѣдствіемъ теологической, устрашающей, морали ²⁾, поскольку результатомъ обскурантизма является не моральная неподвижность, но деградирующая эволюція ³⁾.

Гдѣ-же причина переживаемаго нами моральнаго кризиса?—Dumont видитъ ее прежде всего и главнымъ образомъ въ относительности и измѣнчивости, короче субъективизмѣ, нравственныхъ понятій ⁴⁾. Совѣсть не универсальна и не однообразна, не одна и та же у всѣхъ людей ⁵⁾. Между нравственностію атеиста, съ одной стороны, и человѣка, даваго обѣтъ безусловнаго повиновенія, съ другой, „существуютъ не сотни, но тысячи посредствующихъ этаповъ“ ⁶⁾ Китаецъ и французъ при тождественныхъ обстоятельствахъ слѣдуютъ діаметрально противоположнымъ правиламъ поведенія ⁷⁾. Извѣстное, строго опредѣленное явленіе (напр. полигамія) подвергается на правахъ этической ненормальности суровымъ преслѣдованіямъ въ однихъ странахъ и считается, не возбуждая угрызений и мукъ совѣсти, узаконеннымъ обычаемъ у другихъ народовъ ⁸⁾. Крайняя измѣнчивость въ нравственныхъ понятіяхъ—удѣлъ не только разъединенныхъ между собою расъ, но и сосѣднихъ народовъ, живущихъ подъ однимъ и тѣмъ же небомъ, въ одной и той же мѣстности ⁹⁾ Болѣе или менѣе продолжительная практика и наслѣдственность играютъ здѣсь далеко не вторыя роли. Субъективизмъ нравственности простирается такъ далеко, что она не всегда равна себѣ даже въ опредѣленномъ индивидуумѣ. Подъ вліяніемъ „внутренней и внѣшней среды“ окружающаго и цивилизаціи ¹⁰⁾ въ томъ же самомъ субъектѣ нравственность можетъ измѣниться и дѣйствительно измѣняется ¹¹⁾. Подобная неустойчивость нравственности (la moralité), какъ субъективнаго (въ смыслѣ личномъ и общественномъ) явленія ¹²⁾, неизбежно

1) Р. 9.

2) Р. VII.

3) Р. 168.

4) Р. 11.

5) Р. 26.

6) Р. 46.

7) Р. 15.

8) Р. 55.

9) Р. 47.

10) Р. 49.

11) Р. 58.

12) Р. 57.

отражается и на морали (la morale), какъ системѣ нравственныхъ нормъ, другими словами, на объективной морали. Вѣдь исторически эта послѣдняя, согласно Dumont'у, ни что иное, какъ облеченная въ формулы нравственность извѣстнаго народа въ моментъ возникновенія его національнаго самосознанія¹⁾. А свойственный каждой морали характеръ императива происходитъ единственно отъ привычки, только никоимъ образомъ не отъ объективной рациональности дѣйствія²⁾. При такомъ положеніи вещей мораль оказывается уже не маякомъ, на что претендуетъ метафизическая философія, а флюгеромъ, который оборачивается при всякомъ случайномъ вѣтрѣ, говоритъ бѣлое или черное, сообразно обстоятельствамъ, въ которыхъ она образуется³⁾. Обусловленная въ самомъ своемъ происхожденіи случайностью, мораль, само-собою разумѣется, eo ipso подлежитъ закону эволюціи⁴⁾, и нѣтъ въ цѣломъ мірѣ такой организаціи, которая тѣми или иными путями могла-бы привести нравы въ неподвижное состояніе. Всѣ попытки, сдѣланныя въ указанномъ направленіи, при условіи ихъ успѣха, въ итогѣ калѣчили-бы людей, ложились тяжелымъ ярмомъ на націю и атрофировали её. Dumont. ссылается здѣсь на примѣръ Китая⁵⁾.

Если, съ одной стороны, нѣтъ ничего, кромѣ литературныхъ примѣровъ измѣненій морали, болѣе поучительнаго и наиболѣе способнаго исправить ложную идею универсальности долга⁶⁾, то, съ другой, субъективизмъ морали всего лучше доказываетъ ея ветхость. Пользоваться одною только совѣстью для сужденія о добромъ и зломъ—процессъ слишкомъ примитивный и лишенный точности.

Доступное, по словамъ Dumont'а, для внѣшняго наблюденія въ такихъ городахъ, какъ Парижъ, Лондонъ, Нью-Йоркъ, банкротство субъективной морали съ особенною силою вызываетъ необходимость установить новый и объективный критерій порока и добродѣтели⁷⁾.

¹⁾ Кстати, нравственность (la moralité) Dumont считаетъ общимъ достояніемъ человѣка и животныхъ, тогда какъ у послѣднихъ онъ совершенно отрицаетъ мораль (la morale).

²⁾ Р. 50.

⁵⁾ Р. р. 3—4, см. р. 59.

³⁾ Р. 55. см. р. 50.

⁶⁾ Р. 11.

⁴⁾ Р. р. 54—55.

⁷⁾ Р. 48.

Правда, на это послѣднее претендовали и претендуютъ религія и филозофія. Однако Dumont убѣжденъ, что ни та, ни другая не оправдываютъ своихъ претензій.

Общимъ недостаткомъ всякой религіозной морали, раздѣляемымъ ею вмѣстѣ съ этикой филозофской и нравственными предписаніями законодательныхъ кодексовъ, по Dumont'у, является ея гетерономность, точнѣе-же противоестественность. „Доселѣ, пишетъ онъ, всѣ религіи, почти всѣ филозофскія системы (les philosophies), всѣ кодексы предписывали чело-вѣку исполнять несвойственныя ему желанія именемъ премудрости божественной или чело-вѣческой, высшей его и чуждой (extérieure) ему¹⁾).

Какъ ученую собаку, которую заставляютъ ходить, стоя на заднихъ лапахъ, короли, священники, колдуны и шарлатаны принуждали людей выполнять движенія, по самому существу противорѣчація чело-вѣческой организаци. Религіи, именемъ самыхъ химерическихъ авторитетовъ, запирали чело-вѣчество въ монастыри, увѣчили, обрѣзывали, кастрировали, бичевали, секвестровали, заклинали, обкрадывали, сдирали кожу, все это посредствомъ убѣжденія. Они заставляли чело-вѣка не ѣсть, когда голоденъ, жить безъ любви,—мужчинъ безъ женщинъ, женщинъ безъ мужчинъ, благоговѣть съ трепетомъ предъ пустыми ящиками и лишенными смысла словами, замѣнять 4 раза въ годъ необходимую пищу постомъ, праздностью и пьянствомъ, почитать нечистоты, очищать тѣло и душу уриной и пометомъ коровы, они заставляли его съ благоговѣніемъ приобрѣтать растертые въ порошокъ экскременты Далай-Ламы и заертки (la ligne ayant servi à panser les jambes) Пія IX²⁾).

Христіанская мораль не представляетъ въ данномъ случаѣ и отношеніи исключенія, скорѣе наоборотъ. Впрочемъ, весьма возможно, что такое впечатлѣніе производитъ болѣе подробный (хотя бы и въ очень условномъ смыслѣ, соотвѣтственно размѣрамъ книжки Dumont'a) разборъ, которому подвергается здѣсь христіанство.

Отожествляя это послѣднее въ значительной мѣрѣ съ католицизмомъ³⁾, Dumont, прежде всего, самое Откровеніе

1) Р. 59. см. р. р. 62—63.

2) Р. 13.

3) Р. р. 160—161.

Синая и Евангелія, на ряду съ которымъ, кстати, у него фигурируетъ и Коранъ, считаетъ мнимымъ¹⁾. „Многіе сотни тысячъ людей, говоритъ нашъ авторъ, состоятъ на жалованьи (sont salariés) у народовъ Европы и Америки, чтобы учить ихъ морали, открытой среди грома и молній на вершинѣ аравійскаго вулкана. Ее изрекла мифологія іудеевъ; они ее повторяютъ“.

Теологи, продолжаетъ Dumont, утверждаютъ, будто мораль Декалога улучшена новозавѣтнымъ Откровеніемъ. Но, съ точки зрѣнія нашего автора, эта послѣдняя имѣетъ еще меньшую цѣну, нежели прежняя — іудейская и языческая древняго и новаго времени: она ложна и вредна²⁾.

Собственно моральныя предписанія христіанства, если такъ можно выразиться, блещутъ отсутствіемъ новизны. Въ нихъ нѣтъ ничего ни особеннаго, ни неизрѣченнаго:— это вещи, которыя всегда въ древности, какъ и теперь, были извѣстны всему міру³⁾, а то, чѣмъ, съ своей стороны, христіанство желало пополнить списокъ общечеловѣческихъ добродѣтелей, оказывалось ложнымъ и вреднымъ⁴⁾. Dumont утверждаетъ большее. Онъ склоняется къ мысли, что христіанство, какъ и всякая вообще религія, принижаетъ мораль⁵⁾. Церковь, по нему, не только не укрѣпляетъ общества въ томъ ходячемъ мнѣніи, какое каждый человѣкъ имѣетъ о своихъ обязанностяхъ, наоборотъ — ослабляетъ его, потому что обучаетъ послѣднимъ совмѣстно съ предписаніями, касающимися ритуала, „которымъ, однако, она приписываетъ гораздо большую важность“. Церковь, развиваетъ предыдущее положеніе авторъ, одновременно съ тѣмъ какъ убѣждаетъ людей быть честными, прямыми, трудящимися, рекомендуетъ милліонъ разъ присутствовать при богослуженіяхъ и сто милліоновъ разъ говорить *помолимся* (oramus)⁶⁾.

Образцомъ индивидуальнаго совершенствованія для христіанъ является Іисусъ — человѣкъ, который жилъ одинокимъ, у котораго никогда не было ни семьи, ни отечества, ни опредѣленной профессіи, ни отца, ни жены, ни дѣтей, который не былъ ни солдатомъ, ни гражданиномъ. Такой идеаль, замѣчаетъ Dumont, если слѣдовать ему, окажется

1) Р. 10.

2) Р. 13.

3) Р. р. 33, 38.

4) Р. 38.

5) Р. 34.

6) Р. 33.

годнымъ единственно для того, чтобы создать чудаковъ (des rishis) или монаховъ, т. е. лицъ, презирающихъ солидарность, въ широкомъ смыслѣ слова ¹⁾, эту необходимѣйшую изъ человѣческихъ обязанностей ²⁾.

Полное осуществленіе евангельской морали наносило-бы непоправимый ущербъ труду и наукѣ, тогда какъ для человечества они имѣютъ значеніе источниковъ всякаго блага, богатства, энергіи и умственной силы.

Въ самомъ дѣлѣ, „если бы мы подражали полевымъ (sic) птицамъ, которыя ни сѣютъ, ни жнутъ, у насъ совсѣмъ не было бы агрикультуры. Если-бы, къ несчастью, мы одѣвались какъ лиліи долинъ (sic), которыя ни прядутъ, ни ткнутъ, у насъ не было-бы ни торговли, ни индустріи“. А реализованная во внѣ проповѣдь дѣвства, породившая по началу анахоретовъ, или надолго бы превратила въ пустыню бассейнъ Средиземнаго моря и Западную Европу, или лишила-бы ихъ культурныхъ обитателей.

Никоимъ образомъ нельзя ожидать научнаго и экономическаго прогресса тамъ, гдѣ смерть разсматривается какъ цѣль жизни, страданіе, какъ средство совершенствованія, болѣзнь какъ нормальное состояніе человѣка, гдѣ вѣрятъ въ первородный грѣхъ и надѣются на сверхъестественную помощь благодати ³⁾. И если исповѣдующіе христіанскую религію народы доселѣ не превратились въ животныхъ être abrutis), не достигли состоянія полной атрофіи (atrophiés), то они обязаны главнымъ образомъ личному благоумію, подсказавшему имъ надежный выходъ — вырваться изъ узъ евангельской морали. „Они энергичны и цивилизованы въ той мѣрѣ, въ какой забываютъ ее“ ⁴⁾, къ тому же и католицизмъ въ своей морали логически незаконченъ ⁵⁾.

Вредная сама по себѣ, христіанская мораль пагубна еще тѣмъ, что современные проповѣдники евангелія до послѣдней степени не разборчивы въ средствахъ пропаганды ⁶⁾.

1) Т. е. и по отношенію къ прошлымъ поколѣніямъ, (solidarité dans le temps) и по отношенію къ согражданамъ (solidarité dans l'espace).

2) Р. 36.

4) Р. 32.

3) Р. р. 35—36.

5) Р. 10.

6) „Въ качествѣ средствъ воздѣйствія, пишетъ Dumont (р. 38), христіанскія церкви пользовались внутренней и внѣшней войной, кострами, тюрьмами. Онѣ проливали потоки крови. Еще въ наши дни

Сторонники обскурантизма, они всѣми силами противодѣйствуютъ проповѣди новой морали болѣе здоровой и истинной уже по одному тому, что въ конечномъ счетѣ моральнымъ критеріемъ для различныхъ христіанскихъ церквей служить ихъ собственный интересъ ¹⁾.

Впрочемъ, тормозъ прогресса Dumont видитъ не только въ евангельской морали, но и въ христіанской догматикѣ ²⁾. Раздѣляя общую всѣмъ религіямъ участь научнаго безплодія, христіанская доктрина, подъ указаннымъ угломъ зрѣнія, представляетъ изъ себя энциклопедію человѣческихъ ошибокъ и заблужденій 2-го вѣка ³⁾.

Что же касается отдѣльнаго пункта этой доктрины — ученія о первородномъ грѣхѣ, то оно, по Dumont'у, сопровождается даже вредными *соціальными* послѣдствіями, поскольку пессимизмъ приводитъ логически къ деспотизму и угнетенію массъ ⁴⁾.

Согласно Dumont'у, послѣ религіи главнымъ препятствіемъ на пути осуществленія научной морали является метафизика. Между этой послѣдней и религіей Dumont устанавливаетъ нѣсколько пунктовъ соприкосновенія. — Прежде всего, и та, и другая — помѣха въ дѣлѣ исканія истины, отождествляемой нашимъ авторомъ, какъ это и вполне естественно, съ научной моралью. Далѣе, если метафизика и не порабощаетъ, и не фанатизируетъ массъ, въ чемъ повинна религія, то, благодаря ей, становится бесполезнымъ для научнаго прогресса даже культурное меньшинство. Субъективный характеръ метода и преобладающій надъ созидательнымъ критическій элементъ метафизики отражается въ свою очередь на философской этикѣ. Ей, какъ и религіозной морали, не достаетъ объективности ни въ исходныхъ точкахъ, ни въ заключительныхъ моментахъ ⁵⁾. Будучи въ отношеніи интеллектуальномъ сынами классической древности, философы, пишетъ Dumont⁶⁾, отдають предпочтеніе авторитету совѣсти предъ авторитетомъ науки.

онѣ изливались (elles font couler des flots) желчью и клеветою, проповѣдывали ненависть и презрѣніе по отношенію ко всему кромѣ самихъ себя (de tout ce qui n'est pas elles).

¹⁾ Р. 38.

⁴⁾ Р. 158.

²⁾ Р. р. 36—37.

⁵⁾ Р. 40.

³⁾ Р. р. 36—37.

⁶⁾ Р. 45.

Отсюда, не смотря на 25-ти вѣковое существованіе и претензіи перенестись въ нѣдра абсолютнаго, въ надеждѣ открыть разомъ всю мораль ¹⁾, философская этика доселѣ не имѣетъ прочныхъ основъ, не установила точныхъ границъ, не опредѣлила своего предмета, не выяснила тѣхъ средствъ, которыми она можетъ располагать въ изученіи подлежащихъ ей вѣдѣнію феноменовъ ²⁾. Метафизическая мораль абстрактна ³⁾. Подобно религіозной, поясняетъ примѣромъ свою мысль Dumont, она предписываетъ воздерживаться отъ объяденія, равно какъ отъ лѣни и всякаго другого порока, однако, никогда не можетъ сказать, гдѣ начинаются объяденіе и лѣнь ⁴⁾. Поэтому метафизическая мораль очень похожа на грамматику. Грамматика не создаетъ языка, но формируетъ, сокращаетъ и очищаетъ его. Такъ и философская этика, въ большинствѣ случаевъ, представляетъ изъ себя очищенный отъ господствующихъ предразсудковъ экстрактъ, сдѣланный по личному вкусу и усмотрѣнію изъ религіозныхъ предписаній и законодательствъ всѣхъ временъ ⁵⁾.

Сюда же примыкаетъ, а ео ipso раздѣляетъ недостатки предыдущей морали, этическая концепція тѣхъ мыслителей, основой построеній которыхъ служить *идея* общества. Свои критическія, аналогичныя съ только что изложенными, замѣчанія относительно этого вида морали Dumontъ заключаетъ слѣдующимъ сравненіемъ. „Химикъ, котораго спросятъ о составѣ минеральной глыбы, найдетъ въ ней, если хотите, желѣзо, фосфоръ, кремнеземъ и известь. Но ему никогда не придетъ на мысль сжать въ своихъ рукахъ собственную голову съ цѣлью анализировать понятіе минерала. Это не привело-бы его ни къ чему“ ⁶⁾.

Не болѣе удовлетворяетъ Dumont'a и мораль индивидуалистическаго идеализма.—Индивидуализмъ, думаетъ онъ, роковымъ образомъ приводитъ къ самоуничтоженію, поскольку разъединяетъ людей, а чрезъ то самое увеличиваетъ количество дегенератовъ (*des dégaciés*), разочарованныхъ, самоубійцъ, разводовъ, преступниковъ, жуировъ и алкоголиковъ. Въ обществѣ, составленномъ изъ индиви-

1) Р. 44.

2) Р. 45.

3) Р. 41.

4) Р. 129.

5) Р. 40.

6) Р. р. 43—44.

довъ такого рода, хотя бы и весьма одаренныхъ и сильныхъ, но одновременно съ тѣмъ грубыхъ и хищныхъ, не будетъ въ особенномъ почетѣ ни власть политическая, ни слава литературная и художественная, ни успѣхъ въ предпріятіяхъ, ни достатокъ. Равнымъ образомъ не будетъ ничего невозможнаго и въ томъ, если культурный работникъ окажется здѣсь совершенно парализованнымъ для дѣятельности ¹⁾).

Итакъ, религія или, сохраняя терминологию Dumont'a, религіозные предрасудки, вмѣстѣ съ заблужденіями, рутинною и вѣковымъ невѣжествомъ, суть мнимые факторы морализаціи ²⁾. Претендуя измѣнить человѣческое сердце, религіи фактически не исполняютъ данныхъ ими обѣщаній. Онѣ, какъ въ собственномъ, такъ и въ переносномъ смыслѣ, могутъ обезпокоить это сердце, сдавить, съ ущербомъ для здоровья, его біеніе, пронзить и даже заставить умереть, но совершенно безсильны измѣнить его ³⁾. Напрасно основатели религій и безчисленные клирики, законодатели и магистраты, моралисты и проповѣдники причиной своего неуспѣха выставляютъ первородный грѣхъ. Противорѣчіе (взаимное и органическое въ отношеніи къ человѣку) теоретическихъ и практическихъ идей морализаторовъ этого типа — вотъ гдѣ коренится доселѣ обычно постигавшая ихъ неудача ⁴⁾.

Съ другой стороны, и абстрактный долгъ философовъ — ни что иное, какъ легко улетучивающійся остатокъ тѣхъ противорѣчивыхъ нравственностей, простое сравненіе которыхъ уже разрушаетъ условную мораль ⁵⁾.

Выводъ отсюда понятный. Традиціонные нравы въ ихъ цѣломъ и частяхъ должны быть не только поколеблены, но безпощадно и безъ всякихъ исключеній потрясены въ самой своей основѣ ⁶⁾. По мнѣнію Dumont'a, для достиженія намѣченнаго существуетъ одинъ путь — выработка и установка новой морали.

Какимъ потребностямъ она имѣетъ удовлетворить и какихъ цѣлей ей нужно достигнуть, намъ станетъ ясно, стоитъ лишь воспроизвести по книгѣ Dumont'a все то, что

¹⁾ Р. р. 21—25.

²⁾ Р. 158.

³⁾ Р. 159.

⁴⁾ Р. 160.

⁵⁾ Р. 59.

⁶⁾ Р. р. 7—8.

авторъ ставить въ минусъ морали прошлаго, — ея формальный, ирраціональный ¹⁾, субъективный и отвлеченный характеръ.

Забываютъ, во первыхъ, говорить Dumont, „что мораль — вещь социальная“ ²⁾. Неправильной, по его мнѣнію, была доселѣ и самая постановка этической проблемы. Вѣдь вопросъ не въ томъ: существуетъ-ли долгъ, какъ нѣчто такое, что должно исполнять? Гораздо важнѣе, полагаетъ Dumont, уяснить, что именно слѣдуетъ исполнять и рассматривать какъ нашу обязанность ³⁾. Вотъ къ этой-то конкретизаціи, къ тому, чтобы найти пробный камень добра и зла ⁴⁾, между прочимъ, и должна стремиться мораль.

Само собою разумѣется, въ данномъ случаѣ наиболѣе пригоднымъ, лучшимъ и цѣлесообразнымъ будетъ методъ индуктивный ⁵⁾, а морали изъ религіозной и философской необходимо превратиться въ научную. Въмѣсто рѣшенія поставленнаго Кантомъ вопроса о генезисѣ долга, „Метафизика, пишетъ Dumont, промолчала, но, къ счастью, на него отвѣтила наука ⁶⁾.

Трудно съ опредѣленностью сказать, какое рѣшеніе этической проблемы, позитивное ли вообще или свое собственное, имѣетъ здѣсь въ виду Dumont.

Самое совпаденіе того и другого въ принципахъ и цѣляхъ затемняетъ дѣло. Поэтому прямо перейдемъ къ обзорѣнію конкретныхъ формъ, въ которыя отлилась позитивная мораль у Dumont'a.

Если объектомъ морали должно быть общество и основную ошибку этики прошлаго составляло перенесеніе центра тяжести на индивидуума, если результаты извѣстнаго акта, отразившіеся на обществѣ, — суть истинныя санкціи перваго ⁷⁾, то научной морали предстоитъ рѣшить двойную задачу.

¹⁾ Р. 13.

²⁾ Р. 40.

³⁾ Р. 42.

⁴⁾ Ibid. сн. р. р. VIII, 41.

⁵⁾ Р. 45. Общее воззрѣніе Dumont'a по данному вопросу таково: методъ долженъ быть одинъ и тотъ же какъ у наукъ космологическихъ, такъ и у ноологическихъ т. е. методъ индуктивный (р. 7).

⁶⁾ Р. 46.

⁷⁾ Р. р. 69, 73—74.

Ея отрицательная работа сводится къ тому, чтобы разрушить дурные предрасудки, внѣдренные въ челоуѣка привычкой и воспитаніемъ ¹⁾, а положительною цѣлью будетъ отыскать для челоуѣческихъ дѣйствій естественныя санкціи, составить возможно полный списокъ ихъ, съ указаніемъ относительной важности каждой, и, въ итогѣ, замѣнить ими ходячую мораль ²⁾. Опредѣливши циклъ моральныхъ и ео ipso заслуживающихъ наибольшаго одобренія челоуѣческихъ дѣйствій, наука о нравахъ, конечно, должна поставить въ нашемъ сознаніи на соотвѣтствующую, неизмѣримо превосходящую все остальное, высоту тѣ интелектуальныя наклонности и предрасположенія, которыя способствуютъ умноженію этихъ дѣйствій ³⁾. Замѣнить прогрессъ слѣпой, до послѣдней степени медленный, всегда подверженный опасности уклоненій въ сторону, отклоненій частичныхъ и въ цѣломъ, временныхъ и окончательныхъ, закономѣрнымъ — такъ выясняетъ Dumontъ въ другомъ мѣстѣ своей книги ⁴⁾. цѣль, которую должна преслѣдовать научная этика.

Залогъ возможности подобной замѣны нашъ авторъ видитъ въ необходимости личнаго усилія для прогресса ⁵⁾, участія въ немъ нашего „я“, поскольку прогрессъ вообще не механиченъ ⁶⁾.

По мнѣнію Dumont'a дѣйствительно научная мораль теперь можетъ быть выработана, благодаря наличности и при помощи этнографіи и демографіи.

Роли этихъ наукъ, по идеѣ, распредѣляются здѣсь слѣдующимъ образомъ: этнографія доставляетъ фактическій матеріалъ, касающійся нравовъ челоуѣчества, въ его полномъ объемѣ, съ одной стороны, прошломъ и настоящимъ, съ другой ⁷⁾, а демографія производитъ оцѣнку ихъ подъ угломъ общественнаго блага ⁸⁾.

1) Р. 90. сн. р. 174.

2) Р. 69.

3) Р. 113, сн. р. 40.

4) Р. р. 5—6.

5) Р. 3.

6) Р. р. 1—2.

7) Этнографическій экскурсъ, развиваетъ свою мысль Dumont (р. 125), приводитъ къ 2-мъ результатамъ: прежде всего, онъ проливаетъ свѣтъ на вопросъ о всеобщемъ или мѣстномъ характерѣ извѣстнаго обычая, а потомъ открываетъ намъ предрасудки, внѣдренные въ насъ воспитаніемъ и средой.

8) Р. р. 59—60, 86, 87. сн. р. 65.

Такъ какъ только невѣжество не можетъ быть убѣждено относительно данныхъ изъ области нравственности, собранныхъ этнографіей ¹⁾, демографія-же является наиболѣе передовой и солидной частью социологіи, то нѣтъ абсолютно ничего болѣе грандіознаго, необходимаго и спасительнаго, чѣмъ попытка построить мораль на данныхъ демографіи ²⁾.

Демографическая точка зрѣнія, будучи, согласно Dumont'у, единственно научной ³⁾, тѣмъ болѣе имѣетъ значеніе въ дѣлѣ установки морали, что сродныя ей отрасли знанія (исторія эволюціи человѣчества и военная) выясняютъ лишь сравнительное преимущество силъ двухъ или нѣсколькихъ народовъ, да и то въ извѣстномъ отношеніи ⁴⁾. Кромѣ того исторія эволюціи неправомочна для сужденія о моральности извѣстнаго института еще и потому, что прогрессирующее развитіе этого послѣдняго не безусловный показатель его преимущественной моральной цѣнности ⁵⁾.

Иное дѣло демографія. Она съ точностью измѣряетъ силу народовъ какъ абсолютную, такъ и относительную, съ меньшей точностью можетъ выразить ее за каждый годъ существованія этихъ послѣднихъ ⁶⁾ и, такимъ образомъ, демографическая мораль далека отъ той, для которой критеріемъ служитъ успѣхъ ⁷⁾.

Dumont убѣжденъ, что за преступленіе своихъ законовъ природа децимируетъ ⁸⁾. Не менѣе ясно для него и то, что демографія *можетъ* учесть тяжесть проступковъ и ошибокъ *по тѣмъ поврежденіямъ, которыя они причиняютъ* ⁹⁾. Отсюда уже становится до нѣкоторой степени понятной сущность демографическаго критерія.

Если питаніе и размноженіе суть два основныхъ взаимнопредполагающихъ закона природы органической, то, очевидно, сила извѣстнаго учрежденія измѣряется его способ-

1) P. 51.

2) P. 63. Не сомнѣваясь вообще въ благотворности результатовъ этой попытки, Dumont, особенную пользу отъ нея видитъ для Франціи, „гдѣ анархія интеллектуальная и моральная достигла своего апогея (a son comble)“ и вообще для демократическихъ республикъ. (p.p. 12, 15).

3) P. 94.

7) P. p. 83—84.

4) P. 87.

8) P. p. 70—71.

5) P. p. 85—86.

9) P. 63.

6) P. 87.

ностью создавать людей здоровыхъ въ физическомъ и духовномъ отношеніи, энергичныхъ, счастливыхъ и многочисленныхъ. И наоборотъ, пониженіе рождаемости само въ себѣ такой феноменъ, который, будучи надлежащимъ образомъ констатированъ, достаточенъ, по своей важности, для того, чтобы инкриминировать всю нашу нравственность (*la moralité*), философію, политическую и социальную организациі 1). Иначе говоря, уменьшеніе и увеличеніе силы народной нужно разсматривать, какъ результатъ и санкцію нравовъ худыхъ или добрыхъ 2), потому что при моральной оцѣнкѣ извѣстнаго факта слѣдуетъ принимать въ соображеніе прежде всего моральность дѣйствія, личная—же нравственность человека здѣсь имѣетъ лишь второстепенное значеніе 3).

Доступное исключительно для демографическаго измѣренія, это сокращеніе или расширеніе социальной силы и образуетъ искомый объективный критерій, истинный этومترъ 4). Словомъ, критеріемъ для положительной оцѣнки нравовъ, обычаевъ и какого-бы-то ни было образа дѣйствія народонаселенія является его демографическая сила 5), поскольку само общество должно преслѣдовать одну цѣль—имѣть возможно большее количество людей, а cadaго изъ индивидовъ надѣлать наибольшей степенью силы 6). Возможно, впрочемъ, и иное, *implicite* все же заключающееся въ предыдущемъ, опредѣленіе демографическаго критерія, а именно какъ та-

1) Р. 24.

2) Р. IX.

3) Мы никогда не согласимся съ тѣми, пишетъ Dumont (р. 112—113), которые моральную цѣнность дѣйствія ставятъ въ зависимость отъ добраго или злаго намѣренія, продиктовавшаго это дѣйствіе. Доброе намѣреніе говоритъ исключительно о моральности (*La moralité*) его виновника, но отнюдь не о моральности дѣйствія, о которомъ нельзя судить иначе, какъ только по вліянію, оказываемому имъ на развитіе человеческого общества въ отношеніи индивидуальной силы и количественномъ. И наоборотъ, зло, совершенное съ самыми лучшими намѣреніями, есть зло, коль скоро и оно само, и его слѣдствія наносятъ ущербъ въ демографическомъ смыслѣ. Вообще „цѣнность принципа усматривается только изъ его дѣйствій“.

4) Р. 77.

5) Р. 82.

6) Р. р. 125. сн. 4—5. Въ этомъ Dumont видитъ залогъ успѣха и счастья человеческихъ обществъ, поскольку, съ его точки зрѣнія (р. р. 87—88), отношеніе между первыми въ обществѣ, по сравненію съ индивидомъ, обратно пропорціональное.

кого, который намъ показываетъ, насколько хороша или фатальна, медленна или быстра историческая эволюція ¹⁾. Однако есть данныя, видимо противорѣчащія демографическому принципу, узнавать по плоду цѣнность дерева,—принципу, покоющемуся на предположеніи: положительныя дѣйствія порождаются добрыми причинами и обратно ²⁾. Какъ будто не въ его пользу говорятъ тысячи примѣровъ, показывающихъ, что смертность часто стоитъ въ зависимости отъ характера, безспорно, почтенной самой по себѣ профессіи (врачъ), степени, безусловно, полезной для общаго блага активности извѣстныхъ индивидовъ и даже цѣлыхъ народовъ и т. п. Но, полагаетъ Dumont, достаточно внимательно присмотрѣться и цѣнность этихъ примѣровъ значительно падаетъ, потому что, въ существѣ дѣла, она покоится на смѣшеніи двухъ точекъ зрѣнія: соціальной и индивидуальной. Не нужно никогда судить о моральности дѣйствія по результатамъ—добрымъ или худымъ *для индивида*, который является виновникомъ этого дѣйствія. Критеріемъ моральнаго не можетъ быть ни увеличеніе, ни уменьшеніе индивидуальнаго блага и силы ³⁾. Правда, общество состоитъ изъ индивидовъ и ихъ количественное уменьшеніе должно отразиться на цѣломъ индивидовъ—обществѣ. Но, повторяетъ Dumont въ другихъ выраженіяхъ только что высказанную мысль,—случаи внѣбрачныхъ рожденій, преждевременные браки молодыхъ людей, целибатъ—явленія предосудительныя гораздо болѣе въ той мѣрѣ, въ какой они вредятъ націи, нежели непосредственно индивидамъ ⁴⁾.

Опредѣленная вышеуказаннымъ образомъ демографическая санкція, исключая, по словамъ Dumont'a самую возможность ошибокъ или неясности, воочію обнаруживаетъ ничтожество теологической. Правда, первая пренебрегаетъ личностью, но за то обладаетъ неоспоримыми преимуществами другого порядка. Прежде всего демографическая санкція не химерична, а дѣйствительно существуетъ, и ея наличность можетъ быть констатирована, далѣе, этого рода санкція укрѣпляетъ солидарность между людьми, наконецъ, она болѣе по-

1) Р. 87.

2) Р. 84.

3) Р. 77.

4) Р. р. 73—74.

движна и разнообразится въ своей интенсивности соотвѣтственно времени, мѣсту, законодательству и тысячи другихъ обстоятельствъ ¹⁾).

Съ другой стороны, мораль демографическая своими положительными предписаніями выгодно отличается и отъ морали эмпирической, проникнутой по преимуществу отрицательнымъ характеромъ (*не убивай, не кради, не лги* и т. д.) ²⁾).

Расходясь съ моралью прошлаго, возрѣнія которой на нравственность были проникнуты всецѣло пассивнымъ характеромъ ³⁾), демографическая совпадаетъ съ нравственными понятіями античныхъ республикъ, гдѣ добродѣтелью считалась жизнь, энергія и активность ⁴⁾).

Архимандритъ Никаноръ.

(Окончаніе будетъ).

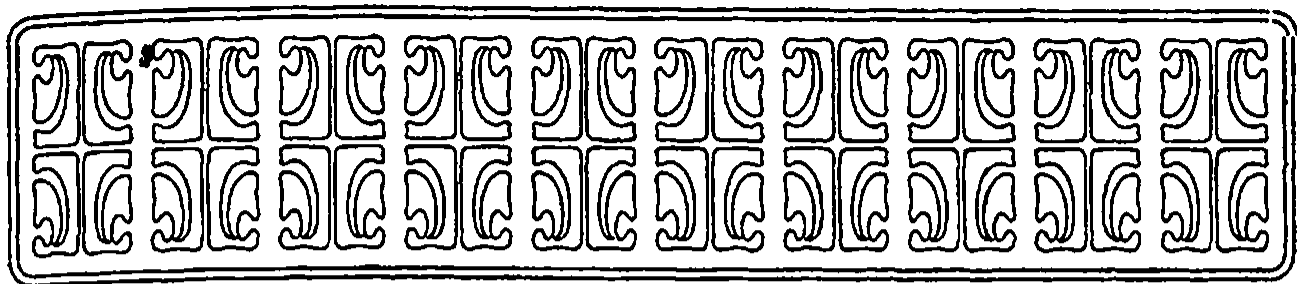

1) Р. р. 88—89.

2) Р. 89.

3) „Христіанство и деспоты, поясняетъ свою мысль Dumont (р. 94), пріучили насъ смотрѣть на нравственность, какъ на нѣчто въ самомъ принципѣ пассивное. Въ ихъ глазахъ это—узда, особенно необходимая для того, чтобы держать народъ подъ своей властью,—узы, которыя его сковываютъ, или, лучше, хлороформъ, пріятный для вдыханія, который, однако, парализуетъ его возмущенія и успокаиваетъ требовательность.

4) Ibid.

Наши миссіонеры въ борьбѣ съ сектантствомъ.

(Окончаніе *).

VI.

Есть еще одно сектантское направленіе мысли, усиливающееся примирить или согласить свои мистическія переживанія съ рационалистическими умствованіями, свои вѣрованія съ современными научными знаніями, при посредствѣ высшаго авторитета живыхъ или умершихъ людей. Разумѣемъ спиритизмъ.

Сколько намъ извѣстно, это направленіе еще не успѣло сформироваться и соорганизоваться въ отдѣльную самостоятельную общину, но существуетъ на Западѣ и у насъ въ видѣ частныхъ доктринъ, общинъ и кружковъ. Многіе впрочемъ примыкаютъ къ этимъ кружкамъ или изъ простаго любопытства, или даже съ научною цѣлію понять и научно объяснить странныя и непонятныя явленія на спиритическихъ сеансахъ, когда по своей научной добросовѣстности не хотятъ голословно отождествить ихъ съ шарлатанскими фокусами, или защищаться броней всезнающихъ отрицателей. Мы слишкомъ далеки отъ того, чтобы принимать на себя рѣшеніе трудной задачи о спиритизмѣ. Но въ спиритизмѣ есть одна сторона ученія, которая интересуется и нашихъ богослововъ. Мы хотѣли бы только сказать нѣсколько словъ о докторальной или рациональной сторонѣ спиритическаго направленія мысли. Но замѣтимъ прежде всего, что ученіе это не есть нѣчто новое въ родѣ человѣческомъ. Историки говорятъ, что оно существовало въ глубокой древности, и среди

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 3 за 1914 г.

евреевъ и среди язычниковъ. Въ Ветхомъ Заветѣ Аэндорская волшебница вызываетъ тѣнь Самуила, предсказывающую гибель Саулу. Книги Товитъ, Іова и грозныя прещенія пророковъ противъ волшебства ясно доказываютъ, что іудеи знакомы были съ воззрѣніями спиритовъ. Особенно же подобныя воззрѣнія распространены были среди язычниковъ. Не только простой народъ, но и философы вѣрили, что міръ наполненъ, кромѣ природныхъ существъ, *демонами*, т. е. сознательными и живыми существами (отъ *Δαίμων* знать, сознавать). Восточные философы, ученики Платона и Пифагора, вѣрили также, что эти демоны имѣютъ или благотворное или злоторное вліяніе на людей. Въ христіанствѣ ученіе о демонахъ извѣстно подъ именемъ экзорцизма и экзорцистовъ. Это же ученіе было принято и въ протестантскомъ мірѣ. Лейбницъ оправдывалъ экзорцизмъ и признавалъ дѣятельность экзорцистовъ благотворною ¹⁾. Въ концѣ XVII вѣка, когда протестантскій министръ Беккеръ издалъ въ свѣтъ сочиненіе *Monde enchanté*, въ которомъ старался доказать, что духи не могутъ вліять на тѣло, что они на вѣки заключены въ аду и что всѣ рассказы о зловредномъ вліяніи ихъ суть или простые вымыслы или обманъ,—то за это былъ строго осужденъ Страсбургскою Консисторіею и затѣмъ лишенъ министерской должности.—Какъ же смотрятъ новѣйшіе протестантскіе философы на спиритизмъ? Кантъ знаетъ это направленіе и старается объяснить его философски. На 42 году своей жизни онъ издаетъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „*Грезы духовидца, поясняемыя грезами метафизиковъ*“. Кантъ объясняетъ спиритизмъ внѣшнимъ воздѣйствіемъ духовъ, окрашиваемыхъ грезами метафизиковъ. Вотъ его собственныя слова: „Разскажамъ о призракахъ, съ которыми такъ часто сталкиваются философы, о которыхъ говорятъ то здѣсь, то тамъ, не мудрено, въ концѣ концовъ, дать хотя видимое разумное объясненіе. Души умершихъ и чистые духи никогда не могутъ непосредственно встать предъ нашими внѣшними чувствами, не могутъ вступать въ общеніе съ матеріей и тѣмъ не менѣе они вліяютъ на духъ человѣка, принадлежащій вмѣстѣ съ ними къ одной великой республикѣ, такъ что представленія, которыя они въ немъ возбуждаютъ, принимаютъ по закону его фантазіи, формы род-

¹⁾ См. „*Esprit de Leibniz*“, tom. 2, pag. 32.

ственныхъ образовъ и создаютъ внѣшній призракъ изъ соответствующихъ имъ предметовъ. Этому обману подвержено любое чувство, и какъ ни тѣсно связанъ онъ съ разстройствомъ мозга, это, однако, не должно мѣшать намъ допустить нѣкоторое воздѣйствіе духовъ ¹⁾. Такъ же смотрятъ на спиритизмъ и другіе идеалистическіе философы. Современный напр. Американскій экспериментальный психологъ и философъ Джемсъ говоритъ, что подобно тому, какъ міръ матеріальныхъ вещей доходитъ до нашего основного бодрствующаго поля сознанія, чрезъ внѣшнія чувства, такъ и высшія духовныя существа и силы, если они дѣйствительно существуютъ, могутъ непосредственно дѣйствовать на насъ лишь подъ условіемъ существованія у насъ подсознательной области душевной жизни, которая одна способна открыть намъ доступъ къ сознанію этихъ высшихъ духовныхъ явленій. Джемсъ такимъ образомъ, только подтверждаетъ и уясняетъ взглядъ Канта на спиритизмъ. Эти же возрѣнія усвояютъ себѣ и современные спириты. Сравнительно съ древними и новыми мыслителями они не говорятъ чего-либо новаго, болѣе совершеннаго, а только видоизмѣняютъ, углубляютъ и дополняютъ теоріями и гипотезамй то ученіе, которое существовало въ прежнія времена. Въ наше время ново въ немъ только усиліе примирить или согласить его съ христіанствомъ и съ научною культурою. По ученію же самихъ спиритистовъ, ихъ религіозно-философское ученіе не есть плодъ чистаго разума, или своеобразнаго пониманія христіанства, а ученіе, сообщаемое имъ загробными духами, ими даруемое и притомъ совершенно новое, высшее и откровенное ²⁾. Справедливо ли это, однако? Можно ли съ этимъ согласиться?

Мы замѣтили уже, что не принимаетъ на себя рѣшенія трудной и едва ли въ наше время разрѣшимой задачи всѣхъ теорій и фактовъ спиритизма и гипнотизма. Предъ ними съ недоумѣніемъ останавливается и современная наука. Мы хотѣли бы только обратить вниманіе нашихъ читателей на ту сторону спиритизма, которою онъ соприкасается съ положительнымъ христіанствомъ и преимущественно въ главныхъ и существенныхъ чертахъ.

¹⁾ См. русскій переводъ этой брошюры Б. П. Бурдеса. 1911 г., с. 53.

²⁾ См. М. О. Вержболовича „Спиритизмъ предъ судомъ науки и христіанства“ СПб. 1903 г. Стр. 54.

Спиритизмъ называетъ себя союзникомъ, другомъ и даже руководителемъ христіанства по пути прогресса. И однако же ни одна изъ существующихъ Церквей не признаетъ за нимъ этого достоинства. Почему же? Безъ сомнѣнія, по глубокому различію въ ихъ догматическомъ ученіи. Вотъ фактическія доказательства. И спириты и христіане вѣрятъ въ Бога, но у спиритовъ Богъ не христіанскій Трехъипостасный Богъ, а свой особенный, гностическій. По ихъ мнѣнію, Богъ есть высочайшій Разумъ, вѣчный Творецъ двухъ элементовъ вселенной: духовъ и матеріи¹⁾. Богъ, духи и матерія—вотъ начало всего существующаго во вселенной,—вотъ ихъ всемірная Троица. Если бы души, по ихъ мнѣнію, не имѣли начала, то были бы равны Богу, но когда и какъ они сотворены—мы этого не знаемъ; можемъ сказать только, что мы не имѣемъ начала въ томъ лишь смыслѣ, что Богъ, будучи вѣченъ, долженъ былъ творить непрерывно, но когда и какъ каждый изъ насъ былъ сотворенъ,—это тайна не постижимая для разума человѣческаго. Богъ отъ вѣчности проявлялъ свою творческую силу (Т. III, стр. 78). Кардекъ или его духи еще не возвысились до той богооткровенной истины, что Богъ живетъ внѣ пространства и времени; для Него нѣтъ ни прежде, ни послѣ, а потому нѣтъ и частныхъ актовъ творенія. Частные же акты творенія могутъ различать только существа ограниченные.

Къ своей Троицѣ спириты прибавляютъ еще всемірный токъ, имѣющій значеніе посредника между духами и матеріею, слишкомъ грубою, чтобы духъ могъ вліять на нее. Этотъ токъ способенъ къ безконечнымъ видоизмѣненіямъ и соединеніямъ и тогда получаетъ разныя названія: электрическаго тока, магнитнаго тока, эфирной энергіи, флюида, периспри, которыми духъ всегда бываетъ облаченъ до своего воплощенія и затѣмъ живетъ въ избранномъ имъ тѣлѣ. Видоизмѣненный токъ, собственно говоря, есть ничто иное, какъ та же матерія, но только болѣе совершенная, болѣе тонкая и нѣкоторымъ образомъ совершенно самостоятельная (Т. I, стр. 56—58). Впрочемъ спиритизмъ весь основанъ не столько на этомъ догматическомъ ученіи, сколько на внѣвременномъ

¹⁾ Мы излагаемъ ученіе спиритовъ по сочиненію Аллана Кардека: „Философія спиритуализма“. Русскій переводъ 1906 г., Москва, въ трехъ томахъ.

существованіи духовъ, перевоплощеніи ихъ и на различіи ихъ послѣ каждаго перевоплощенія.

Духи, геніи, души не суть существа отвлеченныя, неопредѣленныя, которыхъ можно представлять только мыслию; нѣтъ, они существа дѣйствительныя, коихъ присутствіе, въ извѣстныхъ случаяхъ, можетъ быть ощутимо даже внѣшними чувствами—*зрѣніемъ, слухомъ, осязаніемъ*. Они существуютъ индивидуально прежде своего воплощенія и эту индивидуальность сохраняютъ и послѣ разлученія съ тѣломъ. Тѣлесное же воплощеніе ихъ есть собственно испытаніе, которое должно повторяться нѣсколько разъ, до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ полнаго совершенства, оно есть нѣкотораго рода чистилище, изъ котораго духъ каждый разъ выходитъ болѣе или менѣе очищеннымъ. Соотвѣтственно съ достигнутымъ имъ совершенствомъ, духъ становится ангеломъ, архангеломъ, херувимомъ, серафимомъ, или же демономъ, злымъ духомъ, но раньше или позже долженствующимъ вступить на путь совершенствованія. Въ состояніи же не воплощенномъ духи, по словамъ спиритовъ, составляютъ во вселенной цѣлое народонаселеніе, такъ или иначе вліяющее на живыхъ людей—тайно или явно.

Какъ же спириты смотрятъ на Христа? Тоже, по гностически. По опредѣленію одного загробнаго духа, Христосъ былъ *медіумомъ Самаго Бога*. Медіумомъ обыкновенно называется посредникъ, орудіе, когда на сеансахъ онъ проявляетъ или собственную силу личнаго могущества, или пользуется силою безплотныхъ высшихъ духовъ. Но Христосъ не нуждался въ сторонней помощи. Онъ дѣйствовалъ Самъ, въ силу Своего личнаго могущества, какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ дѣйствовать и воплощенные высшіе духи по мѣрѣ своихъ силъ (Т. III, стр. 271). Тѣмъ не менѣе, изъ всѣхъ способностей, проявленныхъ Іисусомъ, нѣтъ ни одной, которая была бы внѣ условій человѣчества и которая не встрѣчалась бы у обыкновенныхъ людей, потому что онѣ въ самой природѣ; но вслѣдствіе превосходства и флюидическихъ качествъ, онѣ проявлялись у Христа въ неизмѣримо болѣе сильной степени, чѣмъ у обыкновенныхъ людей. За исключеніемъ Своей тѣлесной оболочки, Онъ представлялъ Собою абсолютно чистаго Духа (Т. III, стр. 294).

Соотвѣтственно съ этимъ же ученіемъ спириты гово-

рятъ, что творческій актъ Божества есть вѣчный, непрерывный и необходимый, а согласно съ этимъ они не могутъ высится до пониманія высочайшей Голговской жертвы Христа, до той божественной любви, которая, вызвавъ къ бытію всѣ міры, служить основой жизни всѣхъ тварей,—до той любви, которая, пребывая въ небѣ, нисходитъ на нашу планету, какъ выраженіе Божественнаго Промысла и Божественнаго милосердія къ грѣшному роду человѣческому. Спириты не нуждаются или очень мало нуждаются во всемъ этомъ. Спириты созданы Богомъ по необходимости, сами совершаютъ свое спасеніе посредствомъ добровольнаго или вынужденнаго перевоплощенія и такихъ или иныхъ чистилищныхъ очищеній въ своей жизни, съ тѣмъ только различіемъ, что одни спасаются скорѣе, а другіе—медленнѣе.

Таковы метафизическія основанія спиритическихъ вѣрованій. Чѣмъ же они подтверждаютъ ихъ? Алланъ Кардекъ, учитель спиритизма, увѣряетъ, что его сочиненіе „Философія спиритизма“ составлено имъ подъ диктовку духовъ, затѣмъ провѣрено ими и издано въ свѣтъ по ихъ распоряженію. Онъ горько жалуется на то, что католическое духовенство не вѣритъ ему и съ высоты церковныхъ амвоновъ анѳематствуетъ духовъ и говоритъ, что лучше оставаться невѣрующимъ, чѣмъ вернуться къ Богу чрезъ спиритизмъ (Т. III, стр. 284). Собственно это относится къ ученію о діаволахъ; но если бы это было такъ, то по спиритической философіи нельзя было бы не согласиться, что діаволъ бываетъ иногда очень уменъ, благоразуменъ и въ особенности высоко нравствененъ, или, что есть и добрые діаволы. Да и сами Кордековскіе духи говорятъ о себѣ, что они не равны между собой ни познаніями, ни нравственными качествами и что не должно буквально принимать все, что говорятъ они. Люди здравомыслящіе сами должны отличать истину отъ лжи (Т. II, стр. 207—9). Такова первая самозащита у спиритовъ. На сколько этотъ аргументъ въ пользу спиритизма убѣдителенъ, предоставляемъ уже судить самимъ читателямъ. Съ своей стороны замѣтимъ, что и по православному ученію ангель тьмы является иногда ангеломъ свѣта. Да и самъ Кардекъ требуетъ отъ своихъ послѣдователей здравомыслія, чтобы умѣть отличить истину отъ лжи. Но не благоразумнѣе ли было бы вмѣсто индивидуальнаго здравомыслія обра-

тяться къ здравомыслию и авторитету вселенской Церкви? Не благоразумнѣе ли было бы держаться ея ученія о духахъ? Мы увѣрены, что живая покорность требованіямъ св. Церкви можетъ привести человѣка совершенно къ инымъ убѣжденіямъ.—Другой аргументъ въ пользу спиритизма заимствуется изъ согласія его съ современною наукою. Въ самомъ дѣлѣ, Кардекъ во многихъ случаяхъ очень остроумно примѣняетъ свою метафизику къ современнымъ научнымъ гипотезамъ. И надо отдать честь обширности его теоретическихъ и позитивныхъ знаній. Но и Кардекъ, или его перевоплощенные и невоплощенные духи, не говорятъ ничего такого, что не было бы извѣстно изъ наукъ, а иногда ошибаются и противорѣчатъ себѣ, что Кардекъ объясняетъ уже *легкомысліемъ* духовъ. Словомъ, медиумическія откровенія отнюдь не возвышаются надъ общечеловѣческимъ уровнемъ познаній. Они очень часто оказываются ошибочными.—Наиболѣе же сильнымъ аргументомъ въ пользу спиритизма представляются спиритами тѣ загадочныя явленія, которыя происходятъ иногда на спиритическихъ сеансахъ, таковы: некромантія т. е. появленіе призраковъ умершихъ людей, левитація, т. е. перенесеніе и поднятіе на воздухъ тяжелыхъ предметовъ, криптографія, т. е. письменные отвѣты на предложенные вопросы, иногда даже на иностранныхъ языкахъ, такіе же отвѣты при выстукиваніи ножекъ столика или писанія карандашемъ и пр. Но и католическіе и православные богословы опасаются признать эти явленія дѣломъ загробныхъ духовъ. Въ лучшемъ смыслѣ, они признаютъ ихъ проявленіями природныхъ силъ, еще недостаточно понятыхъ наукою. То же или почти то же утверждаютъ теперь и современные ученые. Они говорятъ, что только во второй половинѣ истекшаго столѣтія англійскій врачъ Бредъ обратилъ на это серьезное вниманіе и окрестилъ его именемъ гипнотизма. Люди науки съ этого времени приступили къ серьезнымъ изслѣдованіямъ и открыли, что всѣ чудесныя феномены, приписываемые издавна агнетизму, составляютъ неподлежащій сомнѣнію научный фактъ, требующій однако же не голословнаго отрицанія, а добросовѣстнаго изслѣдованія. Такимъ образомъ, пока ученые не были знакомы съ этимъ и упорно отказывались изслѣдовать опытнымъ путемъ магнетическія, или что то же, гипнотическія явленія, заблужденіе относительно послѣднихъ царило среди ученыхъ, а за ними стадно ца-

рило и среди остальныхъ интеллигентовъ и полуинтеллигентовъ ¹⁾. Да и самъ Кардекъ говоритъ, что мы не настолько еще знаемъ тайны природы, чтобы утверждать, существуютъ ли оккультныя силы, управляющія стихіями. Если рѣшать этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, то укрощеніе Христомъ бури на морѣ могло бы быть доказательствомъ такого могущества Христа, которое не дано ни одному человѣку (Т. III, стр. 295). Въ наше время нѣкоторыя изъ загадочныхъ явленій уже поддаются научнымъ объясненіямъ, но еще далеко не всѣ. И современная наука вынуждается такимъ образомъ обратить вниманіе на оккультныя силы природы. Въ настоящее время, какъ извѣстно, существуютъ три школы въ этомъ направленіи: Парижская, Нансійская и Сальпетриельская. У насъ послѣ матеріалистическаго и позитивнаго угара, тоже стали появляться научныя общества, стремящіяся изучать законы духа. Таково Психологическое Общество въ Москвѣ, уже существующее нѣсколько лѣтъ, и недавно открытый Психоневрологическій Институтъ въ Петербургѣ и пр. Эти общества хотятъ замѣнить собою отсутствіе кафедръ невропатологіи и психопатологіи. О самыхъ же спиритическихъ явленіяхъ духовъ ученые изслѣдователи теперь говорятъ: „Каждый кто сколько нибудь серьезно занимался медиумизмомъ, знаетъ, что появляющіяся изрѣдка на сеансахъ матеріализованныя фигуры не могутъ считаться самостоятельными существами или духами, но составляютъ временныя образы, обязанные своимъ появленіемъ исключительно присутствующему на сеансѣ медиуму. Онѣ суть не болѣе и не менѣе, какъ двойники медиума. Если на сеансѣ нѣтъ сильнаго медиума, то подобныя фигуры не образуются, ибо тогда нѣтъ для нихъ источника, изъ котораго онѣ могли бы формироваться. Было бы крайне не разумно проводить параллель между двойникомъ медиума и живымъ самостоятельнымъ существомъ“ ²⁾. Поэтому же было бы крайне не разумно проводить параллель между спиритической некромантией и церковнымъ ученіемъ объ общеніи міра духовнаго съ міромъ видимымъ. И св. Церковь наша учитъ о союзѣ Церкви небесной съ Церковію земною. Но этотъ союзъ не есть ме-

¹⁾ См. А. Шилтова „Гдѣ и какъ нужно искать живого Бога“. Харьковъ. 1910 г. Стр. 53.

²⁾ См. „Мысли о Богочеловѣкѣ“. Проф. д-ра мед. А. Шилтова. 1902 г. Харьковъ. Стр. 52.

ханической, вынужденный при посредствѣ медиумическихъ приемовъ, а свободный, благодатный, условливаемый христіанскими подвигами вѣрующихъ душъ и милосердія Божественнаго Промысла. Кто знакомъ съ святоотеческою и въ особенности аскетическою литературою, тотъ не можетъ сомнѣваться въ этомъ ¹⁾.

Московскій митрополитъ Филаретъ, касаясь спиритизма своего времени, очень осторожно говорилъ, что если бы современная ему наука научнымъ методомъ могла доказать существованіе однихъ только злыхъ духовъ, то это было бы великимъ торжествомъ для науки и великимъ приобрѣтеніемъ для невѣрующихъ и сомнѣвающихся въ христіанскихъ истинахъ. Но этого не было и пока нѣтъ. На этихъ основаніяхъ православные богословы не могутъ согласиться съ тѣмъ утвержденіемъ спиритовъ, будто ихъ религіозно-философское ученіе не есть плодъ теоретическаго разума, или своеобразнаго пониманія христіанства, а ученіе, сообщаемое загробными духами, новое, высшее и откровенное ²⁾. Много если оно можетъ быть причислено къ области предположеній и мнѣній. Въ самомъ дѣлѣ, если не вполне одобрительно праздно любопытство спиритовъ, то слѣпая вѣра въ новыя откровенія ихъ можетъ быть даже опасна. Наши богословы утверждаютъ даже, что спиритическія новыя откровенія, послѣ дарованнаго намъ Богомъ откровенія, совершенно не нужны, даже могутъ быть богопротивны, что и подтверждается словами св. ап. Павла: „аще мы, или Ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаема да будетъ“ (Гал. 1, 8) ³⁾. Такъ думаютъ у насъ о теоретическомъ или докторальномъ направленіи современнаго спиритизма. Но иначе можно смотрѣть на научныя изслѣдованія загадочныхъ явленій спиритизма. На нихъ можно смотрѣть при научномъ направленіи не болѣе, какъ на опыты въ области экспериментальной психологіи и біологіи. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть опаснаго для вѣры въ этихъ изслѣдованіяхъ? Не помогаютъ ли даже ученые намъ глубже понять и яснѣе сознать свѣтоносное христіанское ученіе? Кто

¹⁾ Догматическое ученіе объ этомъ см. въ брошюрѣ прот. Н. Малиновскаго: „Союзъ между Церковію земною и небесной“. Харьковъ. 1907 г.

²⁾ См. М. О. Вержболовича „Спиритизмъ предъ судомъ науки и христіанства“. 1903 г., стр. 54.

³⁾ Тамъ-же, стр. 63.

убѣжденъ, что между естественнымъ, научнымъ откровеніемъ, и сверхъестественнымъ нѣтъ и не можетъ быть противорѣчія, тотъ съ радостью и благодарностью долженъ встрѣчать подобное направленіе среди современныхъ ученыхъ. Оказывается так. обр., что и спиритическое движеніе, несомнѣнно болѣе интеллигентное, чѣмъ у остальныхъ сектантовъ, не обѣщаетъ намъ новаго откровенія и не даетъ новыхъ религіозныхъ знаній.

VII.

Въ виду всѣхъ этихъ сужденій по сектантству и миссіонерству, мы съ невольнымъ недоумѣніемъ останавливаемся на слѣдующемъ вопросѣ: Что побуждаетъ нашихъ сектантовъ измѣнять историческимъ завѣтамъ своихъ предковъ и измышлять свои религіозные идеалы? Что побуждаетъ ихъ выходить изъ безопасной ограды св. Церкви и блуждать по опаснымъ распутіямъ вольномыслія? Словомъ, чѣмъ они извиняютъ свою измѣну свѣтлому православію и оправдываютъ свои бредовыя общины? Намъ кажется, что отвѣтъ на этотъ вопросъ надобно искать уже частью въ историческихъ, а частью въ природныхъ расположеніяхъ сектантовъ и вообще всѣхъ нашихъ заблуждающихся.

Еще славянофилы утверждали, что Востокъ и Западъ различаются между собою направленіемъ своей религіозной жизни. Это же подтверждаютъ и наши іерархи. Высокопреосвящен. волынскій Антоній, напр., касаясь нашего націонализма и патріотизма, говоритъ, что восточный христіанинъ въ своемъ развитіи выступаетъ отъ идеи къ факту, отъ идеальнаго созерцанія христіанства къ фактическому осуществленію его въ жизни; а западный христіанинъ выходитъ отъ факта къ идеѣ, отъ практическаго проявленія христіанства въ жизни къ идейному обоснованію его ¹⁾. Разумѣется, и то и другое направленіе, по вліянію природныхъ, національныхъ и индивидуальныхъ особенностей, могло достигать различныхъ степеней совершенства, могло развиваться правильно или неправильно; но конечною цѣлью этого развитія всегда было и есть нравственное совершенствованіе, нравственное Богоуподобленіе и Богоугожденіе. Еще св. апостоль Павелъ въ ученomъ аѣинскомъ Ареопагѣ говорилъ: „Богъ отъ одной крови произвелъ весь родъ человѣческій, для обитанія по

¹⁾ „Колоколъ“ 1914 г., № 2313.

всему лицу земли, назначивъ predeterminedъ времена и предѣлы ихъ обитанія, дабы они искали Бога, не ощутятъ ли Его и не найдутъ ли; хотя Онъ и не далеко отъ каждаго изъ насъ. Ибо мы Имъ живемъ и движемся, и существуемъ, какъ и нѣкоторые изъ вашихъ стихотворцевъ говорили: мы Его и родъ“ (Дѣян. 17, ст. 26—28). Таковы природныя или естественныя основы различія національностей и патріотизма, которыя должны завершаться исканіемъ Бога, Богоуподобленіемъ и Богоугожденіемъ. Это же различіе ясно выразилось и въ направленіи религіозной жизни восточныхъ и западныхъ христіанъ.

Исторически извѣстно, что идеальной или доминирующею особенностью Востока и преимущественно Византіи были *Θεωρῦσια*, т. е. Боготрудничество, Богоугождене и святое подвижничество (у насъ Богоподобіе и спасеніе), а на Западѣ сначала автономное владычество папы, а затѣмъ юридическое или правовое пониманіе христіанства со всѣмъ юридическимъ полномочіемъ Намѣстника Христова, т. е. папы. Исторически также извѣстно, что восточное направленіе проникало на Западъ преимущественно въ началѣ христіанства, когда Церковь на помѣстныхъ и вселенскихъ соборахъ занята была точнѣйшимъ опредѣленіемъ и уясненіемъ Богооткровенныхъ истинъ; а западное направленіе начинаетъ распространяться, независимо впрочемъ отъ участія нашей св. Церкви, лишь въ новыя времена, когда у насъ возникло раздѣленіе интеллигенціи на славянофиловъ и западниковъ. Къ этому послѣднему направленію, сколько намъ извѣстно, изъ нашихъ философовъ примыкалъ только В. С. Соловьевъ, а изъ протестантскихъ—Лейбницъ, хотя съ значительнымъ уклоненіемъ къ реформаторскимъ и демократическимъ идеямъ. Такъ происходитъ или совершается взаимный обмѣнъ обоими этими направленіями среди интеллигенціи. Вліяніе Востока на Западъ наиболѣе ярко выразилось въ золотой вѣкъ святоотеческой литературы свв. Василія Великаго, Григорія Божественнаго и Іоанна Златоустаго; оно же сказалось въ схоластическомъ спорѣ платониковъ и аристотеликовъ, т. е. номиналистовъ и реалистовъ; особенно же въ распространеніи на Западѣ восточнаго монашества чрезъ знакомство при посредствѣ св. Аѳанасія, когда послѣдній, преслѣдуемый аріанами, временно прибылъ въ Римъ и привезъ съ собою двухъ монаховъ, удивившихъ римлянъ строгостью своей аскетической

жизни. Еще болѣе римляне удивились двумъ восточнымъ монахамъ, когда тѣ прибыли въ Римъ и съ опасностью для жизни прекратили языческіе гладіаторскіе бои. Въ частности это же вліяніе Востока на Западъ сказалось во время крестовыхъ походовъ, когда западные народы познакомились съ богатою византійскою культурою, съ наукою, литературою и искусствами византійцевъ. Такъ было прежде. Въ послѣднее же время происходитъ уже не то. Теперь замѣчается обратное вліяніе Запада на Востокъ; замѣчается среди нѣкоторыхъ стремленіе замѣнить прежнее воззрѣніе и устройство Церкви, утвержденное на вселенскихъ соборахъ, новымъ, гуманитарнымъ, или даже деклараціею правъ челоуѣка, какъ мы это видимъ во Франціи. Папскій престолъ заколебался. Западные народы уже пересмотрѣли папскія средневѣковыя бытовья реформы и домогаются новыхъ. Намъ нѣтъ надобности вдаваться въ подробности того, какимъ образомъ это стремленіе возникло на самомъ Западѣ и оттуда усиливается распространиться въ другихъ мѣстахъ; какимъ образомъ юридическое пониманіе христіанства съ сверхъміровою властью Намѣстника Христа замѣняется правовымъ, гуманитарнымъ, нашедшемъ для себя первое провозглашеніе на самомъ Западѣ. Мимоходомъ только можемъ замѣтить, что все это произошло подъ вліяніемъ возрожденія наукъ, реформациі и идей энциклопедистовъ, т. е. идей свободы, равенства и братства. Мы же хотимъ сказать, что и наши сектанты увлекаются именно этими гуманитарными идеалами, сознательно или безсознательно усвоивъ ихъ; что и они уходятъ изъ ограды нашей Церкви во имя ложно понятой свободы, равенства и братства въ смѣшеніи съ христіанскими истинами. А слѣдов., нельзя смотрѣть на нашихъ сектантовъ, какъ на невѣжественныхъ и праздныхъ вольнодумцевъ или какъ на легкомысленныхъ интеллигентовъ, желающихъ поразить своихъ слушателей новизною взглядовъ. Ихъ вольнодумство другого рода. Въ основѣ всѣхъ сектъ лежитъ хотя и не всегда ясно и сознательно, одно и то же стремленіе собственными усиліями достигнуть болѣе полного и болѣе скораго Богопознанія и Богообщенія. Это не рефлексія и скептицизмъ, а горячее желаніе примѣнить христіанскую идею къ своей жизни, оправдать ее своими подвигами. По крайней мѣрѣ, это можно утверждать въ отношеніи къ наиболѣе сознательнымъ изъ нихъ.

В. М. Скворцовъ, глубокой знатокъ нашего сектантства и нашего миссионерства, въ своей прекрасной черниговской лекціи (13 окт. 1913), между прочимъ, говорилъ, что церковныя задачи православнаго русскаго миссионерства и его значеніе среди различныхъ слоевъ общества *малоизвѣстны*; тѣмъ не менѣе дѣятельность нашей внутренней миссіи сосредоточена исключительно на огражденіи православныхъ вѣрующихъ отъ различныхъ вѣроученій и утвержденій православія въ истинной вѣрѣ и нравственности. Самое обиліе сектъ среди русскаго народа лекторъ объясняетъ *не его малокультурностью и некультурностью, а характеромъ его*, т. е. той отличительной чертой русскаго народа, которая состоитъ въ *постоянномъ исканіи Бога*, безъ сомнѣнія, природномъ или національномъ, но весьма опасномъ въ то время, когда оно протекаетъ безнадзорно, совершенно произвольно и внѣ союза съ св. Церковью¹⁾.

Свобода прекрасный даръ Творца разумнымъ твореніямъ. Безъ свободы нѣтъ проявленій разума, безъ разума нѣтъ проявленій свободы. Это аксіома. Но при этомъ требуется разумное развитіе воли и авторитетное руководство разума. Почему? Потому что свобода и разумъ дарованы намъ Творцомъ *in potentia*, въ возможности, а не въ законченномъ или полномъ видѣ. Это таланты, которые самъ человѣкъ долженъ развивать и умножать въ себѣ, если не хочетъ быть рабомъ лѣнивымъ и лукавымъ. Иначе прекрасный даръ Божій или останется подъ спудомъ, или превратится въ инстинктъ и фізіологическій произволь. Вотъ почему и св. апостолы въ самомъ началѣ христіанства были не только проповѣдниками христіанскаго ученія, но и полномочными распорядителями и руководителями жизни христіанскихъ общинъ. Они повсюду поставляли епископовъ и пресвитеровъ, устраивали благообразіе вечерей любви (агапы), лишали церковнаго общенія тяжкихъ грѣшниковъ, запрещали женщинамъ учить въ церквахъ и пр., а въ руководство своимъ преемникамъ оставили „Правила Апостоловъ“ и „Постановленія апостольскія“. Ту же святую дѣятельность апостоловъ продолжали и ихъ преемники—епископы, съ одной стороны, точнѣе опредѣляя на помѣстныхъ соборахъ и развивая догматическое ученіе, а съ другой, продолжая одушевленную борьбу съ крайними гностическими направленіями, и преимущественно

1) „Лекція В. М. Скворцова въ Черниговѣ“. Колоколь. № 2248.

николаитскомъ и энкратическомъ. Много понесли трудовъ и много потерпѣли огорченій св. апостолы при исполненіи своей высокой миссіи; но не мало потрудились и преемники ихъ епископы въ дѣлѣ церковнаго управленія и приведенія всего къ правильному порядку и благоустройству. Конечно это не было попраніемъ христіанской свободы вѣрующихъ, не было цѣпями и узами, произвольно налагаемыми на нихъ. Это было лишь обузданіемъ беспорядочныхъ проявленій свободы, выраженіемъ высшихъ совершенствъ христіанской любви. Приведемъ одинъ примѣръ.

На зарѣ христіанства, когда первые вѣрующіе еще не порвали связи съ синагогою, они собирались въ общины, или, такъ называемыя, домашнія церкви, въ родѣ нашихъ маленькихъ приходо́въ. Природное расположеніе людей къ взаимообщенію, единодушіе, единомысліе и преимущественно любовь—вотъ первоначальная основа христіанскихъ агапъ т. е. вечерей любви. Первенствующіе христіане, еще малочисленные, признавали себя состоящими въ духовномъ родствѣ, какъ-бы братьями и сестрами, членами одного семейства, и большею частію жили въ однихъ и тѣхъ же помѣщеніяхъ. Духъ христіанской любви одушевлялъ эти общины, гдѣ царствовали благочиніе и благоповеденіе, Св. Апостолы, по завѣщанію Спасителя, соединяли съ этими агапами совершеніе величайшаго таинства Евхаристіи. При общемъ же единомысліи и единодушіи особенно разгоралось у всѣхъ желаніе быть *согражданами святыхъ и своими Богу* (Ефес. 2, 19). Такъ возникъ и совершался среди первенствующихъ христіанъ прекрасный литургическій обрядъ, извѣстный подъ именемъ агапъ. Императоръ Юліанъ отступникъ, открытый врагъ христіанъ, восхищался агапами, рекомендовалъ ихъ языческимъ жрецамъ и говорилъ, что они служатъ сильнѣйшимъ средствомъ привлеченія язычниковъ къ христіанству. Въ самомъ дѣлѣ, агапы были вначалѣ идеальнымъ выраженіемъ христіанскаго братства и идеальнымъ осуществленіемъ общественнаго равенства, богатыхъ и бѣдныхъ, господъ и рабовъ, совершенно не допустимыхъ въ гражданскомъ строѣ Великой Имперіи. Поистинѣ нельзя читать безъ глубокаго умиленія хлопотъ ап. Павла предъ Филимономъ о рабѣ его Онисимѣ: прими его, онъ писалъ, „не какъ уже раба, но выше раба, брата возлюбленнаго, особенно мнѣ, а тѣмъ больше тебѣ, и по'плоти, и по духу.

Итакъ, если ты имѣешь общеніе со мною, то прими его, какъ меня“ (Фил. ст. 16—17).

Но съ умноженіемъ христіанъ, времена перемѣнились. Беспорядки стали вкрадываться и въ эти святые собранія. Уже бл. Августинъ съ негодованіемъ спрашивалъ: „Откуда въ Церковь проникло моровое повѣтріе агалъ“ (*Unde Agapetarum pestis in Ecclesiam introivit*)? Св. Іоаннъ Златоустъ, взошедши на Константинопольскую кафедру, пишетъ два небольшіе трактата объ опасности для христіанъ отъ этихъ собраній. Почему? Потому что собранія эти первоначально соединены были съ приготовленіемъ величайшаго христіанскаго таинства Евхаристіи. Обычно первоначально, причащеніе этимъ таинствомъ предлагалось вѣрующимъ подъ конецъ вечера любви, потомъ перенесено было къ началу вечера, а затѣмъ постепенно стало прекращаться епископскою властію. Бл. Августинъ напр., запретилъ въ своей епархіи вкушать пищу въ церквахъ, т. е. совершать въ нихъ вечерю любви. Св. Амвросій Медиоланскій поступалъ такъ энергично, что совершенно вывелъ изъ употребленія эти вечера въ своей Миланской епархіи. Въ разныхъ другихъ мѣстахъ однако агалы продолжались еще, но только въ церквахъ кафедральныхъ, соборныхъ, какъ и самое названіе показываетъ, предназначавшихся для общественныхъ собраній, подъ особымъ надзоромъ соборнаго духовенства и съ его благословенія. Св. Григорій В. разрѣшилъ новообращеннымъ англійскимъ христіанамъ совершать вечера, но отнюдь не въ храмахъ, а возлѣ церковныхъ оградъ, въ шатрахъ, листовенныхъ садахъ, и совершать ихъ въ дни храмовыхъ праздниковъ, дни мучениковъ, приношенія алтарю даровъ, назначенія приходскаго духовенства и пр. ¹⁾ Мало по малу, однако же, агалы были прекращены повсюду, не смотря на сожалѣніе многихъ. Было ли это стѣсненіемъ христіанской свободы? Беспорядки, возникшіе иногда на вечерахъ любви, давали ли епископамъ право отмѣнять обрядъ несомнѣнно древній, временъ апостольскихъ? Нѣтъ сомнѣнія, что епископы дѣйствовали въ этомъ случаѣ во имя того полномочія, которое получили отъ Апосто-

¹⁾ Соотвѣственно съ этимъ распоряженіемъ св. Папы, агалы, перемѣняютъ свой первоначальный характеръ. Они становятся какъ-бы „церковными вѣчами“, т. е. приходскими или епархіальными собраніями. Можно предполагать, что на нихъ возбуждались иногда общественныя обсужденія о текущихъ приходскихъ событіяхъ и нуждахъ, но самое таинство Евхаристіи уже не совершалось.

ловъ. И конечно, общепринятая агапы вѣрующихъ, нисколько не были похожи на агапы гностическихъ агалитовъ, преимущественно состоявшихъ подъ руководствомъ женщинъ, въ общеніе съ которыми привлекались молодые люди обоихъ половъ, державшихся того убѣжденія, что для чистой совѣсти нѣтъ ничего нечистаго и что можно клясться и нарушать клятву, лишь бы не выдавать секретовъ своей секты. По свидѣтельству бл. Августина, подобное ученіе распространено было и среди другихъ беспорядочныхъ сектантовъ (*Noet.* 70). Безъ сомнѣнія, ничего подобнаго не было среди вѣрующихъ, находившихся подъ руководствомъ установленной апостолами іерархіи. Но и ихъ язычники укоряли по невѣдѣнію въ тяжкихъ преступленіяхъ, напр., въ убійствѣ младенцевъ, яденіи ихъ тѣла, безстыдствѣ и пр.; легкомысленный народъ вѣрилъ этому, хотя даже прокураторъ римскій Плиній, послѣ тщательнаго разслѣдованія, доносилъ императору Траяну, что все [это гнусная клевета на христіанъ и свидѣтельствовало о высокой нравственной жизни первенствующихъ христіанъ. Не должны ли были поэтому епископы, преемники апостоловъ, позаботиться о добромъ имени своихъ пасомыхъ среди язычниковъ? Не должны ли были принять мѣры, чтобы оградить вѣрующихъ отъ слѣпой и неразумной ярости язычниковъ, особенно въ періодъ гоненій? Итакъ, прекращеніе агалъ не было деспотическою отмѣною апостольскихъ обычаевъ или установленій, не было стѣсненіемъ или ограниченіемъ христіанской свободы, цѣлями и узами для этой свободы, а было стремленіемъ къ лучшему и совершеннѣйшему строю церковной жизни, соотвѣтственно съ новыми условіями этой жизни. Къ подобной же дѣятельности побуждаемы были и епископы гностическимъ свободомысліемъ, когда появились многіе гностики, которые не только порывали свою связь съ апостольскою Церковію, но и измышляли свои теоріи взамѣнъ единого апостольскаго ученія, какъ это дѣлаютъ и наши сектанты, имѣющіе ревность не по разуму и обольщающіеся собственною праведностію (Рим. 10, 2—3). Разумно ли это?

Видоизмѣняя, улучшая и даже отмѣняя нѣкоторыя обряды, епископы не поступаютъ автономно или самовольно, но всегда рѣшаютъ дѣло въ полномъ согласіи и единеніи со всѣми церквами. Черезъ весь доникейскій періодъ мы видимъ цѣлый рядъ помѣстныхъ соборовъ, на которыхъ опре-

дѣлялись такія или иныя церковныя постановленія, вошедшія затѣмъ въ византійскій „Номоканонъ“, когда императоръ Константинъ В. объявилъ христіанскую вѣру дозволенною, созвалъ Никейскій соборъ, вошелъ въ соглашеніе съ Церковію и этимъ положилъ начало византійскому „Номоканону“¹⁾. Не то мы видимъ въ дѣятельности епископовъ въ отношеніи къ догматамъ и таинствамъ. Въ отношеніи къ нимъ епископы поступали не только не автономно и самовольно, но и въ безусловномъ единомысліи съ ученіемъ св. Апостоловъ во всѣхъ Церквахъ, хотя бы государственная власть не соглашалась съ ихъ постановленіями, искажала или отмѣняла ихъ, и Церкви приходилось иногда съ большимъ трудомъ достигать государственнаго признанія своихъ святоотеческихъ догматовъ. Припомнимъ при этомъ Византійскихъ Императоровъ аріанъ, иконоборцевъ и пр. Какъ же поступали епископы при этомъ разногласіи? Какъ относились къ сердечнымъ убѣжденіямъ и къ довѣрію своихъ пасомыхъ къ провозглашаемымъ ими догматамъ? Они старались убѣдить ихъ въ истинности ихъ, иногда даже претерпѣвая изъ за этого мученія, и держались слѣдующаго апостольскаго наставленія: „сердцемъ вѣруется въ правду, усты же исповѣдуются во спасеніе“ (Рим. 10, 10). Они требовали единомыслія и единовѣрія, гласнаго исповѣданія догматовъ, хотя бы сердечная вѣра ихъ пасомыхъ не доразвилась до полнаго соглашенія съ возвѣщаемою имъ правдою. Извѣстно, что сердце съ своими неясными переживаніями и ощущеніями вѣруетъ иногда въ правду лишь въ общемъ смыслѣ, не уясняя и отчетливо не сознавая ее. И только на высшихъ ступеняхъ знанія христіанинъ вѣритъ уже и исповѣдуетъ правду ясно и отчетливо. Похваляютъ вѣру и неуясненную, но предпочитаютъ уясненную. Поэтому то епископы и до-

1) Наименованіе „Номоканонъ“ происходитъ отъ соединенія двухъ греческихъ словъ: *νομος*—государственный законъ и *κаноу*—церковное постановленіе. Такимъ обр. оно указываетъ на соединеніе и соглашеніе государственныхъ законовъ съ церковными постановленіями. На Никейскомъ Соборѣ такихъ согласованныхъ узаконеній, по однимъ историческимъ памятникамъ, было принято до 20, а по другимъ больше или меньше. Это зависѣло уже отъ числа церковныхъ постановленій, принятыхъ на помѣстныхъ соборахъ въ доникейскій періодъ, и затѣмъ внесенныхъ въ Никейскій „Номоканонъ“. Болѣе или менѣе подробное внесеніе ихъ зависѣло уже отъ частныхъ цѣлей повѣствователя.

пускали или терпѣли иногда свободныя богословскія мнѣнія, но чуждыя намѣреннаго, злостнаго искаженія или отрицанія догматовъ. Оригенъ, адамантовый учитель первыхъ вѣковъ, думалъ, что наступитъ нѣкогда всеобщее возстановленіе тварей (*apokatastasis*), по которому Христосъ прійметъ на Себя естество ангельское, потерпитъ величайшія страданія и чрезъ это дастъ возможность демонамъ спастись. Мнѣніе это было осуждено затѣмъ на многихъ соборахъ, такъ какъ находило многихъ почитателей. Бл. Августинъ, въ пылу спора съ Пелагіемъ, неосторожно высказалъ нѣкоторыя ошибочныя сужденія о благодати Св. Духа, но самъ же онъ впоследствии написалъ *Retractationes*, т. е. критическія поправки къ своимъ ошибочнымъ мнѣніямъ. Да и Апостолы учили: „надлежитъ быть разногласію между вами, дабы открылись между вами искусные“ (1 Кор. 11, 19). Это не то значить, будто Апостолы заповѣдывали или узаконяли разногласіе. Напротивъ, требованіе единодушія и единомыслія—вотъ ихъ святое желаніе. Это значить, что они предвидятъ послѣдовательный ростъ христіанскаго сознанія и предсказываютъ разумное или искусное оправданіе своего ученія. Поэтому уже въ періодъ вселенскихъ соборовъ ясно сознано было слѣдующее высоко мудрое правило: *In necessariis unitas, in dubiis libertas, in omnibus charitas* (единеніе въ необходимомъ, свобода въ сомнительномъ, любовь во всемъ). Въ чемъ же собственно состояло это необходимое? Въ храненіи догматовъ и совершеніи таинствъ. Св. Іоаннъ Зл. отмѣняетъ агалы и вмѣсто агалъ вводитъ свою литургію (*λειτουργία*—общенародный и *εργον*—дѣло, общенародное дѣло), которая принята на всемъ Востокѣ. Такъ же поступаютъ епископы и въ другихъ мѣстахъ, т. е. вводятъ свои литургіи. Но это не было отмѣною величайшаго христіанскаго таинства Евхаристіи. Все преподаемое Апостолами относительно этого таинства неизмѣнно сохранилось и въ ихъ литургіяхъ. Малѣйшее отступленіе или видоизмѣненіе этого угрожало величайшими опасностями. Лютеръ училъ о повсюдности тѣла Христова (*ubiquitas*) и отвергалъ догматъ о пресущевленіи, полагая, что вѣрующіе приобщаются этимъ тѣломъ лишь съ хлѣбомъ, въ хлѣбѣ и подъ видомъ хлѣба (*cum pane, sub pane, in pane*), и этимъ ученіемъ, какъ извѣстно, вызвалъ, вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, кровавую тридцатилѣтнюю войну. Богемскіе Чашники, помогавшіеся ра-

вныхъ правъ съ духовенствомъ приобщаться изъ Чаши Господней, изъ за этого потеряли свободу и независимость своего отечества. А несчастная королева Шотландская, Марія Стюартъ, какъ католичка, была казнена на эшафотѣ Англійскою королевою Елизаветою, какъ протестанткою.

Либеральные друзья сектантовъ, искренно или лицемерно, признають сектантовъ инициаторами новой религіозной жизни, или даже провозвѣстниками новой религіи. Но на какихъ-же основаніяхъ? Справедливо ли это? Спаситель сказалъ: „Кто любитъ Меня, тотъ соблюдетъ слово Мое; и Отець Мой возлюбитъ Его, и Мы придемъ къ нему, и обитель у него сотворимъ“ (Іоан. 14, 23). Таковъ идеаль нашей святой религіи и христіанской жизни. Выше его нѣтъ и быть не можетъ. Но достигимъ ли онъ въ нашей Церкви? Доступенъ ли онъ намъ? Безъ сомнѣнія, достигимъ и доступенъ, хотя и въ различныхъ ступеняхъ осуществленія и въ нашей земной жизни. Это не требуетъ доказательствъ. Это исторически доказано. Спаситель сказалъ: „Я умолю Отца и дастъ вамъ другого Утѣшителя да пребудетъ съ вами во вѣкъ, Духъ истины, котораго міръ не можетъ принять, потому что не видитъ Его, и не знаетъ Его; а вы знаете Его и Онъ съ вами пребываетъ, и въ васъ будетъ“ (Іоан. 14, 16—17). Итакъ, спросимъ, прежде всего: пребываетъ ли этотъ Духъ съ сектантами? Пребываетъ ли Онъ съ эпидемическимъ или патологическимъ заболѣваніемъ ихъ? Пусть въ мѣру своей добросовѣстности и искренности отвѣтятъ на этотъ вопросъ уже сами друзья сектантовъ. Думаемъ, что и они смогутъ отличить безсознательное, неосмысленное увлеченіе сектантовъ отъ горделиваго и самообольщеннаго превозношенія. Что же касается православныхъ христіанъ, то они несомнѣнно убѣждены, что Духъ Св., Духъ Истины и Утѣшенія, непрерывно существуетъ въ Св. Церкви, въ которой заключены всѣ благодатныя силы Боговѣдѣнія и благочестія. При посредствѣ ея Духъ этотъ вселяется въ души вѣрующихъ и индивидуально и коллективно. Надобно только сохранять и възгрѣвать Его въ себѣ. Апостоль говоритъ: „Что посѣетъ человекъ, то и пожнетъ. Сѣющій въ плоть свою отъ плоти пожнетъ тлѣніе; а сѣющій въ духъ отъ духа, пожнетъ жизнь вѣчную“. (Ефес. 6, 7—8).

Либеральные друзья сектантовъ домогаются новаго развитія христіанской религіи или даже совершенно новой ре-

лиги, долженствующей вдохнуть въ нашъ народъ духъ новой жизни, котораго будто бы уже нельзя ожидать отъ „объективнаго православія“. Правда ли это? Откуда возникаетъ и на чемъ основывается подобный пессимизмъ у либеральныхъ друзей сектантовъ? По нашему мнѣнію, онъ возникаетъ главнымъ образомъ изъ опасенія подпасть подъ тяжелое и деспотическое иго клерикализма, изъ боязни попранія общечеловѣческой свободы во имя мнимо-церковныхъ идеаловъ. Предъ ихъ умственнымъ взоромъ предносятся средневѣковые порядки. Самое яркое выраженіе этого клерикализма можно было видѣть въ Парагвайской республикѣ, когда по командѣ о. о. іезуитовъ вѣрующіе ложились спать, вставали, молились, трудились и отдыхали. Напрасные страхи! Ничего подобнаго теперь уже нѣтъ и среди католиковъ. Теперь и среди католиковъ многіе говорятъ:

Qui cum Iesu itis,

Non ita itis,

Qui cum Iesuitis.

Т. е. „Идущіе съ Иисусомъ идутъ не такъ, какъ идущіе съ іезуитами“. Преосвящ. Анатолій говоритъ, что католическая Церковь, обладающая желѣзною дисциплиною, — тамъ, гдѣ еще сохранилось полное уваженіе къ ней (напр. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Америки), принуждена уже считаться съ мѣстными условіями приходской жизни, дѣлаетъ уступки правовому порядку и позволяетъ напр., записывать церковное имущество не за церквами, а за кураторами, т. е. за представителями приходовъ¹⁾. Что же касается нашей Церкви, то надо обладать значительною долею умственнаго дальтонизма или тенденціозности, чтобы укорять ее въ какомъ-либо клерикализмѣ. Напротивъ, наши либеральные интеллигенты и полуинтеллигенты позволяютъ себѣ иногда укорять ее въ *омірщеніи*, въ превращеніи изъ соборной Церкви въ вѣдомственное управленіе. Но и это несправедливо. Ни клерикализмъ, ни *омірщеніе* въ ней немыслимы. Наша Церковь всегда управлялась на основаніи „Номоканона“, перешедшаго къ ней изъ Византіи. На пространствѣ вѣковъ онъ могъ примѣняться у насъ болѣе или менѣе строго и точно, но всегда въ полномъ согласіи съ апостольскими и вселенскими постановленіями. Извѣстный православный канонистъ Никодимъ, епископъ Далматинскій, го-

¹⁾ „Колоколь“, № 2327.

ворить: „Отцы Церкви считали безусловною принадлежно-
стію Императорской власти, чтобы она была стражемъ вѣры...
и Императоры отзывались на подобное обращеніе, видя въ
этомъ исполненіе одной изъ обязанностей, ввѣренныхъ имъ
самимъ Богомъ“. Что же касается русскихъ Князей и Ца-
рей, то и они, по каноническимъ установленіямъ, всегда
пользовались въ Церкви своими державными правами. Это
утверждаютъ всѣ наши канонисты. Профессоръ Казанской
Академіи (напр. и канонистъ И. С. Бердниковъ, говоритъ:
„Великій Князь или Царь Московскій принималъ участіе
въ соборахъ, и ихъ постановленіяхъ въ качествѣ поборника
православной вѣры и покровителя вѣры; но это участіе
простиралось лишь на внѣшнія дѣла управленія Церковью;
все же, что касалось до существа Церкви, до догматовъ, до
каноновъ, до таинствъ, до обрядовъ, до пастырскаго служе-
нія, то всѣ такіе вопросы рѣшались одной іерархіею и ни-
когда Царской власти не предоставлялись ¹⁾). Такъ было
прежде; думаемъ, что такъ будетъ и на будущее время.
Наша надежда утверждается не только на прежнихъ исто-
рическихъ фактахъ, но и на новѣйшихъ. Въ 1905 г. воз-
никъ вопросъ о желательныхъ преобразованіяхъ церковнаго
управленія въ Россіи: но предварительно вопросъ этотъ
возбужденъ былъ и предложенъ къ обсужденію въ особомъ
совѣщаніи Комитета Министровъ и представителей Депар-
таментовъ Государственнаго Совѣта. Государь Императоръ,
извѣстясь объ означенномъ предположеніи, изволилъ при-
знать, что вопросъ сей не относится къ числу дѣлъ, под-
лежащихъ обсужденію въ особомъ совѣщаніи, а относится
исключительно до вѣдѣнія Св. Синода, и потому въ Соб-
ственной резолюціи начертать изволилъ: „Изъять вопросъ
изъ совѣщанія и передать на разсмотрѣніе Св. Синода“.
Во исполненіе такой Высочайшей Воли Св. Синодомъ былъ
составленъ докладъ о созывѣ помѣстнаго Собора Россійской
Церкви. На этомъ докладѣ Государю Императору благо-
угодно было начертать: „Предоставляю Себѣ, когда насту-
питъ благопріятное для сего время, по древнимъ примѣрамъ
православныхъ Императоровъ, дать сему великому дѣлу
движеніе и созвать соборъ всероссійской Церкви для кано-
ническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго упра-
вленія“. А 25 апрѣля 1907 г. были Высочайше утверждены:

¹⁾ „Колоколь“, № 2321.

„Положенія о составѣ предстоящаго чрезвычайнаго собора русской Церкви и о порядкѣ производства дѣлъ на ономъ“¹⁾. Дальнѣйшая разработка этихъ положеній идетъ теперь, какъ извѣстно, въ Предсоборной Комиссіи. Конечно, въ какомъ видѣ и въ какой формѣ будетъ составленъ на соборѣ и появится будущій обновленный и усовершенствованный нашъ „Номоканонъ“,—никто не можетъ знать. Вѣримъ, что это будетъ совершено подѣ вліяніемъ Духа Св. Но и теперь можно оставаться убѣжденными, что на соборѣ будутъ сохранены завѣты предковъ, основы православной вѣры, преимущества самодержавной власти и идеалы нашей народности.

Заключаемъ нашу миссіонерскую замѣтку слѣдующими вѣрными сужденіями г. М. Кальнева: „Современная жизнь православной русской Церкви, обуреваемой всевозможнаго рода невѣріемъ и сектантствомъ, требуетъ особенно бдительныхъ пастырей, искусныхъ въ защитѣ православія отъ многочисленныхъ враговъ его. Мало того,—она настоятельно требуетъ выступленія на это дѣло такихъ пастырей, которые, проникнутые живымъ сознаніемъ высоты своего служенія Церкви и родинѣ, были бы всегда готовы на всякое личное самопожертвованіе, на постоянную готовность положить, если нужно положить, и душу свою за овцы своя.

„Такихъ пастырей, безъ сомнѣнія, есть еще много на святой Руси, но число ихъ все-таки далеко не соотвѣтствуетъ многочисленнымъ приходамъ многомилліоннаго православнаго русскаго народа“²⁾. Мы вполне раздѣляемъ эти убѣжденія г. Кальнева и думаемъ, что съ ними должны согласиться и наши миссіонеры. Теперь не только духовенство, но и всѣ миссіонеры, будутъ ли они духовные или свѣтскіе, призываются энергично идти по пути, указанному г. Кальневымъ. Это путь исторически вѣрный, единственно прямой и единственно правильный. На немъ нельзя останавливаться неподвижно, надо идти впередъ, не уклоняясь ни вправо, ни влево.

К. И—нз.

¹⁾ „Колоколъ“, № 2328.

²⁾ „Колоколъ“, № 2312.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

28 Февраля

№ 4

1914 года.

Содержаніе. Письмо Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Московскаго Макарія на имя Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1912—1913-й уч. годъ. (Прод.)—Епархіальныя извѣщенія.

I.

Письмо Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Московскаго Макарія на имя Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго.

Ваше Высокопреосвященство!

Прилагая при семъ объявленіе и программу журнала «Православный Благовѣстникъ», издаваемаго Совѣтомъ предсѣдательствуемаго мною Православнаго Миссіонерскаго Общества по новой программѣ и въ расширенномъ объемѣ съ 1914 года, усерднѣйше прошу Вашей Архипастырской помощи и поддержки въ распространеніи сего журнала, Выписка его въ библіотеки духовно-учебныхъ заведеній, фундаментальныя и ученическія, въ библіотеки школъ церковно-учительскихъ и второклассныхъ, особенно же въ миссіонерскія учрежденія и Братства, несомнѣнно, была бы очень полезна и своевременна. Усерднѣйше прошу Архипастырскаго Вашего распоряженія о напечатаніи до трехъ разъ прилагаемаго объявленія въ Епархіальномъ Вашемъ органѣ и въ другихъ церковныхъ журналахъ, если они имѣются, и о выпискѣ журнала въ наиболѣе состоятельныя монастыри и церкви епархіи.

Переживаемое, нами время властно и громко напоминаетъ намъ о необходимости поддержки святаго апостольски-миссіонерскаго дѣла, и я обращаюсь къ Вашей помощи и содѣйствію въ семъ дѣлѣ Православному Миссіонерскому Обществу.

Съ братскою о Христѣ любовію честь быть имѣю Вашего Высокопреосвященства братъ о Христѣ и сослужитель

Макарій Митрополитъ Московскій.

Резолюція Высокопреосвященнаго Арсенія на семь писемъ отъ 14 февраля 1914 г. за № 827 послѣдовала такая: «Письмо сіе и приложенное къ нему объявленіе напечатать въ журналѣ «Вѣра и Разумъ» и предложить къ выпискѣ монастырямъ и состоятельнымъ церквамъ выписывать «Православный Благовѣстникъ», весьма полезный и поучительный въ миссіонерскомъ дѣлѣ. *А. Арсеній*».

Во исполненіе этой резолюціи Высокопреосвященнаго редакция ж. «В. и Р.» печатаетъ въ отдѣлѣ объявленій полностью объявленіе объ изданіи «Православнаго Благовѣстника» въ этой книжкѣ и тоже объявленіе будетъ напечатано еще два раза въ послѣдующихъ книжкахъ. *Ред.*

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

Согласно § 155 Семинарскаго Устава, плата за содержаніе своекоштныхъ воспитанниковъ Семинаріи должна быть вносима по третямъ учебнаго года въ теченіе двухъ недѣль послѣ начала трети. Посему Правленіе Семинаріи покорнѣйше проситъ отцовъ таковыхъ воспитанниковъ озаботиться высылкой денегъ на имя Правленія Семинаріи въ теченіе марта за третью треть сего учебнаго года. *Не внесшіе денегъ за свое содержаніе воспитанники къ экзаменамъ допущены не будутъ.*

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.

Харьковское Епархіальное Попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія симъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что присланныя на имя Секретаря Харьковской Духовной Консисторіи при письмѣ діакона Георгія Петрова пятьдесятъ рублей по распоряженію Его Высокопреосвященства переданы Секретаремъ въ Епархіальное Попечительство и записаны на приходъ денежныхъ суммъ въ пользу бѣдныхъ вдовъ и сиротъ духовнаго званія, призрѣваемыхъ Попечительствомъ.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Вышла въ свѣтъ 4-мъ изданіемъ книга: «Святоотеческая духовно-нравственная христоматія по исторіи Христіанской Православной Русской Церкви въ связи съ гражданскою исторіею, отъ сошествія Св. Духа на Апостоловъ до нашихъ дней». Спб. 1914 г. 250

стр. съ 240 портретами и рисунками. Цѣна 1 рубль. Изд. книжнаго магазина «Народная польза».

Согласно резолюціи Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, отъ 27 января 1914 г., Харьковскій Епархіальный Училищный Совѣтъ рекомендуетъ вышеозначенную книгу, какъ полезную, Уѣзднымъ Отдѣленіямъ и завѣдующимъ церковныхъ школъ для выписки въ церковно-школьныя бібліотеки.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1912-1913-й учебный годъ.

(Продолженіе *).

в) Выполнена ли въ каждомъ классѣ установленная программа, и если нѣтъ, то почему именно и какія мѣры предприняты были къ выполненію пропущеннаго.

Установленная въ 1906-7 году программа учебныхъ предметовъ для Епархіальныхъ женскихъ Училищъ выполнялась во всѣхъ классахъ съ надлежащей полнотою и обстоятельностью, при чемъ было удѣлено достаточно времени и на повтореніе пройденнаго или въ полномъ объемѣ курса, или въ главнѣйшихъ и болѣе трудныхъ частяхъ. Методы и приемы преподаванія соотвѣтствовали возрасту, степени развитія учащихся и характеру изучаемыхъ предметовъ.

Въ частности, Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта была пройдена по руководству Прот. Д. Соколова. При изученіи Ветхаго Завѣта преимущественно обращалось вниманіе на прообразовательное значеніе его, на высокіе образцы для подражанія въ лицѣ ветхозавѣтныхъ праотцевъ, а при изученіи Новаго Завѣта указывалось на высочайшій образецъ святости въ лицѣ Господа нашего Иисуса Христа. Многія священныя исторіи прочитывались по Св. Евангелію. Въ 3 классѣ изученіе Богослуженія совершалось по учебнику Прот. Свирѣлина, порядокъ же богослужебныхъ дѣйствій проходилъ по Богослужебнымъ книгамъ, при чемъ, знакомясь съ смысломъ Богослужебныхъ пѣснопѣній, важнѣйшія изъ нихъ воспитанницы заучивали и наизусть. При изученіи Катехизиса въ 4 и 5 классахъ (по руководству Митрополита Филарета и пособій Лаврова) на ряду

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 3 за 1914 г.

съ катехизическимъ усвоеніемъ предмета воспитанницы пріучались къ связному изложенію христіанскихъ истинъ, изучая соотвѣтственныя мѣста св. Писанія. Церковная Исторія въ 5 и 6 классахъ изучалась по руководству Прот. П. Смирнова, мало однако пригодному по своей сжатости, неотчетливости передачи событій и раскрытія ученія церкви на соборахъ. Въ дополненіе къ учебнику въ классѣ прочитывалась книга „Дѣяній Св. Апостолъ“, съ краткимъ объясненіемъ содержанія ея. Для большей наглядности при преподаваніи Закона Божія употреблялись карты—Палестины, картины изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, карты по Церковной Исторіи и Богослужебныя книги.

При обученіи русскому языку въ первыхъ трехъ классахъ имѣлось въ виду, во первыхъ, научить воспитанницъ читать бѣгло, сознательно и выразительно и прочитанное связно передавать какъ устно, такъ и письменно (3 кл.); во вторыхъ, систематически познакомить ихъ съ этимологіей и синтаксисомъ русскаго языка; въ третьихъ, сообщить имъ навыкъ писать съ соблюденіемъ правилъ этимологіи и синтаксиса. Для достиженія этой цѣли воспитанницы занимались чтеніемъ доступныхъ ихъ пониманію статей и заучиваніемъ наизусть стихотвореній и басенъ. Чтеніе статей и стихотвореній сопровождалось объясненіемъ непонятныхъ словъ и выраженій. Грамматическія и синтаксическія правила закрѣплялись въ памяти учащихся на предварительномъ разборѣ примѣровъ и письмѣ ихъ въ классѣ и на дому.

При изученіи теоріи словесности по руководству Бѣлорусова имѣлось въ виду познакомить ученицъ съ свойствами слога, видами и родами словесныхъ произведеній и находить главную мысль ихъ. Для сей цѣли лучшіе образцы словесныхъ произведеній прочитывались ученицами дома и преподавателемъ въ классѣ, разбирались и выяснялись ученицами ихъ планъ, основная мысль и послѣдовательное раскрытіе ея второстепенными. При изученіи русской литературы по руководствамъ Незеленова и Саводника имѣлось въ виду не только надлежащее изученіе до-Петровскаго періода нашей литературы, но и болѣе глубокое ознакомленіе воспитанницъ съ литературною дѣятельностью главнѣйшихъ русскихъ писателей послѣдующаго періода.

Гражданская исторія проходила по журнальному постановленію Совѣта, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, съ распределеніемъ по классамъ учебнаго матеріала съ нѣкоторымъ отступленіемъ отъ распределенія, указаннаго программю: во 2 классѣ—эпизодическій курсъ Русской Исторіи по краткому руководству Рождественскаго, въ 3 классѣ—вся древняя Исторія (по программѣ только Исторія Востока и Греціи) по руководству Иловайскаго, въ 4 классѣ

вся Средняя Исторія до вѣка открытій (по программѣ—Исторія древняго Рима и среднихъ вѣковъ); въ 5 классѣ—вѣкъ открытій, эпоха гуманизма и реформаціи и часть Русской Исторіи до царствованія Феодора Іоанновича (по программѣ—Новая Исторія); въ 6 классѣ 18 и 19 вѣка Всеобщей Исторіи и окончаніе Русской Исторіи (по программѣ—систематическій курсъ Русской Исторіи) по учебнику Рожественскаго. При изученіи Исторіи обращалось особое вниманіе на выдающіяся эпохи въ жизни народовъ. Учащими разъяснялся общій смыслъ событій, ихъ причины и результаты. При изложеніи событій Отечественной Исторіи, для лучшаго пониманія ихъ, приводились аналогичныя свѣдѣнія изъ Исторіи другихъ народовъ. Картины по древней Исторіи, историческія карты и хронологическія таблицы составляли необходимую принадлежность при изученіи Исторіи, а для возстановленія связи историческихъ фактовъ уроки Исторіи почти всегда сопровождались повтореніемъ по вопросамъ.

Географія изучалась: во 2 классѣ начальный курсъ по учебнику Раевского, въ 3 и 4 классахъ — Внѣевропейскія страны и Европа по учебнику Крубера, въ 5 классѣ—Россія по учебнику Дворникова и Соколова и въ 6 классѣ — Космографія по учебнику Покровскаго. Знакомство съ географическими мѣстностями и запоминаніе географическихъ названій пріобрѣталось чрезъ разсмотрѣніе географическихъ картъ, картинъ и глобусовъ. Сухой географическій матеріалъ разнообразился живописнымъ описаніемъ мѣстностей преподавателемъ или чтеніемъ географическихъ хрестоматій. Свѣдѣнія изъ физической и математической географіи, необходимыя для пониманія географическихъ терминовъ, воспитанницы усвоили наглядно при помощи глобуса, теллурия и другихъ приборовъ.

Ариѳметика изучалась по руководству Киселева, задачникамъ Гольденберга, Малинина и Буренина. Въ 1 классѣ изучались дѣйствія надъ простыми числами, во 2-мъ — надъ именованными, въ 3-мъ—надъ дробями простыми и десятичными, а въ 4 классѣ изучались отношенія, пропорціи и тройныя правила съ правилами смѣшенія и процентовъ. Въ 5 и 6 классахъ алгебра и геометрія проходились по руководствамъ Киселева и Давыдова (геометрія). Въ 5 классѣ по алгебрѣ пройдено объ алгебраическихъ знакахъ и дѣйствіяхъ, объ одночленѣ и многочленѣ и дѣйствіяхъ надъ ними, о пропорціяхъ и объ алгебраическихъ дробяхъ. По геометріи—объ аксіомахъ и теоремахъ, о линіяхъ и углахъ, о треугольникахъ, о параллельныхъ линіяхъ, о параллелограммахъ, о хордахъ и углахъ въ кругѣ и о подобныхъ треугольникахъ. Въ 6 классѣ по алгебрѣ, послѣ повто-

ренія пройденнаго въ 5 классѣ, воспитанницы были ознакомлены съ извлеченіемъ квадратнаго корня отъ чиселъ и съ квадратнымъ уравненіемъ, съ возвышеніемъ въ степень и съ извлеченіемъ корня изъ одночленовъ, а равно съ составленіемъ и рѣшеніемъ уравненій 1-й степени съ однимъ и болѣе неизвѣстнымъ. По геометріи же въ 6 классѣ воспитанницы были ознакомлены съ правильными многоугольниками и измѣреніемъ площадей прямоугольныхъ фигуръ, съ свойствами кривыхъ линій окружностей, круга и многоугольниковъ, а равно съ измѣреніемъ длины окружностей и площади круга, призмы, параллелоипеда, пирамиды, цилиндра, конуса и шара. Изученіе математики, въ виду особой трудности ея, производилось практическимъ путемъ: теоретическія правила выводились чрезъ разсмотрѣніе особыхъ примѣровъ и закрѣплялись въ памяти учащихся рѣшеніемъ устныхъ и письменныхъ задачъ.

Физика изучалась по руководству Краевича (основаніе физики). Въ 5 классѣ прошли отдѣлы: объ общихъ свойствахъ тѣлъ, гидростатику, аэростатику, аэродинамику, о теплотѣ и парахъ и краткія свѣдѣнія о простѣйшихъ химическихъ явленіяхъ. Въ 6 классѣ—о магнетизмѣ, акустику, механику, оптику, электростатику съ электродинамикой. Для лучшаго ознакомленія съ физическими явленіями производились необходимыя физическія опыты на приборахъ.

При изученіи дидактики въ 5 и 6 классахъ по руководствамъ Миропольскаго и Смирнова—2-я часть было обращено вниманіе на усвоеніе воспитанницами способовъ начальнаго обученія предметамъ, указаннымъ въ программѣ церковно-приходскихъ школъ. Съ этой цѣлью воспитанницы, по установленной очереди, посѣщали образцовую церковно-приходскую школу при Училищѣ и давали здѣсь пробные уроки по заранѣ составленнымъ ими конспектамъ по всемъ предметамъ школьнаго курса.

Природовѣдѣніе въ 4 и 5 классахъ изучалось по руководству профес. Нечаева, Зеленскаго и Лебедева. Воспитанницы пріобрѣтали общія свѣдѣнія о воздухѣ, водѣ, землѣ, строеніи и жизни растений, животныхъ и человѣка. Изученіе явленій природы совершалось наглядно, по образцамъ мѣстной природы, или по картинамъ природы и человѣка, или по коллекціямъ минераловъ и препаратовъ животныхъ.

По церковному пѣнію занятія воспитаницъ состояли въ ознакомленіи съ квадратной и круглой системами нотъ и изученіи осьмогласнаго церковнаго пѣнія, а въ 6 классѣ также и изученіи краткой методики преподаванія церковнаго пѣнія въ начальной школѣ.

Воспитанницы изучали трехголосныя и четырехголосныя церковныя пѣснопѣнія, употребляемыя при Богослуженіи.

По чистописанію и рисованію, за неимѣніемъ особыхъ программъ, занятія состояли въ письменныхъ упражненіяхъ по руководству Гербача, въ черченіи разныхъ геометрическихъ фигуръ и въ рисованіи простыхъ предметовъ съ рисунковъ или съ натуры.

Занятія по рукодѣлю состояли въ обученіи шитью: воспитанницы занимались шитьемъ форменныхъ платьевъ и разнаго бѣлья, необходимаго въ ихъ быту.

Изученіе французскаго языка происходило по руководству Триллинга и состояло въ чтеніи и письмѣ по французски, въ изученіи правилъ грамматики, переводѣ съ французскаго на русскій языкъ и въ составленіи простыхъ разговорныхъ фразъ по французски. Изученіе нѣмецкаго языка состояло въ чтеніи и переводахъ съ нѣмецкаго языка на русскій, заучиваніи нѣмецкихъ словъ и письмѣ нѣмецкихъ фразъ въ тетрадяхъ и на доскѣ.

Занятія воспитанницъ по музыкѣ состояли въ игрѣ на рояли и на скрипкѣ гаммъ, этюдовъ и легкихъ пьесъ въ 2 и 4 руки.

За выполненіемъ учебныхъ программъ, направленіемъ и методами преподаванія имѣлъ наблюденіе Инспекторъ классовъ, который съ этой цѣлью посѣщалъ уроки наставниковъ, просматривалъ записи уроковъ въ классныхъ журналахъ и иногда посѣщалъ вечернія занятія воспитанницъ. Въ видахъ наблюденія за вниманіемъ ученицъ и поведеніемъ ихъ уроки посѣщались и г-жею Начальницей Училища.

г) О седьмомъ дополнительномъ педагогическомъ классѣ.

Седьмой дополнительный педагогическій классъ при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ Училищѣ открытъ въ 1908 году и организованъ согласно Высочайше утвержденному положенію о сихъ классахъ при Училищѣ, напечатанному въ № 41 «Церковныхъ Вѣдомостей» за 1907 годъ. Онъ состоялъ изъ одного отдѣленія и количество учащихся въ немъ было 35. Воспитанницы 7 класса живутъ въ училищномъ общежитіи и подчиняются наравнѣ со всѣми остальными воспитанницами всѣмъ училищнымъ правиламъ и порядкамъ. Сверхъ установленной платы за содержаніе въ общежитіи воспитанницы 7-го класса вносили еще 25 руб. за обученіе и пользованіе учебными, книгами, пособіями и письменными принадлежностями. Воспитанницами 7 класса изучались всѣ предметы, поименованныя въ 5 пунктѣ «Положенія»: 1) Законъ Божій съ методикой начальнаго наставленія въ немъ, 2) Исторія литературы

40-хъ и 60-хъ годовъ XIX-го столѣтія, 3) всеобщая и русская исторія XIX-го вѣка, 4) математика, 5) естествовѣдѣніе, 6) физика, 7) гигиѣна, 8) педагогическая психологія, 9) церковное пѣніе. При преподаваніи сихъ предметовъ преслѣдовалась двоякая цѣль: съ одной стороны—образовательная, съ другой—педагогическая. На теоретическихъ урокахъ главнымъ образомъ имѣлось въ виду поднятіе общеобразовательнаго уровня воспитанницъ. Такъ, на урокахъ Закона Божія въ системѣ были воспроизведены и раскрыты всѣ главныя истины христіанскаго вѣроученія и нравоученія, при чемъ главное вниманіе обращалось на то, чтобы возможно глубже осмыслить и укрѣпить въ учащихся христіанское настроеніе духа. На урокахъ русской литературы очень обстоятельно, съ критическимъ разборомъ были рассмотрѣны произведенія новѣйшей русской литературы: Тургенева, Гончарова, Л. Толстого, Достоевскаго, Аксакова, Островскаго, Некрасова, А. Толстого. На урокахъ русской гражданской Исторіи главное вниманіе учащихся обращалось на явленія внутренней жизни русскаго народа, жизни церковной и общественной, на развитіе ея бытовыхъ формъ и на связь съ жизнью и культурой Западно-Европейской. На урокахъ психологіи, примѣнительно къ педагогическимъ цѣлямъ, было обращено вниманіе на изображеніе главнѣйшихъ процессовъ и формъ мышленія, на раскрытіе законовъ и условій постепеннаго роста душевныхъ силъ и развитія душевныхъ способностей, начиная съ первыхъ проявленій сознанія у дѣтей и усвоенія способовъ воздѣйствія на душевную жизнь ребенка. По естествовѣдѣнію въ 7 классѣ изучены характерныя явленія, происходящія въ жизни природы въ различныя времена года (осенній листопадъ, перелетъ птицъ, зимовье растений и животныхъ, снѣжный покровъ и т. д.). Особенное вниманіе обращалось на развитіе наблюдательности у воспитанницъ и любви къ изученію природы. Здѣсь же былъ пройденъ и краткій курсъ химіи. На урокахъ гигиѣны были сообщены элементарныя свѣдѣнія изъ анатоміи, фізіологіи и собственно гигиѣны, при чемъ были сообщены краткія свѣдѣнія о подачѣ первоначальной помощи въ несчастныхъ случаяхъ. На урокахъ математики было пройдено по алгебрѣ: о прогрессіяхъ разносторонной и кратной съ рѣшеніемъ задачъ на нахожденіе элементовъ прогрессій по извѣстнымъ основнымъ формуламъ; о логариомахъ чиселъ съ приложеніемъ ихъ къ рѣшенію задачъ на сложные проценты; по тригонометріи пройдено: предметъ тригонометріи; измѣреніе линій, дугъ и угловъ; тригонометрическія линіи и величины, измѣненіе ихъ, опредѣленіе угла по нимъ; формулы приведенія; зависимость между величинами одного

и того же угла, тригонометрическія величины суммы, разности двухъ угловъ, двойного и положительнаго угла; логарифмы тригонометрическихъ величинъ; приведеніе формулъ къ тригонометрическому виду; вспомогательные углы; прямоугольные треугольники, рѣшеніе ихъ; косоугольные треугольники, основные случаи рѣшенія косоугольныхъ треугольниковъ. Преподаваніе физики заключалось въ дополненіяхъ къ основному курсу физики шести классовъ. Эти дополненія сдѣланы были по теоріи свѣтовыхъ явленій, по отдѣлу механики (механическое взаимодействіе тѣлъ, силы, всеобщее тяготѣніе), объ энергіи, о свѣтовыхъ волнахъ, о волнообразномъ движеніи и о беспроволочномъ телеграфированіи. Занятія по церковному пѣнію состояли въ изученіи воспитанницами элементарной теоріи музыки, сольфеджіо, а также методики церковнаго пѣнія и постановки его въ народной школѣ.

Кромѣ того, на теоретическихъ урокахъ въ 7 классѣ были пройдены методики предметовъ начальнаго обученія: Закона Божія, русскаго и церковно-славянскаго языковъ и ариѳметики.

Практическія занятія воспитанницъ 7-го класса въ отчетномъ году были поставлены слѣдующимъ образомъ:

Въ виду того, что обученіе есть искусство, для пріобрѣтенія коего практическія занятія имѣютъ большее значеніе, чѣмъ теоретическія, практическія занятія воспитанницъ 7-го класса въ образцовой церковно-приходской школѣ признаны не менѣе важными, чѣмъ теоретическія, и потому: 1) практиическимъ занятіямъ въ школѣ посвящалось въ теченіе года не менѣе часовъ, чѣмъ теоретическимъ. Преподавателямъ методикъ предоставлялось право, въ интересѣ дѣла, замѣнять теоретическіе уроки практическими и обратно, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы общее число уроковъ, употребляемыхъ на практическія занятія въ теченіе года, ни въ какомъ случаѣ не было меньше числа уроковъ, посвященныхъ прохожденію методики. 2) Каждая воспитанница 7-го класса въ теченіе года должна была дать въ присутствіи преподавателя и своего класса, по меньшей мѣрѣ, по одному пробному уроку по каждому изъ предметовъ, методики коихъ проходятся въ 7 классѣ. 3) Такъ какъ умѣнье оцѣнивать педагогическую дѣятельность важно и само по себѣ, и какъ средство лучшей подготовки къ самостоятельной учительской дѣятельности, то каждая воспитанница неоднократно привлекалась преподавателемъ къ все-сторонней оцѣнкѣ пробныхъ уроковъ, данныхъ ею подругою. 4) Практическія занятія воспитанницъ въ школѣ оцѣнивались установленными отмѣтками, которымъ при выводѣ годичнаго балла по

предмету придавалось не меньшее значеніе, чѣмъ отмѣткамъ по методикѣ предмета.

Практическія занятія воспитанницъ 7-го класса стояли въ связи съ таковыми же занятіями воспитанницъ 6-го класса, являясь дальнѣйшимъ развитіемъ и продолженіемъ послѣднихъ, и потому: 1) преподаватель дидактики въ 6 классѣ сообщалъ преподавателю методикъ 7 класса свѣдѣнія о томъ, сколько по каждому предмету школьнаго курса дано было пробныхъ уроковъ, какой матеріаль, по какой методѣ и съ какимъ успѣхомъ былъ разработанъ на каждомъ урокѣ. 2) На долю воспитанницъ 7-го класса, уже пріобрѣтшихъ нѣкоторые навыки въ дѣлѣ обученія и знакомыхъ съ основными методологическими данными, отводилось все наиболѣе трудное и сложное изъ школьнаго преподаванія, а именно: а) воспитанницы 7 класса упражнялись въ занятіяхъ съ двумя и тремя отдѣленіями одновременно; б) для пробныхъ уроковъ имъ назначался болѣе сложный и трудный матеріаль (напр., по Закону Божию катехизисъ и Богослуженіе, по русскому языку объяснительное чтеніе статей поэтическихъ, географическихъ, историческихъ и естественно-научныхъ и т. д.); в) воспитанницы 7 класса прорабатывали матеріаль по болѣе труднымъ методамъ и формамъ преподаванія (напр., еврестической формѣ); г) упражнялись въ примѣненіи новыхъ методъ на практикѣ, испытывая ихъ достоинства и недостатки. 3) Въ виду необходимости воспитанницамъ 7 класса назначать уроки большей сложности и трудности существующая при Училищѣ школа преобразована въ школу съ 4-хъ годичнымъ курсомъ, вслѣдствіе чего воспитанницы имѣли возможность вести занятія не только по Закону Божию, русскому и церковно-славянскому языкамъ, ариѳметикѣ и пѣнію, но и по исторіи и географіи.

1) Пробнымъ урокамъ воспитанницъ 7 класса предшествовали примѣрные уроки съ разборомъ ихъ законоучителя, учительницъ школы и преподавателя методикъ.

2) Время, цѣль и способъ разработки матеріала для типичнаго урока указывался законоучителю и учительницѣ школы преподавателемъ методики заблаговременно. При этомъ, дабы не получилось пагубнаго разногласія и даже противорѣчія между положеніемъ методики и примѣрнымъ урокомъ законоучителя и учительницы, преподаватель методики предварительно стоваривался съ учащими въ школѣ лицами относительно не только важнѣйшихъ сторонъ предстоящаго типичнаго урока, но и деталей его. 3) Примѣрный урокъ разбирался при участіи воспитанницъ 7 класса съ обращеніемъ вни-

манія на тѣ именно стороны и особенности урока, демонстрированіемъ коихъ былъ вызванъ этотъ урокъ. Иногда воспитанницы 7 класса еще предъ примѣрнымъ урокомъ были оповѣщаемы о цѣляхъ и приемахъ его, чтобы на это именно онѣ обратили вниманіе во время самаго урока. 4) Разборъ примѣрнаго урока въ присутствіи воспитанницъ производился тѣмъ самымъ лицомъ, которое давало его.

Чтобы полнѣе и лучше ознакомиться съ школьною жизнью, со всѣми ея порядками, воспитанницы 7 класса ежедневно по очереди дежурили въ школѣ. Дежурныя воспитанницы, присутствуя на урокахъ въ школѣ, принимали близкое участіе въ разныхъ сторонахъ школьнаго дѣла: по порученію учительницы занимались тѣмъ или другимъ предметомъ съ младшею группою, исправляли ученическія тетради, во время перемѣнъ наблюдали за учащимися и т. д. Въ праздничные и воскресные дни воспитанницы устраивали школьникамъ чтенія съ туманными картинами. Такимъ образомъ, воспитанницы 7 класса получали всестороннее знакомство съ порядками школьной жизни.

Воспитанницы 6-го класса также принимали участіе въ занятіяхъ въ образцовой церковно-приходской школѣ. По назначенію преподавателя дидактики, воспитанницы присутствовали цѣлымъ классомъ на урокахъ учительницы или законоучителя школы, а затѣмъ, подъ наблюденіемъ и руководствомъ преподавателя, давали и самостоятельные уроки въ школѣ. Кроме того, по 4 воспитанницы изъ 6-хъ классовъ и 2 изъ 5 классовъ постоянно по очереди присутствовали на школьныхъ урокахъ, помогая учительницѣ въ преподаваніи и вели особый журналъ, въ который записывали содержаніе и послѣдовательный ходъ cadaго урока.

д) О распредѣленіи письменныхъ упражненій и степени достигаемыхъ ими уроковъ.

Въ дополненіе къ устнымъ урокамъ и совмѣстно съ устнымъ усвоеніемъ изучаемыхъ предметомъ воспитанницы всѣхъ классовъ упражнялись въ домашнихъ и классныхъ письменныхъ работахъ. Воспитанницы трехъ младшихъ классовъ списывали съ книги, писали заученныя стихотворенія, диктанты на изученныя этимологическія и синтаксическія правила, писали также (воспитанницы 3 класса) переложенія небольшихъ рассказовъ и стихотвореній по плану, выработанному въ классѣ. Воспитанницы четырехъ старшихъ классовъ писали самостоятельныя работы на сроки и на данныя темы. Сочиненія эти состояли изъ рассказовъ и описаній по даннымъ статьямъ, въ

4 классѣ изъ разсказовъ и описаній самостоятельныхъ, въ 5, 6 и 7 классахъ—изъ такихъ же самостоятельныхъ описаній, или сравненій и разсужденій. Каждое сочиненіе сопровождалось кратко изложеннымъ планомъ, который въ низшихъ классахъ вырабатывался предварительно воспитанницами въ классѣ при помощи преподавателя, а въ старшихъ классахъ составлялся учащимися самостоятельно. Срокъ для написанія сочиненій опредѣлялся въ 20 дней, а для 7-го класса мѣсячный. Темы преподавателями представлялись на обсужденіе Педагогическаго Совѣта, заносились въ журналъ и представлялись вмѣстѣ съ расписаніемъ на утвержденіе Его Высокопреосвященства. Въ отчетномъ году въ 6, 5 и 4 классахъ было написано по 7 срочныхъ, а въ 7 классѣ 5 сочиненій на слѣдующія темы:

По Закону Божію въ 7 классѣ: 1) «Возможность и необходимость Божественнаго Промысла», 2) «Истина бытія Божія», 3) «Значеніе христіанства въ мировой исторіи», 4) „Всеобщность религіи и возраженіе противъ нея“, 5) „Важное значеніе Св. Преданія въ Церкви Христовой“. Въ 6-хъ классахъ: 1) „Назидательность жизни и подвиговъ свв. мученицъ: Софіи, Вѣры, Надежды и Любви“, 2) „Что расположило къ христіанству Римскаго Императора Константина Великаго послѣ длиннаго ряда Императоровъ-гонителей христіанства“. Въ 5-хъ классахъ: «Изложеніе житія святой, въ честь которой я наименована при святомъ Крещеніи». Въ 4-хъ классахъ: 1) „Почему для христіанъ нужно не только Св. Писаніе, но и Св. Преданіе“, 2) „Краткое изложеніе православно-христіанскаго ученія, заключающагося въ 1-мъ членѣ Символа вѣры“.

По русскому языку въ 7 классѣ: 1) „Народное міровоззрѣніе по разсказамъ „Записки Охотника“ Тургенева и „Воспитаніе“ Гончарова, 2) „Отечественная война въ русской художественной литературѣ“ (по сборникамъ, изданнымъ къ юбилею). Въ 6-хъ классахъ: 1) „Наполеонъ и Александръ Благословенный по одамъ Пушкина“, 2) Отраженіе событій 1812 года въ басняхъ Крылова“, 3) „Какія обстоятельства изъ жизни Пушкина были болѣе замѣчательны и особенно благоприятны для развитія его таланта“, 4) „Поэзія крестьянскаго быта въ произведеніяхъ Кольцова“. Въ 5-хъ классахъ: 1) Значеніе „ученическихъ экскурсій“, 2) „Значеніе для Славянъ просвѣтительной дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія“, 3) Время царствованія Іоанна Грознаго и его личность по историческимъ пѣснямъ“, 4) «Дѣтскія впечатлѣнія Митрофанушки, Простакова и Илюши Обломова“. Въ 4-хъ классахъ: 1) «Памятный для меня день на прошедшихъ каникулахъ», 2) „Моя родина и связанныя съ нею воспоминанія“,

3) «Любимыя мои книги въ дѣтствѣ», 4) «Малороссійскіе обряды, связанныя съ Рождественскими Святками».

По Гражданской Исторіи въ 7 классѣ: 1) «Отечественная война, ея причины и слѣдствія», 2) «Вторая половина царствованія Императора Александра I-го». Въ 6-хъ классахъ: 1) „Что сдѣлали для возвышенія Москвы первые Московскіе князья“, 2) „Колонизація сѣвѣровосточной Руси“. Въ 5-хъ классахъ: 1) «Чѣмъ были вызваны Крестовые походы», 2) «Какими отличительными явленіями характеризуются средніе вѣка». Въ 4-хъ классахъ: 1) „Характеристика древнихъ Римлянъ“, 2) «Происхожденіе феодализма» (4 норм. классъ), 3) «Бытъ и нравы древнихъ Германцевъ», 4) «Причины паденія Западной Римской Имперіи», 5) „Развитіе феодализма“ (4 пар. классъ).

По географіи въ 6 классахъ: 1) „Море—другъ и врагъ человѣка“, 2) „Небо—это великая, всегда раскрытая предъ нами книга, которую мы должны изучить“, 3) «Великія и грозныя явленія природы», 4) „Значеніе въ Россіи сельскихъ ярмарокъ“. Въ 5-хъ классахъ: 1) „Вліяніе природы на характеръ человѣка“, 2) «Природа и нравы Малороссіи», 3) «Картины родной природы по произведеніямъ русскихъ писателей», 4) „Москва и Петербургъ, какъ центры развитія наукъ и искусствъ“.

По природовѣдѣнію въ 5-хъ классахъ: 1) «Процессъ кровообращенія у человѣка и его значеніе для жизни», «Строеніе и жизнь низшихъ споровыхъ растений—водорослей и грибовъ». Въ 4-хъ классахъ: 1) «Золото, его добываніе и свойства», 2) «Особенности въ строеніи сѣмени и условія прорастанія сѣмянъ».

По естествовѣдѣнію въ 7 классѣ: 1) «Сезонныя явленія въ природѣ», 2) «Организмъ и среда».

По педагогической психологіи въ 7 классѣ: 1) «Значеніе идеала въ жизни человѣка», 2) «Роль вниманія въ различныхъ актахъ душевной жизни», 3) «Взгляды детерминистовъ и индетерминистовъ на возможность воспитанія и оцѣнка этихъ взглядовъ», 4) «Значеніе религіи въ дѣлѣ воспитанія».

По дидактикѣ въ 6-хъ классахъ: 1) «Почему должность учительницы считается одною изъ самыхъ отвѣтственныхъ», 2) «Какими качествами должна обладать и какія мѣры должна предпринимать учительница для пріобрѣтенія и поддержанія своего авторитета», 3) «Въ чемъ состоитъ сущность обученія и какія цѣли оно должно преслѣдовать», 4) «Достоинства и недостатки системы совокупнаго обученія по сравненію ея съ системой одиночнаго обученія», 5) «Повторительные, наводящіе и развивающіе вопросы (ихъ сущность,

значеніе и примѣры)», 6) «Достоинства и недостатки классной системы обученія сравнительно съ предметной».

Прочитывая письменныя работы ученицъ, преподаватели исправляли ихъ, указывая орфографическія и логическія погрѣшности, а затѣмъ представляли на просмотръ о. Инспектору классовъ. Возвращая работы воспитанницъ, преподаватели не только указывали общія достоинства и недостатки, но и разбирали подробно нѣкоторыя изъ нихъ въ классѣ, выдающіяся съ какой либо стороны—положительной или отрицательной.

Кромѣ сочиненій, воспитанницы 3 и 4 классовъ составляли по одному въ мѣсяцъ письменному ариѳметическому отвѣту, въ которомъ подробно излагали весь ходъ рѣшенія данной задачи, а воспитанницы 5 и 6 классовъ писали письменные отвѣты по алгебрѣ.

Объ успѣхахъ воспитанницъ въ письменныхъ работахъ можно судить по слѣдующей таблицѣ балловъ по сочиненіямъ:

К Л А С С Ы	Общее число воспитанницъ	Число получившихъ баллы				Не оказавшихъ успѣховъ
		5	4	3	2	
4-й нормальный . . .	47	13	15	18	—	1
4-й параллельный . . .	45	5	20	20	—	—
5-й нормальный . . .	45	5	21	19	—	—
5-й параллельный . . .	49	12	23	13	—	1
6-й нормальный . . .	54	10	14	30	—	—
6-й параллельный . . .	41	6	12	20	1	2
7-й дополнительный . . .	35	7	20	8	—	—

Средній баллъ по всеѣмъ классамъ за сочиненіе—3,75.

Согласно опредѣленію Св. Синода отъ 2—18 іюля 1908 года, за № 4503, въ виду важнаго значенія въ дѣлѣ умственнаго развитія воспитанницъ Училища, баллы за письменныя работы воспитанницъ старшихъ классовъ, начиная съ 4-го, имѣли самостоятельное значеніе и принимались во вниманіе при переводѣ воспитанницъ въ слѣдующіе классы, а также при назначеніи наградъ за успѣхи въ наукахъ.

е) *Продолжительность учебного года и время экзаменовъ.*

Отчетный учебный годъ начался переэкзаменовками воспитанницъ, произведенными 2 и 28 августа 1912 года, и пріемными испытаніями дѣтей на поступленіе ихъ въ Училище, произведенными 31 августа и 1 сентября. Учебныя занятія начались 3-го сентября

и продолжались до 27-го апрѣля 1913 года. Учебный годъ состоялъ изъ 240 дней, изъ коихъ учебныхъ дней было 142. 29 апрѣля были произведены письменные экзамены во всѣхъ классахъ, а устные экзамены начались съ 1-го мая и продолжались до 6-го іюня, согласно расписанію, составленному Инспекторомъ классовъ, рассмотрѣнному Совѣтомъ Училища и утвержденному Его Высокопреосвященствомъ. 9-го іюня состоялся годичный актъ, на которомъ были розданы воспитанницамъ, окончившимъ курсъ ученія аттестаты, а воспитанницамъ 7-го класса — свидѣтельства. Воспитанницы младшихъ классовъ отпускались по домамъ раньше, по мѣрѣ окончанія экзаменовъ.

ж) Число переведенныхъ изъ класса въ классъ, число окончившихъ полный курсъ съ аттестатами и число выбывшихъ изъ Училища по разнымъ причинамъ.

Для обсужденія результатовъ годичныхъ занятій 30-го апрѣля, 29-го мая, 6-го іюня и 28-го августа состоялись общія Педагогическія Собранія, на которыхъ были составлены Совѣтомъ Училища общіе переводные списки воспитанницъ.

Нижеслѣдующая таблица, составленная на основаніи утвержденныхъ Его Высокопреосвященствомъ списковъ, показываетъ результаты годичныхъ занятій.

К Л А С С Ы и О Т Д Ѣ Л Е Н І Я	Сколько воспитанницъ въ классъ	Сколько воспитанницъ переведено безъ перекламеновъ	Сколько удостоено награды?	Сколько держало перекламеновки	Сколько успешно выдержало перекламеновки	Сколько переведено безъ экзамена	Число оставшихся на повторительный курсъ по малоуспѣшности	Число оставшихся на повторительный курсъ по прошеніямъ родителей	Число уволенныхъ по малоуспѣшности	Число уволенныхъ по прошеніямъ родителей
1-й нормальный	50	39	6	9	6	—	4	1	—	—
1-й параллельный	51	39	5	6	1	—	7	2	1	1
2-й нормальный	52	37	3	10	6	—	8	1	—	—
2-й параллельный	49	36	2	7	4	—	7	2	—	—
2-й дополнительный	50	36	2	2	1	—	9	3	—	1
3-й нормальный	47	34	8	4	2	1	8	1	—	1
3-й параллельный	45	30	6	7	6	—	7	1	1	—
3-й дополнительный	45	33	5	6	6	1	4	1	—	—
4-й нормальный	47	45	9	1	1	3	—	—	1	—
4-й параллельный	45	41	6	4	4	1	—	—	—	1
5-й нормальный	45	42	6	3	2	—	1	—	—	—
5-й параллельный	49	43	9	5	4	—	—	1	—	1
6-й нормальный	55	53	7	1	1	—	—	—	—	1
6-й параллельный	41	38	6	—	—	—	—	1	1	1
7-й дополнительный	35	35	14	—	—	—	—	—	—	—

Изъ 706 воспитанницъ 92 воспитанницы 6-го класса, какъ вполне успѣшно прошедшія и окончившія училищный курсъ, по постановленію Совѣта Училища, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, на основаніи § 111 Высочайше утвержденного «Устава Епархіальныхъ женскихъ Училищъ», удостоены права на званіе домашнихъ учительницъ, съ выдачей имъ установленныхъ аттестатовъ, 35 воспитанницъ окончили 7-й педагогическій классъ и получили, на основаніи Высочайше утвержденного «Положенія» о сихъ классахъ, свидѣтельства; переведены въ слѣдующіе классы 499 воспитанницъ, оставлено на повторительный курсъ 69 воспитанницъ, уволено изъ Училища по малоуспѣшности 4 и по прошенію родителей 7 воспитанницъ.

(Продолженіе будетъ).

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

1) Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія должности.

1) Діаконъ церкви с. Терновъ, Лебединскаго уѣзда, *Николай Поповъ*, 22 февраля опредѣленъ на священническое мѣсто при Воскресенской церкви с. Булацеловки, Зміевского уѣзда.

2) Крестьянинъ *Емельянъ Прошакъ* 7 февраля опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Николаевской церкви с. Тянушевки, Старобѣльскаго уѣзда.

3) Бывшій псаломщикъ *Михаиль Логвиновъ* 10 февраля временно назначенъ на псаломщицкое мѣсто при церкви с. Высочиновки того-же уѣзда.

4) Бывшій псаломщикъ *Александръ Подольскій* 8 февраля опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Вознесенской церкви гор. Лебедина.

5) Крестьянинъ *Иванъ Олейниковъ* 18 февраля опредѣленъ временно и. д. псаломщика при церкви с. Пристѣна, Купянск. уѣзда.

6) Бывшій псаломщикъ *Иванъ Протопоповъ* 21 февраля опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при церкви с. Бобрива, Сумскаго уѣзда.

2) О перемѣщеніи духовенства.

1) Священникъ церкви с. Булацеловки, Зміевского уѣзда, *Василій Ястремскій* по прошенію, 22 февраля перемѣщенъ къ церкви с. Лютовки, Богодуховскаго уѣзда.

2) Псаломщикъ церкви с. Танюшевки, Старобѣльскаго уѣзда, *Петръ Раевскій*, по прошенію 7 февраля перемѣщенъ къ Всѣхсвятской церкви с. Старога Мерчика, Валковскаго уѣзда.

3) Объ увольненіи за штатъ.

1) Псаломщикъ Вознесенской церкви гор. Лебедина *Теодоръ Матвѣевъ*, за поступленіемъ на службу въ другое вѣдомство, 7-го февраля уволенъ за штатъ.

2) Псаломщикъ Вознесенской церкви с. Бобрика, Сумскаго у., *Тихонъ Горанскій*, 21 февраля уволенъ за штатъ.

4) Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

1) Къ церкви с. Никитовки, Ахтырскаго уѣзда, старостою 6-го февраля утвержденъ крестьянинъ *Максимъ Пушкарь*.

2) Къ Христо-Рождественской церкви с. Боромли, того-же уѣзда, старостою 16 февраля утвержденъ мѣщанинъ *Михаилъ Шведовъ*.

3) Къ церкви с. Старога Мерчика, Валк. уѣзда, старостою 4-го февраля утвержденъ крест. *Андрей Бибенко*.

4) Къ церкви с. Николаевки II, Волчанскаго уѣзда, старостою 7 февраля утвержденъ крестьянинъ *Николай Калениченко*.

5) Къ Христорождественской церкви с. Береки, Зміевского уѣзда, старостою 3 февраля утвержденъ крестьянинъ *Григорій Горловъ*.

6) Къ церкви с. Ново-Александровки, Изюмскаго уѣзда, старостою 7 февраля утвержденъ крестьянинъ *Михаилъ Домополь*.

7) Къ Николаевской церкви при ст. «Лиманъ» Сѣв.-Дон. жел. дор. старостою 11 февраля утвержденъ мѣщанинъ *Александръ Кодокинъ*.

8) Къ церкви с. Капитольскаго, Изюмскаго уѣзда, старостою 13 февраля утвержденъ дворянинъ *Вадимъ Рославлевъ*.

9) Къ церкви с. Старовѣровки, Купянскаго уѣзда, старостою 7 февраля утвержденъ крест. *Николай Гура*.

10) Къ церкви с. Терновъ, того-же уѣзда, старостою 7 февраля утвержденъ крест. *Алексій Ажимовъ*.

11) Къ церкви с. Юрьевки, того-же уѣзда, старостою 13 февраля утвержденъ крест. *Иванъ Прищепя*.

12) Къ церкви с. Сычевки, Староб. уѣзда, старостою 6 февраля утвержденъ крестьянинъ *Теодоръ Солопъ*.

13) Къ церкви с. Присяной, того-же уѣзда, старостою 8 февраля утвержденъ крест. *Тимовой Кнышевъ*.

14) Къ церкви с. Павловки, того-же уѣзда, старостою 12 февраля утверждень крест. *Димитрій Антоненко*.

15) Къ Мироносицкой церкви гор. Харькова старостою 11 февраля утверждень потомственный почетный гражданинъ *Димитрій Обицеровъ*.

16) Къ Іоанно-Предтеченской церкви с. Основы старостою 11-го февраля утверждень крест. *Андрей Шевченко*.

5) Объ утвержденіи въ должности законоучителей.

1) Священникъ церкви с. Безгиновой, Староб. уѣзда, *Алексій Лобковскій*, 3 февраля утверждень въ должности законоучителя Михайловскаго народнаго училища.

2) Священникъ с. Лимана, Староб. уѣзда, *Симеонъ Наумовъ*, 3 февраля утверждень законоучителемъ Лиманскаго народнаго училища.

3) Священникъ церкви с. Тарасовки, Богодух. уѣзда, *Іоаннъ Юшковъ*, 8 февраля утверждень законоучителемъ Тарасовскаго народнаго училища.

6) Присоединеніе къ православію.

Священникомъ Харьковской Спасо-Преображенской церкви *Сергѣемъ Уманцевымъ* присоединень къ Православію Екатеринославскій мѣщанинъ *Илія Брукъ*, евангелическо-лютеранскаго вѣроисповѣданія.

Кромѣ того, присоединены къ Православію раскаявшіеся «имябожники»—монахи Аѳонскаго монастыря, крестьяне—с. Волкодавовой, Старобѣльскаго уѣзда, *Стефанъ и Михаилъ Вакуленко*, с. Васищева, Харьковскаго уѣзда, *Маркъ Овчаренко*, с. Евсуга, Староб. уѣзда, *Симеонъ Герасименко*, с. Колядовки, того-же уѣзда, *Симеонъ Бѣлый и Евфимій Шевченко*, с. Куньяго, Изюмскаго уѣзда, *Иванъ Иванчукъ*, с. Янченково, Сумскаго уѣзда, *Иванъ Андриченко* и с. Преображенной, Купянскаго уѣзда, *Савва Топыло*. Всѣми вышепоименованными лицами даны соответствующія подписки объ отреченіи ихъ отъ ереси.

7) Вакантныя мѣста.

Діаконскія:

При Покровской ц. с. Покровска, Купянскаго уѣзда.

„ Николаевской ц. с. Терновъ, Леб. уѣзда.

Вакантныхъ священническихъ и псаломщицкихъ мѣстъ не имѣется.

II.

Содержаніе. О священныхъ изображеніяхъ. (Миссіонерская бесѣда). *Мис.-евяц. Ѳ. Сулимы.*—Инопархіальный отдѣлъ. Духовный голодъ въ Сибири.—Храмъ-памятникъ въ память 300-лѣтняго царствованія Дома Романовыхъ.—Призывъ Омскаго Епископа.—Разныя извѣстія и замѣтки. Приходскіе пріюты-ясли.—Объявленія.

О священныхъ изображеніяхъ.

(Миссіонерская бесѣда).

Радуйтесь, праведные, о Господь и славьте память святыхъ Его (Псл. 96, 12).

Православные христіане! Отъ дней древнихъ св. угодники Божіи: Патріархи, Пророки, Апостолы, св. Отцы и учителя Церкви Божіей, а съ ними и вся св. истинно-христіанская Церковь Христова, воспѣвая Бога, прославляя дивныя дѣла Его, всегда совершали свое служеніе Богу предъ священными изображеніями Бога, изображеніями дивныхъ явленій Его,—знаменій и чудесъ,—предъ священными предметами, чрезъ которые являлъ Господь великія и неизреченныя блага Своему народу избранному Своему. Люди Божіи поклонялись Богу *въ благолюбивыхъ святилищахъ Его* (Псл. 28, 2), и не только поклонялись, но и благоговѣли предъ святынями Божіими. Дивные примѣры сего благоговѣнія мы видимъ въ словѣ Божіемъ; такъ, *когда поднимался ковчегъ въ путь, Моисей говорилъ: возстань Господи, и разсыплются враги Твои... а когда останавливался ковчегъ, онъ говорилъ: возвратись Господи...* (Числ. 10, 35—36).

Почему св. угодники Божіи воздавали такую великую честь и славу святынямъ Божіимъ?

Великую честь и славу воздавали святынямъ потому во 1), что святыни сдѣланы по повелѣнію Божію: *И сказалъ Господь, Моисею говоря... сдѣлай изъ золота двухъ херувимовъ: чеканной работы сдѣлай ихъ на обоихъ концахъ крышки... тамъ Я буду открываться и говорить съ тобою надъ крышкою, между двухъ херувимовъ* (Исх. 25, 18 и 22).

По повелѣнію Божію эти священныя изображенія и другія (Іезк. 41, 17—20; 3 Цар. 7, 29) были поставлены во св. храмѣ какъ внутри его, такъ и снаружи. Всѣ онѣ *возвѣщали*

славу Божию (Псл. 18, 2); *слава и величіе предъ лицемъ Его, сила и великолѣпіе во святилищѣ Его* (Псл. 95, 6).

Во 2), воздавали великую честь и славу святынямъ потому, что чрезъ нихъ посылалъ Господь людямъ Своимъ великія блага: исцѣленія отъ недуговъ тѣлесныхъ;—и сказалъ Господь Моисею: *сдѣлай себѣ мѣднаго змѣя и выставь его на знамя, и ужасенный, взглянувъ на него, останется живъ* (Числ. 21, 7—9);—чрезъ нихъ люди получали благословеніе Божіе: *и оставался ковчегъ Господень въ домъ Авведора Гевянина три мѣсяца, и благословилъ Господь Авведора и весь домъ его* (2 Цар. 6, 11); чрезъ святыни Божіи люди получали и освященіе: *семь дней очищай жертвенникъ и освяти его, и будетъ жертвенникъ святыня великая: все прикасающееся къ жертвеннику освятится* (Исх. 29, 37; 30, 28—29).

Въ 3), воздавали честь и славу священнымъ изображеніямъ и потому, что среди нихъ Самъ Господь открывался людямъ и говорилъ съ ними (Исх. 25, 22); въ словѣ Божіемъ Господь изображается сѣдящимъ на херувимахъ: и принесли изъ Силома *ковчегъ завѣта Господа Саваога сѣдящаго на херувимахъ* (1 Цар. 4, 4; Псл. 17, 11). Вотъ почему священныя изображенія въ словѣ Божіемъ называются изображеніями *славы* Божіей (Евр. 9, 5); вотъ почему угодники Божіи, по повелѣнію-же Божію, предъ ними возжигали свѣтильники, воскуряли ѳиміамъ и совершали свое служеніе (Исх. 27, 20—21).

Какъ же намъ, православные, послѣ столькихъ указаній слова Божія не почитать и не прославлять священныхъ изображеній, когда чрезъ нихъ изливаются на насъ великія и благодатныя дарованія Божіи,—когда чрезъ нихъ мы познаемъ всемогущество Божіе! Мы должны любить Бога, быть Ему вѣрными, такъ какъ въ этомъ залогъ нашего счастья и блаженства; но мы должны чтить и священныя изображенія, какъ памятники божественной святости. Псалмопѣвецъ и царь Давидъ призываетъ всѣхъ насъ къ прославленію святыни Его такъ: *радуйтесь, праведные, о Господѣ и славьте память святыни Его* (Псл. 96, 10—12), *слава и величіе предъ лицемъ Его, сила и великолѣпіе во святилищѣ Его* (Псл. 95, 6).

Какъ же мы можемъ славить памятники святыни Его, если ихъ не будетъ у насъ и предъ глазами нашими?!

Велики были памятники святости Божіей въ Вѣтхомъ Завѣтѣ,—еще больше ихъ стало въ Новомъ Завѣтѣ, ибо теперь пришла полнота временъ (Гал. 4, 4). Теперь во всей силѣ сбывается пророчество Захаріи (14, 20—21): число священныя изображеній теперь увеличивается и находятся они въ большемъ почитаніи у всѣхъ народовъ, боящихся Бога; въ день, напр., Боявленія Господня мы начертываемъ святыню даже на „конскихъ уборахъ“; мы видимъ теперь храмы Божіи, украшенные какъ небо (Псл. 77, 69); мы имѣемъ теперь священныя изображенія не только херувимовъ, но и Самаго Бога, Сына Божія, во плоти пришедшаго, Духа Святаго (Іоан. 14, 8—9; Лук. 3, 22), Божіей Матери, св. угодниковъ Божіихъ и надъ всѣми сими священными изображеніями—знамя нашего спасенія, знамя полноты временъ—честный и животворящій крестъ Господень (Ис. 60, 13).

Вотъ какіе великіе и чудные памятники святыни Божіей явилъ намъ Господь въ Новомъ Завѣтѣ! Какъ же мы можемъ не чтить и не прославлять ихъ, когда чрезъ нихъ являетъ Господь славу и всемогущество Свое. *Небеса проповѣдуютъ славу Божию* (Псл. 18, 2), воздадимъ и мы славу Богу (Втрз. 32, 3), воздадимъ славу и памятникамъ святыни Его (Псл. 96, 12)!

II.

Но силенъ врагъ спасенія рода человѣческаго, всюду онъ ищетъ искушеній для народа Божія и находитъ ихъ. Нашелъ онъ искушеніе и въ памятникахъ святыни Божіей. Врагъ спасенія нашего внушилъ немощнымъ людямъ, сектантамъ, не только не почитать ихъ, но и отвергать и глумиться надъ ними, дабы тѣмъ скорѣе могли забыть они и Самаго Бога.

Сектанты совершенно отвергаютъ почитаніе священныя изображеній, не славятъ памятниковъ святыни Божіей. Угрызаемые совѣстію своею, стремятся они оправдать себя, отъ слова Божія; но здѣсь впадаютъ они еще въ большій грѣхъ—хулу на Духа Святаго, ибо священныя изображенія называютъ идолами,—это уже хула на Духа Святаго, и грѣхъ сей не отпустится имъ ни въ сей жизни, ни въ будущей (Мѡ. 12, 31). Ссылаются сектанты въ свое оправданіе на вторую заповѣдь закона Божія—не дѣлай никакого изображенія, и на другія мѣста Свящ. Писанія (Втрз. 5, 8—9; Исх.

20, 4—5; Втрз. 4, 15—16 и др.); но во всѣхъ этихъ мѣстахъ Свящ. Писанія рѣчь идетъ не о священныхъ изображеніяхъ, ибо они повелѣнія Божіи, а объ идолахъ и служеніи предъ ними. О поклоняющихся и служащихъ предъ ними слово Божіе такъ говоритъ: да постыдятся всѣ служащіи истуканамъ (Псл. 96, 7), ибо всѣ боги народовъ (языческихъ) идолы, а Господь небеса сотворилъ (Псл. 95, 5). Мы же, будучи народомъ Божіимъ, хотя и немощнымъ, не только не думаемъ, но и знаемъ, что Божество не подобно золоту, серебру или камню, получившему образъ отъ искусства или вымысла человѣческаго (Дѣян. 17, 29). Самъ Господь Богъ нашъ устами пророка Іезекііля научилъ насъ отличать *священное отъ несвященнаго, чистое отъ нечистаго* (44, 15 и 23). Что лучшее и болѣе назидательное мы можемъ имѣть предъ глазами своими, какъ не памятники святыни Божіей? Чѣмъ мы можемъ замѣнить, напр., изображеніе распятія Спасителя, когда къ нему обращены всѣ взоры и помыслы наши?

Что же касается того, какъ исполнять заповѣди Божіи и въ частности вторую заповѣдь, то лучше всего научиться намъ изъ примѣра Самого Господа. Богъ далъ намъ такого же содержанія и четвертую заповѣдь: не дѣлай (въ субботу) никакого дѣла (Втрз. 5, 14). Что же мы видимъ? Господь въ субботу исцѣлилъ сухорукаго (Лук. 6, 7—11) и много творилъ знаменій и чудесъ въ субботу, такъ что книжники и фарисеи говорили: не отъ Бога этотъ человекъ, потому что не хранитъ субботы (Іоан. 9, 16). Господь спрашиваетъ евреевъ: что должно дѣлать въ субботу? добро, или зло (Лук. 6, 9)? Не думайте, что я пришелъ нарушить законъ... не нарушить пришелъ Я, но исполнить (Мѣ. 5, 17). То же понятіе мы должны имѣть и о второй заповѣди, и слово Божіе утверждаетъ насъ въ этомъ. *Не дѣлай никакого изображенія, говоритъ Господь Богъ, и въ то же время говоритъ и сдѣлай себѣ идола!*

Что же это—противорѣчіе? Нисколько! Не дѣлай изображенія идоловъ, но дѣлай себѣ священные и чистыя изображенія; дабы славить чрезъ нихъ память святыни Божіей!

Что говорили лицемѣрные книжники и фарисеи Господу о субботѣ, то нынѣ говорятъ намъ сектанты о священныхъ изображеніяхъ.

Воистину искушены они врагомъ нашего спасенія, искушаютъ и другихъ они.

А посему, православные, *трезвитесь, бодрствуйте, потому что противникъ нашъ діаволъ ходитъ, какъ рыкающій левъ, ища кого поглотить; противостойте ему твердою върою... Богъ же всякой благодати, призвавшій васъ въ вѣчную славу Свою во Христа Иисуса, Самъ... да совершитъ васъ, да утвердитъ, да укрѣпитъ, да содѣлаетъ непоколебимыми. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь* (1 Петр. 5, 8—11).

Мис.-свят. *Ө. Сулима.*

ИНОЕПАРХІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЬ.

Духовный голодъ въ Сибири.

Сибирь въ буквальномъ смыслѣ духовной жаждою томима. Священниковъ мало, приходы рѣдкіе, разстоянія между церквами огромныя.

Между тѣмъ деревни растутъ, какъ грибы, образуются новые поселки въ прежнихъ пустыряхъ, торговыя селенія превращаются въ города. Въ городѣ Мариинскѣ три священника на семь тысячъ православнаго городского населенія и на столько же душъ деревень, расположенныхъ на 40 верстъ кругомъ. Въ Мариинскѣ женская гимназія, желѣзнодорожное училище, кажется, два или три училища городскихъ высшаго и низшаго разрядовъ и до десятка школъ министерскихъ и церковно-приходскихъ. Мѣстное отдѣленіе сообщаетъ епарх. уч. совѣту, что Законъ Божій преподавать рѣшительно некому, отказывается даже дьяконъ за недосугомъ. Священники же буквально задавлены дѣломъ законоучительства и по приходу. И это въ каждомъ уѣздномъ городѣ. Что же говорить о деревняхъ?

Огромный процентъ переселенцевъ—раскольники и сектанты. Насколько дѣятельно ведутъ они свое дѣло, показалъ миссіонерскій отчетъ братства св. Димитрія за 1912 годъ. Обращеній изъ раскола было 12 случаевъ, а отпаденій отъ православія пятьсотъ съ чѣмъ-то. Да еще не всѣ случаи отпаденія зарегистрированы официально.

Есть въ Томскѣ раскольническій епископъ Іоасафъ, простой мѣщанинъ, бывший торговецъ, который и теперь очень любитъ ходить по Толкучему рынку, приемотрѣть, приторговать, купить, продать.

Не очень начитанъ, но дѣло свое знаетъ и править. Простымъ умомъ своимъ смекаетъ, что теперь нужно какъ можно больше поповъ. Подѣламъ торговымъ и нуждамъ духовнымъ наѣзжалъ въ Томскъ обыкновенный, но грамотный мужичокъ-плотникъ изъ деревни. Деревня глухая, дальняя, но большая; стала застраиваться и размножаться переселенцами въ послѣдніе 1—3 года. Раскольниковъ тамъ было лѣтъ пять назадъ не болѣе 2—3 семействъ, въ числѣ которыхъ значился и этотъ мужичокъ. Понравился онъ Іоасафу и получилъ отъ него предложеніе принять поповскій санъ. Мужичокъ сначала отказался, но потомъ смекнулъ, что это статья прибыльная и не такъ тяжелая, какъ топоръ и рубанокъ. Кругомъ нѣтъ церкви, священника православнаго деревня не видитъ годами,—некому ни окрестить, ни похоронить во-время; а население прибавляется, растутъ и духовныя нужды.

И сталъ мужичокъ священствовать. Старый амбаръ превратился въ храмъ; самъ сдѣлалъ, перестроилъ, придѣлалъ алтарь, повѣсилъ пять, шесть иконъ древняго письма. Надъ входомъ повѣсилъ колоколъ въ 1 пудъ. Въ одинъ прекрасный день деревня была разбужена первымъ ударомъ. Оказалось и утрению служилъ въ своемъ амбарѣ, а потомъ обѣдню. Сначала сосѣди недоумѣвали, смѣялись. Но женщины пришли посмотреть, пришли православныя. Потомъ повели дѣтей причащать, крестить.

А теперь? Теперь это большой раскольническій приходъ въ нѣсколько сотъ душъ, въ которомъ $\frac{2}{3}$ бывшихъ православныхъ. Всѣ записались раскольниками пріемлющими священство.

Храмъ-памятникъ въ память 300-лѣтняго царствованія Дома Романовыхъ.

15 января въ С.-Петербургѣ освященъ храмъ-памятникъ въ ознаменованіе 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ. Храмъ-памятникъ созданъ по благочестивой инициативѣ Феодоровскаго Нижегородскаго монастыря, на монастырскомъ клочкѣ земли, въ захолустной Полтавской улицѣ столицы, гдѣ проживаетъ духовно-голодающій, такъ нуждающійся въ храмѣ, рабочій людъ. Монастырь возгорѣлъ желаніемъ устроить въ столицѣ храмъ-памятникъ въ увѣковѣченіе 300-лѣтняго юбилея царствованія Дома Романовыхъ, когда во главѣ Нижегородской епархіи стоялъ архипастыръ Назарій, нынѣ архіепископъ Херсонскій и Одесскій; при немъ заложенъ храмъ и организованъ строительный комитетъ, во главѣ съ доблестнымъ провѣщеннымъ генераломъ Дашковымъ, подъ августѣйшимъ покровительствомъ Великаго Князя Михаила Александровича. Продолжалось строительство

храма при попечительныхъ заботахъ нынѣшняго Нижегородскаго епископа Іоакима, подъ неусыпнымъ наблюденіемъ архимандрита Алексія. Храмъ-памятникъ сооруженъ на собранныя въ храмахъ всея Россіи лепты Царелюбиваго народа и на жертвы отдѣльныхъ щедродательныхъ русскихъ людей всѣхъ званій и состояній, а потому долженъ быть справедливо названъ всероссійскимъ храмомъ-памятникомъ.

Призывъ Омскаго Епископа.

Въ Омской епархіи Еп. Андроникъ Омскій удрученъ состояніемъ своей епархіи, для которой нехватаетъ кандидатовъ въ священники. Не только во вновь открываемые, но и въ старожильческіе приходы приходится назначать людей случайныхъ, безъ должнаго образованія и подготовки.

Епископъ недавно обратился черезъ „Епарх. Вѣдом.“ къ духовенству нѣкоторыхъ губерній съ такимъ приглашеніемъ.

„Омская епархія не имѣетъ своей духовной семинаріи. Изъ внутреннихъ же епархій боязливо перебираются сюда нужные люди, боясь Сибири, какъ дикаго края. И совершенно напрасно. Теперешняя Сибирь ничѣмъ почти не разнится отъ внутренней Россіи.

Обеспеченіе духовенства достаточное: кромѣ доходовъ, обычное жалованье священнику 600 руб. и только въ рѣдкихъ случаяхъ 300 руб.; земли отведено не менѣе 99 дес. Съ открытіемъ прихода непременно строятся причтовые дома и церкви или молитвенные дома. Пути сообщенія прекрасные. Усердіе новоселовъ къ храму и къ богослуженію удивительное: во многихъ случаяхъ новоселы сами прежде всего строятъ храмъ или молитвенный домъ на свои средства.

Конечно, есть и трудности, особенно пока строятся причтовые дома. Но перетерпѣть приходится недолго.

Описывая все это, призываю всѣхъ, желающихъ потрудиться въ новомъ краѣ, отозваться на мое приглашеніе и переселиться въ Омскую епархію для служенія въ священномъ санѣ. Всякій желающій имѣетъ подать на мое имя въ г. Омскъ прошеніе. Я же по сношеніи съ епархіальнымъ начальствомъ, въ случаѣ безпрепятственности, и буду назначать на открывающіяся священническія мѣста.

Воинстину здѣсь „жатва многа, а дѣлателей мало“. Приходите на жатву сію по моему зову, какъ по зову Пастыреначальника Христа, не желающаго, чтобы души христіанскія оставались безъ пастырей. „Здѣсь воѣмъ дѣла будетъ много“.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Приходскіе пріюты—ясли.

Во многихъ епархіяхъ, за послѣдніе годы, стали по мысли священниковъ на средства земствъ устраивать въ сельскихъ приходахъ такъ называемыя пріюты—ясли. Вопросъ объ устройствѣ яслей имѣеть огромную важность и вотъ почему.

Извѣстно, какъ часты и опустошительны бываютъ въ селеніяхъ пожары, въ очень частыхъ случаяхъ—происходящіе отъ дѣтскихъ шалостей. Убытки отъ пожаровъ, причиненныхъ дѣтскою шалостію за 4 года (1896—1899 гг.) въ одной Симбирской губерніи исчислены въ 362.209 руб., въ Воронежской—только за три года на 144.000 руб.

Въ виду сего установленіе лѣтомъ надзора за деревенскими дѣтьми необходимо. Приходскія ясли какъ разъ и удовлетворяють этой задачѣ.

Да только ли пожары говорятъ о необходимости яслей.

Всѣмъ извѣстно, что такое «страда деревенская», когда нѣтъ времени для отдыха, когда всѣ въ полѣ, когда дома остаются одни лишь дѣти—малолѣтніе подъ присмотромъ бабушекъ-старухъ (за которыми самими нуженъ уходъ) или нянекъ-сестренокъ 7—12 лѣтъ. И каждый, близко знакомый съ бытомъ и положеніемъ крестьянъ, согласится, что ясли необходимы не только какъ противодѣйствіе распространенію пожаровъ въ селеніяхъ, но и какъ лучшее средство борьбы съ дѣтскою смертностью.

При безпризорности сельской дѣтвоты, въ весеннее и лѣтнее время, часто въ приходѣ происходятъ «несчастные» случаи съ дѣтьми.

Лѣтомъ же свирѣпствуютъ дѣтскія эпидеміи. Лишь пришла «дѣловая пора», крестьянки-матери уходятъ въ поле и часто несутъ младенцевъ съ собою, тамъ кладутъ ихъ гдѣ-нибудь: подъ снопами, у копы, а сами безъ усталости работаютъ.—Жарко, душно бѣдному малюткѣ, облѣпленному и мухами и комарами,—онъ накричится, осипнетъ, посинѣетъ, и наголодается; чтобы «какъ-нибудь» забавить ребенка, мать сунетъ въ ротъ ему соску, начиненную кренделями, или «красными» пряниками, и опять за работу... отъ этой жвачки у младенца по неволѣ заболѣетъ животикъ, пойдутъ колики, и является поносъ. Лѣтомъ лѣчить некогда, больница и докторъ далеко отъ деревни,—помираетъ ребенокъ, помираетъ зря, только потому, что хорошаго ухода за нимъ не было, да въ ротъ ему изжованную тряпку давали и оставляли на рукахъ 7-лѣтней сестренки-няньки или

70-лѣтней бабушки. И вотъ гробикъ за гробикомъ несутъ на кладбище. И много такъ погибаетъ дѣтей, много сотенъ, тысячъ.

Несомнѣнно доказано: 1), что дѣтская смертность сильнѣе именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе больше занимается земледѣліемъ (гдѣ, слѣдовательно, женщины лѣтомъ работаютъ въ полѣ); 2), что увеличеніе дѣтской смертности падаетъ на лѣтніе страдные мѣсяцы; 3) наибольшая смертность дѣтей въ лѣтнее время происходитъ отъ поносовъ. Статистика говоритъ, что изъ 1000 новорожденныхъ до года умираетъ: въ Швеціи—129, въ Англіи—145, Франціи 163, Германіи—235, въ Россіи—306 человекъ! Отсюда и общая смертность (34,2 на тысячу) у насъ очень высока, какъ нигдѣ въ Европѣ. Высокій о/о смертности населенія въ Россіи зависитъ отъ дѣтскихъ эпидемій, и, главнымъ образомъ, отъ дѣтскихъ поносовъ.

Въ западныхъ государствахъ подобныя ясли существуютъ уже давно. Еще въ началѣ прошлаго вѣка одинъ священникъ въ Штейнталѣ (въ Эльзасѣ) устроилъ на собственный счетъ ясли, куда и собиралъ оставленныхъ родителями дѣтей.

Впослѣдствіи такіе ясли-пріюты стали возникать во многихъ приходахъ Германіи, постепенно совершенствуясь; въ нихъ стали обращать вниманіе не только на физическій уходъ за дѣтьми, но и на ихъ умственное развитіе.

У насъ въ Россіи, тамъ, гдѣ земство обратило вниманіе на это дѣло, уѣздная земская управа обыкновенно обращается къ врачамъ, прося ихъ намѣтить пункты, гдѣ удобнѣе и болѣе необходимо организовать ясли. слѣдовало бы управамъ и врачамъ сноситься и съ сельскими священниками и учителями, какъ съ людьми болѣе освѣдомленными съ бытомъ нашихъ поселянъ.

Устройство яслей простое, большихъ расходовъ не требуетъ, нужна лишь инициатива и поддержка со стороны интеллигентныхъ лицъ въ приходѣ. Если въ тѣхъ селахъ, гдѣ они открыты, имѣется врачъ, то общій надзоръ за ними предоставляется ему, для наблюденія же, завѣдыванія и веденія отчетности и контроля приглашаются жены приходскихъ священниковъ, учительницы, фельдшерицы и др.

Помѣщеніями для приходскихъ пріютовъ могутъ служить школьныя зданія, свободныя въ лѣтнее время.

Расходъ по содержанію яслей зависитъ отъ количества дѣтей, продолжительности дѣятельности, платности служащаго персонала, той или иной обстановки и проч. Въ общемъ можно сказать, пріюты на 40—45 дѣтей обойдутся, приблизительно, рублей 200 за два мѣсяца («Совр. Лѣт.»).

Объ изданіи миссіонерскаго журнала

„Православный Благовѣстникъ“

СЪ 1914 ГОДА.

(ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

„Православный Благовѣстникъ“, какъ единственный органъ, исключительно посвященный вопросамъ внѣшней миссіи, являясь изданіемъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, имѣетъ свою цѣлю, съ одной стороны, выясненіе великой важности миссіонерскаго служенія для русской Православной Церкви и Русскаго государства, съ другой—возможно полное и вѣрное изображеніе дѣятельности нашихъ отечественныхъ проповѣдниковъ (миссіонеровъ), и тѣхъ условій, среди которыхъ она совершается въ настоящее время, и, наконецъ,—указаніе научныхъ и практическихъ основъ миссіонерскаго дѣла.

Въ составъ русскаго государства входитъ много различныхъ племёнъ, еще невѣдущихъ истиннаго Бога и донинѣ коснѣющихъ во тьмѣ язычества и магометанства; съ дальнѣйшимъ движеніемъ русскаго владычества въ глубь Азіи, число ихъ все болѣе увеличивается. Прямой и священный долгъ каждаго сына Православной Церкви приложить всё свои усилія къ тому, чтобы и эти наши сограждане, эти наши младшіе братья слышали слово спасенія и были приведены въ ограду Церкви Христовой.

Этого требуетъ и интересъ государственный. Многовѣковой исторической опытъ свидѣтельствуешь, что духовное приобщеніе инородцевъ къ русскому народу и единеніе съ ними вѣрнѣе и успѣшнѣе всего совершается чрезъ обращеніе ихъ въ христіанство.

Недавно обнародованный законъ о вѣротерпимости не снимаетъ съ насъ обязанности помогать и содѣйствовать приобрѣтенію новыхъ чадъ Христовой Церкви, по заповѣди Спасителя, пославшаго Своихъ Апостоловъ учить и крестить вся языки. Православная Миссія, проповѣдая ученіе Христово, не употребляетъ и не можетъ употреблять никакихъ виѣшнихъ, а тѣмъ болѣе насильственныхъ мѣръ и средствъ для обращенія въ вѣру Христову, предоставляя это дѣло доброму произволенію и совѣсти каждаго, и всесильному дѣйствию Божіей благодати. Тѣмъ болѣе должно развиваться и преуспѣвать въ усердіи и силѣ благовѣстіе Христово словомъ, или, какъ изъясняетъ святой апостолъ—священнодѣйствіе проповѣди.

Мы думаемъ, что свѣдѣнія о состояніи нашихъ миссій и апостольской дѣятельности нашихъ отечественныхъ миссіонеровъ (вѣропроповѣдниковъ) не могутъ не представлять живого интереса для всѣхъ, кому дороги успѣхи Православной Церкви и русской гражданственности. Сообщение же этихъ свѣдѣній, какъ выше показано, будетъ занимать видное мѣсто въ нашемъ миссіонерскомъ журналѣ „Православный Благовѣстникъ“.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА СЛѢДУЮЩАЯ:

I. **Руководящія статьи** по вопросамъ, касающимся православно-миссіонерскаго дѣла въ Россіи и за ея предѣлами. Научная разработка вопросовъ внѣшней миссіи среди язычниковъ, мусульманъ и другихъ иновѣрцевъ.

II. Церковно-школьный отдѣлъ. Школа, какъ орудіе православно-христіанской миссіи. Постановка обученія и воспитанія въ инородческихъ школахъ.

III. Современное положеніе отечественныхъ миссій. Географическіе очерки мѣстностей, населенныхъ инородцами и служащихъ поприщемъ дѣятельности для нашихъ вѣропроповѣдниковъ. Очерки этнографическіе, изображающіе ролигіозно-нравственныя воззрѣнія инородцевъ, ихъ бытъ, а также семейныя и общественныя отношенія, въ связи съ религіозными вѣрованіями. Русскіе вѣропроповѣдники—въ мѣстахъ ихъ постоянной дѣятельности; внѣшняя сторона ихъ жизни. Проповѣдь; условія, благопріятствующія проповѣди или же останавливающія ея успѣхи. Мѣры, принимаемыя къ утвержденію православія между новообращенными инородцами и сближенію ихъ съ русскими; просвѣтительно-благотворительныя учрежденія въ православно-русскихъ миссіяхъ.

IV. Очерки и рассказы изъ исторіи первоначальнаго распространенія христіанства въ разныхъ странахъ свѣта и преимущественно въ Россіи. Судьбы отечественныхъ миссій въ ближайшемъ прошломъ.

V. Вопросы миссіонерской методики: правила и способы проповѣди. Образцы бесѣдъ и поученій съ иновѣрцами. Положительное наученіе. Полемика.

VI. Миссіонерская дѣятельность на Западѣ. Свѣдѣнія о католическихъ и протестантскихъ миссіяхъ и ихъ дѣятельности, преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ и странахъ, гдѣ эти миссіи вступаютъ въ соприкосновеніе и борьбу съ православіемъ.

VII. Миссіонерская хроника. Извѣстія и замѣтки: краткія отрывочныя свѣдѣнія, относящіяся къ миссіонерскому дѣлу въ настоящее время и заимствуемыя изъ газетъ, писемъ и пр.

VIII. Библиографія. Отзывы о разныхъ книгахъ и статьяхъ, относящихся къ миссіонерству. Обзоръ журнальныхъ статей, касающихся дѣла миссіи.

IX. Извѣстія о пожертвованіяхъ, поступающихъ въ пользу православно-русскихъ миссій.

X. Приложение: Отдѣлъ оффиціальныи. Постановленія и распоряженія церковнаго и гражданскаго правительства, касающіяся миссіонерскаго дѣла. Вопросы внѣшней миссіи въ Миссіонерскомъ при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣтѣ. Распоряженія Совѣта Миссіонерскаго Общества. Его отчеты. Свѣдѣнія о дѣятельности Епархіальныхъ Комитетовъ Общества.

XI. Объявленія.

Журналъ выходитъ разъ въ мѣсяцъ книжками въ объемѣ 15—18 печатныхъ листовъ каждая. Цѣна изданія 6 р. въ годъ съ пересылкою. При редакціи съ 1914 года организуется особое миссіонерское издательство книгъ, брошюръ и листовъ на русскомъ и инородческомъ языкахъ. О планѣ этого издательства, о имѣющихъ выходить въ свѣтъ книгахъ и брошюрахъ будетъ объявлено особо. Въ журналѣ будутъ помѣщаться относящіяся къ статьямъ иллюстраціи.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Православный Благовѣстникъ“, а также въ Канцеляріи Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества. Плата за объявленія: 1 стран. 20 руб., 1/2 стран. 10 р., 1/4 стран. 5 р., 1/8 стран. 3 р.—за одинъ разъ; при многократн. объявл.—уступка по соглашенію. Переменная адреса—25 коп.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КАНЦЕЛЯРІИ: Москва, Лиховъ пер. (близъ Каретнаго ряда), Епархіальный домъ.

Остающіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры журнала за прежніе (съ 1893 г.) могутъ быть высланы по 3 руб.

Редакторъ Синодальный Миссіонеръ-Проповѣдникъ
Протоіерей Іоаннъ Восторговъ.

Открыта подписка

на второе (удешевленное вмѣсто 32 руб. за 16 руб.) ИЗДАНИЕ

Полной Толковой Библии

† проф. А. П. Лопухина,

въ 12-ти томахъ съ иллюстраціями на слѣдующихъ условіяхъ:

1. Подписная цѣна за всѣ двѣнадцать томовъ (свыш 500 стр. большого формата въ каждомъ) шестнадцать руб. съ пересылкою.
2. Допускается разсрочка подписной суммы по 2 руб. ежемѣсячно.
3. Во избѣжаніе утратъ на почтѣ всѣ тома Толковой Библии будутъ разсылаемы подписчикамъ не въ бандероляхъ, а въ посылкахъ, задѣланныхъ въ холстѣ.
4. Желающіе имѣть Толковую Библию въ изящныхъ англійскихъ переплетахъ благоволятъ прилагать по 50 коп. за каждый томъ, а всего 6 рублей.

Примчаніе. Въ отдѣльной продажѣ (для лицъ и учрежденій, не подписавшихся) цѣна остается прежняя: 3 руб. за томъ съ пересылкою.

Адресовать: С.-Петербургъ. Невскій 182, Контора духовнаго журнала „Странникъ“.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Продается **ТОЛКОВЫЙ АПОСТОЛЪ**, объясненіе дѣяній св. Апостолъ, Соборныхъ посланій, и 14 посланій Св. Апостола Павла,—доктора богословія, Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Никанора (Каменскаго), въ трехъ томахъ, всего 1550 страницъ, вмѣсто восьми рублей за 2 руб. 50 коп. съ пересылкою.

Деньги, вырученныя отъ продажи, поступаютъ въ пользу Попечительства о бѣдныхъ воспитанницахъ Казанскаго Епархіальнаго женскаго училища.

Съ требованіями обращаться въ канцелярію вышеозначеннаго Епархіальнаго училища.

Въ 1914 году

ДУХОВНЫЙ УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЧТЕНІЯ

въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія

будетъ издаваться по прежней программѣ выпусками въ количествѣ четырехъ и въ объемѣ отъ 5—7 листовъ каждый.

Цѣна журнала на годъ съ доставкою и пересылкою: 1) для членовъ Общества и всѣхъ его отдѣловъ—3 руб., 2) для лицъ, не состоящихъ членами Общества или какого-либо изъ его отдѣловъ—4 руб.

Подписка принимается въ Епархіальной библіотекѣ (Москва, Лиховъ пер., Епархіальный домъ).

5% закладные листы Харь- ковск. Город. Кредитн. О-ва

продаются по курсу дня въ Харьковѣ, въ Правленіи
О-ва (Сумская, 29).

Доходность 5% зак. лист. Харьк. Город. Кредитн. О-ва при ихъ настоящей курсовой цѣнѣ (81, 1) (2—82, 1) (2 за 100 номин.) составляетъ около 6% на затрачиваемый капиталъ. Закладн. листы О-ва погашаются только тиражами по номин. ихъ стоимости, т. е. за 100 номин. уплачивается 100 руб., такъ что вся разница между номинален. и курсовой стоимостью идетъ въ пользу владѣльцевъ закл. лист. Закладн. листы допущены къ котировкѣ на Харьк., С.-Петербур. и Моск. биржахъ. По уставу О-ва (§ 35) въ закл. листахъ Харьк. Городск. Кредитн. О-ва могутъ быть обращаемы капиталы малолѣтнихъ, разныхъ общественныхъ и иныхъ учрежденій и капиталы сберегательныхъ кассъ.

Закладн. листы О-ва обезпечиваются:

1) недвижимыми им-вами, подъ залогъ коихъ они выпущены,
2) круговой отвѣтственностью всѣхъ заложенныхъ въ О-вѣ им-въ и
3) всѣмъ достояніемъ О-ва. Кромѣ того, Харьк. Городск. Дума, подъ наблюденіемъ и контролемъ которой дѣйствуетъ Кредитное О-во, съ своей стороны гарантируетъ въ извѣстной суммѣ исправность платежа процентовъ по закладнымъ листамъ. Ссуды выдаются подъ им-ва только въ чертѣ г. Харькова въ размѣрѣ не свыше $\frac{2}{3}$ оцѣнки. За время существованія О-ва платежи поступали вполне аккуратно и ни одно изъ заложенныхъ им-въ не пошло въ продажу съ торговъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

МИССИОНЕРСКІЯ БЕСѢДЫ

Свящ. Ѡ. Сулимъ,

печатаемая въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“, выходятъ отдѣльными оттисками для продажи.

ЦѢНА каждаго десятка бесѣдъ одного названія или разныхъ названій—15 коп., сотня—1 руб. 25 коп. съ пересылкой.

Выписывать можно отъ автора—*Харьковъ, Карповская ул., д. № 14/2*, изъ книжной Соборной лавки и изъ Монастырской лавки.

Того же автора.

ПЛАНЫ БЕСѢДЪ

Пособіе для миссіонерскихъ бесѣдъ.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“, кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Проф. Н. Корсунскаго.— „Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Проф. В. Надлера.— „Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Біографическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.— „Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).— Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.— „Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова, — „Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.— „Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“— В. Ковалевскаго.— „Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.— „Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.— „Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.— „О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.— „О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.— „Ультрамонтантское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.— „Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.— „Зло, его сущность и происхождение“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла. Проф. Н. Глубоковскаго.— „Основное или Апологетическое Богословіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— Статьи объ антихриствѣ. Проф. А. Д. Бѣляева.— „Книга Руувъ“. Преосвященнаго Иннокентія, (бывшаго Экзарха Грузіи).— „Религія, ея сущность и происхождение“, Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Естественное Богопознаніе“, Проф. С. С. Глаголева.— „Философія монизма“. Проф.—прот. Т. Буткевича.— „Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“, Проф. Г. Струве.— „Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Проф. П. И. Линицкаго.— „Законъ причинности“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“.— Проф. П. П. Соколова, — „Очеркъ современной французской философіи“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.— „Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Проф. А. Шилтова.— „Психологическіе очерки“. Проф. В. А. Снегирева.— Чтеніе по космологіи. Проф. В. Д. Кудрявцева.— „Законъ жизни“ Проф. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ Г.Г. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы о томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакція не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: **въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.**

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

==== Редакція считаетъ необходимымъ предупредить г.г. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статьи и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

====
Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй Юшковъ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ Истоминоу.